

Научный центр «LJournal»

Рецензируемый научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№115, Ноябрь 2024
(Часть 9)

Самара, 2024

T33

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования» №115, Ноябрь 2024 (Часть 9) - Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2024 - 188 с.

doi: 10.18411/trnio-11-2024-p9

Тенденции развития науки и образования - это рецензируемый научный журнал, который в большей степени предназначен для научных работников, преподавателей, доцентов, аспирантов и студентов высших учебных заведений как инструмент получения актуальной научной информации.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Такой подход позволяет публиковать самые актуальные научные статьи и осуществлять оперативное обнародование важной научно-технической информации.

Информация, представленная в сборниках, опубликована в авторском варианте. Орфография и пунктуация сохранены. Ответственность за информацию, представленную на всеобщее обозрение, несут авторы материалов.

Метаданные и полные тексты статей журнала передаются в наукометрическую систему ELIBRARY.

Электронные макеты издания доступны на сайте научного центра «LJournal» - <https://ljournal.org>

© Научный центр «LJournal»
© Университет дополнительного
профессионального образования

УДК 001.1
ББК 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чернопятов Александр Михайлович
Кандидат экономических наук, Профессор

Царегородцев Евгений Леонидович
Кандидат технических наук, доцент

Пивоваров Александр Анатольевич
Кандидат педагогических наук

Малышкина Елена Владимировна
Кандидат исторических наук

Ильященко Дмитрий Павлович
Кандидат технических наук

Дробот Павел Николаевич
Кандидат физико-математических наук, Доцент

Божко Леся Михайловна
Доктор экономических наук, Доцент

Бегидова Светлана Николаевна
Доктор педагогических наук, Профессор

Андреева Ольга Николаевна
Кандидат филологических наук, Доцент

Абасова Самира Гусейн кызы
Кандидат экономических наук, Доцент

Попова Наталья Владимировна
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ханбабаева Ольга Евгеньевна
Кандидат сельскохозяйственных наук, Доцент

Вражнов Алексей Сергеевич
Кандидат юридических наук

Ерыгина Анна Владимировна
Кандидат экономических наук, Доцент

Чебыкина Ольга Альбертовна
Кандидат психологических наук

Левченко Виктория Викторовна
Кандидат педагогических наук

Петраш Елена Вадимовна
Кандидат культурологии

Романенко Елена Александровна
Кандидат юридических наук, Доцент

Мирошин Дмитрий Григорьевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ефременко Евгений Сергеевич
Кандидат медицинских наук, Доцент

Шалагинова Ксения Сергеевна
Кандидат психологических наук, Доцент

Катермина Вероника Викторовна
Доктор филологических наук, Профессор

Полицинский Евгений Валериевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Жичкин Кирилл Александрович
Кандидат экономических наук, Доцент

Пузыня Татьяна Алексеевна
Кандидат экономических наук, Доцент

Ларионов Максим Викторович
Доктор биологических наук, Доцент

Афанасьева Татьяна Гавриловна
Доктор фармацевтических наук, Доцент

Байрамова Айгюн Сеймур кызы
Доктор философии по техническим наукам

Лыгин Сергей Александрович

Кандидат химических наук, Доцент

Заломнова Светлана Петровна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Радкевич Михаил Михайлович

Доктор технических наук, Профессор

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук

Матвеев Роман Сталинарьевич

Доктор медицинских наук, Доцент

Шамутдинов Айдар Харисович

Кандидат технических наук, Профессор

Найденев Николай Дмитриевич

Доктор экономических наук, Профессор

Романова Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, Доцент

Хачатурова Карине Робертовна

Кандидат педагогических наук

Кадим Мундер Мулла

Кандидат филологических наук, Доцент

Григорьев Михаил Федосеевич

Кандидат сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ XVII. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	8
Пчегатлук Б.А. Современные цели и задачи гражданского судопроизводства в России.....	8
Ращупкина Л.В., Солоухина С.В. Правопорядок в УИС как показатель реализации права	11
Ремизов А.А. Правовая охрана редких и исчезающих видов растений и животных	14
Ремизов А.А., Юткевич Е.А. К вопросу об использовании космоса в военных целях	17
Репина Е.И. Правовое положение залогового кредитора в процедуре банкротства.....	20
Репина Е.И. Обеспечительные меры в гражданском процессе: особенности применения и отмены	22
Руднева Н.И. Ответственность за нарушение требований о маркировке интернет-рекламы: значение для предпринимательской деятельности	25
Руднева Н.И. Правовые аспекты обращения с промышленными отходами.....	27
Рыбина С.Н. Уголовно-исполнительная система как субъект экологических правоотношений.....	31
Савин А.А. Правомерность причинения вреда здоровью осужденному при пресечении незаконных действий	33
Савин С.В. Правовые аспекты регулирования заработной платы и решение проблемы неравенства доходов в России	36
Савченко А.Р., Рябченко А.Г. Возникновение и развитие политической и правовой мысли в России.....	38
Самадова З.Т. Актуальные вопросы освобождения несовершеннолетнего от наказания.....	41
Самадова З.Т. Портрет современного несовершеннолетнего преступника. Причины и факторы преступного поведения подростков.....	44
Сапрыкина Е.И. Электронный документ как доказательство в уголовном процессе ..	51
Сафонов А.А., Переверзев Л.А., Сороколетова М.А. Правовые аспекты охраны водных ресурсов в Российской Федерации	54
Скворцова Е.В. Государственная социальная помощь на основании социального контракта.....	57
Скворцова Е.В. Материнский (семейный) капитал как мера государственной поддержки семей с детьми	60
Советкина А.А. Влияние СМИ на мотивацию преступного поведения	63
Советкина А.А. Уголовная ответственность за незаконную охоту.....	66
Советкина А.А. Акции как ценные бумаги: понятие, виды, роль, значение	69
Сосник Н.П. Особенности рассмотрения дел об оспаривании завещаний в контексте реформирования процессуального законодательства	71
Тарасова В.А. Формы взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества современной России	74

Токарев Р.Ю., Рябченко А.Г. К вопросу об организационно-правовых основах деятельности российской полиции (1762-1782 гг.)	77
Торосян А.Г. К вопросу о применении обеспечительных мер в судебных спорах с участием акционерных обществ	80
Торушпанова У.А., Устинов А.А. Наследственный договор в российском гражданском праве	84
Труфанова А.С., Маревичев П.А. История появления акционерных обществ и особенность их функционирования в Российской Федерации	87
Труфанова А.С., Цуканов О.В. Лишение родительских прав как мера защиты прав и интересов ребёнка	91
Тур В.Г. Судебная система в крымском ханстве в книге австрийского купца Н.Э. Клемана	95
Умярова Л.Р., Балашова А.А. Злоупотребление правом на отвод судьи в гражданском судопроизводстве	100
Умярова Л.Р., Балашова А.А. Уважительные причины и форс-мажор в гражданском процессе	102
Упоров И.В. Местная власть в новейшей истории России: основные тенденции развития (правовой аспект)	105
Упоров И.В. Местное самоуправление и охрана общественного порядка: проблема наделения полномочиями	108
Упоров И.В. Регулирование статуса местной власти в Конституции СССР 1977 года	113
Упоров И.В. Структура и содержание законов о местном самоуправлении в СССР, РСФСР, Российской Федерации: краткий историко-правовой обзор	118
Федорук Д.А. Проблемы нарушения авторских прав в цифровой среде	124
Федоскин Н.Н., Комиссарова Е.А. Теоретические вопросы правовой культуры	128
Федоскин Н.Н., Шерашенкова Е.А. Вопросы административной ответственности в здравоохранении	131
Хайсарова А.Р., Круль А.С. Проблемы регулирования патронатного воспитания	134
Цыгулева Ю.Р. К вопросу об особенностях правового регулирования труда осужденных к лишению свободы	137
Чирьев И.С., Ильницкая Л.И. Проблемные вопросы правоприменения уголовно-правовых положений о необходимой обороне: процессуальный аспект	139
Чумак С.С. Обстоятельства, исключающие возможность участия в производстве по делу об административном правонарушении	142
Шабунько Ю.А. Отграничение судебной ошибки от дисциплинарного проступка ...	146
Шаговик И.Ю. Проблемы приобретения прав на земли, находящиеся в публичной собственности	149
Шаназарова Е.В. Пенитенциарный подход к проявлениям организованной и профессиональной преступности	152
Шаназарова Е.В., Потанькина М.С. Реализация принципов избирательного права в учреждениях уголовно-исполнительной системы	155
Шарова П.А. Некоторые аспекты злоупотребления избирательными правами	158

Шаршавова М.Ю., Набока А.А. К вопросу нормативного регулирования процедуры аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации	161
Шахмарданов В.Д. Правовой статус эксперта и специалиста: основные отличия.....	164
Швыдкова В.В. Криминологическая характеристика ятрогенных преступлений.....	166
Швыдкова В.В. Особенности правовой охраны морских млекопитающих.....	169
Швыдкова В.В. Заключение эксперта как средство доказывания в гражданском процессе	172
Швыдкова В.В. Профилактика терроризма среди молодежи.....	174
Шевчук И.В., Никитенко С.А. Экстремизм как угроза национальной безопасности общества.....	177
Dyachkova D.S., Timoshenko A.S., Gusakova N.L. Current problems of bringing parents to administrative responsibility for failure to fulfill responsibilities for the maintenance and upbringing of minor children	180
Slezko S.K., Asaulyak D.E., Gusakova N.L. Corruption in the field of taxation	183

РАЗДЕЛ XVII. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пчегатлук Б.А.

Современные цели и задачи гражданского судопроизводства в России

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-378

Аннотация

В статье рассматриваются цели и задачи гражданского судопроизводства в России, определенные современными изменениями в процессуальном законодательстве. Автор анализирует нормы гражданского процессуального права, уточняет понятия «цель» и «задача» судопроизводства, сопоставляет их с научными подходами к теории права и государственного управления. Особое внимание уделено интерпретации статьи 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, где изложены задачи гражданского судопроизводства и их влияние на укрепление правопорядка, предупреждение правонарушений и формирование уважительного отношения к закону и суду. В статье исследуется вопрос обоснованности отнесения мирного урегулирования спора к целям гражданского судопроизводства, а также выявляются противоречия и предлагаются рекомендации для совершенствования процессуальных норм. Автор также акцентирует внимание на необходимости системного подхода, отражающего задачи, связанные с деятельностью суда, участников судебного процесса и иных лиц, содействующих правосудию.

Ключевые слова: цели гражданского судопроизводства, задачи суда, гражданский процесс, мирное урегулирование споров.

Abstract

The article discusses the goals and objectives of civil proceedings in Russia, defined by modern changes in procedural legislation. The author analyzes the norms of civil procedure law, clarifies the concepts of "purpose" and "task" of legal proceedings, compares them with scientific approaches to the theory of law and public administration. Special attention is paid to the interpretation of Article 2 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which sets out the tasks of civil proceedings and their impact on strengthening law and order, preventing offenses and forming a respectful attitude towards the law and the court. The article examines the issue of the validity of attributing the peaceful settlement of a dispute to the purposes of civil proceedings, as well as identifies contradictions and offers recommendations for improving procedural norms. The author also focuses on the need for a systematic approach reflecting the tasks related to the activities of the court, participants in the judicial process and other persons promoting justice.

Keywords: goals of civil proceedings, tasks of the court, civil procedure, peaceful settlement of disputes.

Право на судебную защиту обладает конституционным характером, и одной из его форм является гражданское судопроизводство, которое представляет собой средство реализации правосудия в Российской Федерации. основополагающим принципом гражданского судопроизводства служит принцип доступности судебной защиты, несмотря на отсутствие прямого нормативного закрепления. Этот принцип можно выделить путем анализа различных положений законодательства.

Принцип доступности судебной защиты включает в себя три ключевых аспекта. Во-первых, это право на обращение в суд, предусмотренное статьей 46 Конституции РФ

[1]. Во-вторых, право на рассмотрение дела в суде, соответствующем его подсудности (ст. 47 Конституции РФ). И, в-третьих, право на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленное в статье 48 Конституции РФ. Частичное отражение данного принципа можно найти в статье 3 ГПК РФ [2], которая предоставляет заинтересованным лицам возможность обращения в суд для защиты своих прав.

Характер права на обращение в суд является абсолютным, однако для его полной реализации требуется выполнение определенных условий судами общей юрисдикции. Реализация права на судебную защиту возможна только при достижении целей гражданского судопроизводства, что связано с решением ряда задач.

Цели и задачи являются основополагающими категориями гражданского судопроизводства, определяющими его направленность и сущность в процессе правосудия по гражданским делам. Несмотря на их постоянный характер, изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс РФ в 2018–2019 годах, требуют анализа обновленного содержания статьи 2 ГПК РФ, что позволяет актуализировать цель и определить современные задачи гражданского судопроизводства, соответствующие требованиям сегодняшнего времени.

В рамках гражданского судопроизводства одной из его основополагающих целей остается защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и интересов заинтересованных лиц, как следует из толкования ст. 2 ГПК РФ. В научном понимании цель процесса – это желаемый результат, к которому стремится правоприменение, что выражается в разрешении споров и установлении правовой справедливости в обществе.

Эта цель, как показывает история, остается неизменной на протяжении веков. Еще до принятия Устава гражданского судопроизводства в 1864 году основная задача суда состояла в обеспечении бесспорности гражданских прав. Е.В. Васильковский [3] считал, что высшая цель гражданского процесса заключается в реализации гражданских прав, а не просто в установлении «материальной правды». В советский период акцент в целях гражданского судопроизводства сместился на защиту общественного и государственного строя СССР, а также прав граждан и общественных организаций, как отмечали М.А. Гурвич и А.Ф. Клейнман [4,5].

С переходом к современному этапу развития гражданского права приоритетом стало обеспечение частных прав наряду с публичными интересами. Современные ученые, в числе которых, Т.Е. Абова и М.К. Треушников, указывают, что главной целью гражданского процесса выступает именно защита нарушенного права, что позволяет субъекту восстановить возможность реализации своих законных прав и интересов [6,7].

На основании ст. 2 ГПК РФ, задачами гражданского судопроизводства выступают правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, укрепление законности, предупреждение правонарушений и формирование уважительного отношения к закону и суду. С 2019 года эта статья была дополнена требованием содействовать мирному урегулированию споров, что связано с введением главы 14.1 в ГПК РФ, предусматривающей примирительные процедуры и заключение мировых соглашений.

Для прояснения сущности задач гражданского судопроизводства обратимся к общеправовой теории. С позиции теории государства и права задача представляет собой установленную законом форму правового поведения, реализуемую государственными органами для достижения конкретного правового результата. Из этого определения можно выделить несколько признаков: это форма поведения, регулируемая законом, реализуемая органами власти с целью достижения определенного правового результата. Исходя из этого, к задачам гражданского судопроизводства можно отнести правильное и своевременное разрешение дел и примирение сторон, которые реализуются через строго регламентированную процессуальным законом деятельность суда в форме судебного разбирательства, направленную на защиту прав и интересов граждан. Правильное разрешение этого аспекта дает гарантию действия права на судебную защиту [8].

Таким образом, логическая структура гражданского судопроизводства включает: цель – задачи – последствия. С учетом содержания ст. 2 ГПК РФ, достижение цели гражданского судопроизводства возможно через реализацию двух ключевых задач. Первая из них — правильное и своевременное разрешение дел, результатом которого является укрепление законности и правопорядка, профилактика правонарушений и формирование уважения к суду. Вторая — мирное урегулирование споров, что способствует гармонизации социальных и деловых отношений. Следовательно, ст. 2 ГПК РФ нуждается в доработке, где мирное урегулирование споров следовало бы четко определить как одну из задач гражданского судопроизводства.

Если мирное урегулирование будет формально признано задачей гражданского судопроизводства, в ГПК РФ потребуются более конкретное определение действий суда, способствующих ее достижению, аналогично задачам правильного и своевременного рассмотрения дела. Из анализа норм ГПК РФ следует, что правильное разрешение дела включает в себя применение норм процессуального права, выявление обстоятельств дела и оценку доказательств, а своевременность — вынесение решения в установленный законом срок.

На сегодняшний день в главе 14.1 ГПК РФ отсутствует четкое описание действий суда, направленных на примирение сторон. Например, в ст. 153.1 ГПК РФ говорится, что суд принимает меры к примирению, но не конкретизирует эти меры. Однако на стадии подготовки дела, согласно ч. 5 ст. 150 ГПК РФ, суд может разъяснять условия заключения мирового соглашения, преимущества примирительных процедур, право на третейское разбирательство и т. д. В главе 15, посвященной судебному разбирательству, перечня подобных мер также нет, и лишь в ст. 165 ГПК РФ отмечено, что судья разъясняет участникам их права и обязанности, включая право на заключение мирового соглашения, закрепленное в ст. 39.

Отдельное внимание стоит уделить терминологии «задачи гражданского судопроизводства». Так как судопроизводство осуществляет судья, разумно выделять задачи непосредственно судьи, участников процесса и лиц, содействующих правосудию. В таком случае задачей судьи является правильное и своевременное разрешение дела; задачей участников процесса — доказательство заявленных обстоятельств; задачей лиц, содействующих правосудию, — оказание помощи суду и сторонам процесса.

В заключение отметим, что разделение понятий «цель» и «задачи» в гражданском судопроизводстве, отраженное в ГПК РФ, обоснованно и соответствует сути судебной деятельности. Важно доработать отдельные положения ГПК РФ, уточнив в ст. 2, что задачами судьи являются правильное разрешение дел и мирное урегулирование споров для защиты нарушенных прав и законных интересов.

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
3. Васьковский, Е. В. К вопросу о значении признания в гражданском процессе / Е. В. Васьковский // Право. – 1915. – № 2. – С. 361–365.
4. Гурвич, М. А. Советский гражданский процесс / М. А. Гурвич. – М. : Изд-во «Высшая школа», 1967.
5. Клейнман, А. Ф. Гражданский процесс / А. Ф. Клейнман. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940
6. Абова, Т. Е. Избранные труды: гражданский и арбитражный процесс. Гражданское и хозяйственное право / Т. Е. Абова ; авт. предисл. Е. А. Виноградова, Е. И. Носырева. – М., 2007.
7. Гражданский процесс : учеб. / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова [и др.] ; под ред. М. К. Треушниковой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014.
8. Гринь, Е. А. К вопросу об определении международной подсудности / Е. А. Гринь // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции, Краснода, 19 декабря 2019 года / Ответственный за выпуск А. Г. Коцаев. – Краснода: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. – С. 351-352. – EDN KVFTNC.

Ращупкина Л.В.¹, Солоухина С.В.²

Правопорядок в УИС как показатель реализации права

¹Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

¹Национальный исследовательский университет «МЭИ»

(Россия, Москва)

²Владимирский юридический институт ФСИН России

(Россия, Владимир)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-379

Аннотация

В статье анализируются основные подходы к исследованию понятия правопорядка как правовой категории. Анализ генезиса категории «правопорядок» позволяет говорить о том, что ее понимание менялось на протяжении долгого времени и до сих пор не обрело какой-либо систематизированной правовой формы в УИС. Вопросы формирования и упрочения правового порядка в УИС предъявляют справедливые требования к науке и практике. В работе авторы предлагают свою дефиницию категории «правопорядок» и выделяет основные тенденции реализации права в УИС.

Ключевые слова: правопорядок, УИС, реализация права, общественные отношения, правовая категория, правовые состояния, субъекты и объекты права.

Abstract

The article analyzes the main approaches to the study of the concept of law and order as a legal category. An analysis of the genesis of the category «law and order» suggests that its understanding has changed over time and has not yet acquired any systematic legal form in the criminal Code. The issues of formation and consolidation of the legal order in the criminal justice system place fair demands on science and practice. In the work, the authors propose their own definition of the category of «law and order» and highlight the main trends in the implementation of law in the criminal justice system.

Keywords: law and order, PCS (penal correction system), implementation of law, public relations, legal category, legal conditions, subjects and objects of law.

Правопорядок составляет основу современной цивилизованной жизни общества и является важным условием существования и развития правового государства. Качество и степень правоупорядоченности общественных отношений во многом определяет общее «здоровье» всего общественного организма и его индивидов. В условиях стабильного правопорядка эффективно функционирует экономика, достигается согласие в действиях законодательной, исполнительной и судебной властей, осуществляется активная деятельность различных общественных и частных организаций, гарантируется свободное развитие человека, максимально удовлетворяются его материальные и духовные потребности и интересы.

Анализируя категорию «правопорядок», можно отметить, что в деятельности УИС она служит для удовлетворения потребностей и интересов общества и государства, а также для упорядоченности и стабилизации общественной жизни. На современном этапе четкий и жесткий правовой порядок в УИС выступает единственно возможным путем дальнейшего развития России. Только при таком положении гарантируются выполнение всеми субъектами возложенных на них обязанностей, реализация ответственности за собственное поведение, права и свободы граждан. Правопорядок есть тот юридический итог, к которому стремится и государственная власть, и все субъекты права, использующие различные пути для его достижения. Состояние стабильности, уравновешенности и соразмерности, гарантированности и упорядоченности важнейших сторон жизни людей сегодня необходимо как никогда. Общество прилагает усилия по пресечению негативных явлений.

Правовой порядок в УИС – явление, присущее государственно-организованному обществу, оно появляется вместе с правом и выступает показателем его действительности.

Познание сущности правопорядка необходимо начать с исследования его понятия, которое позволит охватить все связи и опосредования действительности. Попытки раскрыть содержание и дать определение правопорядка многократно предпринимались на протяжении долгого времени. Проблема порядка и реализации права уходит своими корнями в европейское философское сознание. Уже на ранних этапах развития античной философской классики (в учениях Платона и Аристотеля) под правопорядком понимали не только отношения людей в обществе, но и базирующуюся на нормах права организацию политической власти, т.е. само государство. На эту сторону правопорядка обращал внимание еще Цицерон, вопрошая: «Да и что такое государство, как не общий правопорядок?».

Формирование собственно категориального статуса понятия правопорядка связано уже с развитием философии права в немецкий классический период (это, прежде всего, работы И. Канта, рассматривавшим государство как «объединение множества людей, подчиненных правовым законам») и в период постклассики (труды К. Маркса). «Урегулированность и порядок, – писал К. Маркс, – являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола». Одновременно с этим активно развивается российская философско-правовая традиция интерпретации правопорядка, сформировавшаяся к концу XIX в. и нашедшая свое яркое отражение в работах Ф. Регельсбергера, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, С.А. Муромцева, Б.Н. Чичерина и др.

Советский период развития теоретико-правовых исследований категории правопорядка характеризуется монополизацией теоретического сознания политико-идеологической, упрощенной моделью марксистского учения. Институт права также понимался как способ установления классового порядка. Само же понятие правопорядка связывалось, во-первых, с формационным его основанием (буржуазный, социалистический и т.п.), во-вторых, с инструментарием социальных преобразований, в котором преобладает обеспечительно-принудительная составляющая, и, в-третьих, понималось как исторически преходящий этап в развитии общества, который неизбежно должен быть изжит в ходе коммунистического строительства и иметь собственную ценность и историческую значимость. Основание такого видения правопорядка в российской историко-правовой традиции XX в. было заложено В.И. Лениным. Ленинские идеи о сущности правопорядка получили дальнейшее развитие в работах Д.И. Курского, А.Я. Вышинского, П.И. Стучки, И.П. Разумовского, М. А. Рейснера, А.К. Стальгевича, Е.Б. Пашуканиса, Л.С. Явича. Для этого направления характерна сугубо нормативная и конструктивистская модель понимания процессов и проблем правопорядка. Теоретические проекции категории правопорядка, представленные А.М. Васильевым уже на закате этого направления, являются редким исключением: «Правопорядок синтезирует правопроявления на уровне реальных общественных связей, служит для обобщенного выражения взаимодействия правоотношений, субъективных прав и обязанностей, характеризуя единый социальный план их регулирующего воздействия на весь уклад общественной жизни».

Наиболее фундаментальные в 90-х годах в области философии права работы С.С. Алексеева, И.П. Малиновой, В.С. Нерсисянца, Э.А. Позднякова, А.П. Семитко, Ю.В. Тихонравова, А.К. Черненко лишь обозначают общий контур проблемы правопорядка, обходя наиболее существенные ее вопросы.

Так, на современном этапе, анализируя понятие «правопорядок», Л.В. Ращупкина в своей работе пришла к выводам, что понятие «правопорядок» нельзя отождествлять ни с понятием «право», ни с понятиями «реализация права» и «правовые отношения», ни с понятием «общественные отношения».

Правопорядок – это состояние реализованности и показатель реализации права. В известном смысле, он есть цель и итог реализации, ее необходимое условие. Правовые отношение – форма, юридическая оболочка общественных отношений, а правопорядок в УИС – их цель и вместе с тем необходимое условие, фактор.

Правопорядок в УИС есть цель и результат права, который заключается в том, чтобы предмет его регулирования получил определенные характеристики (упорядоченность, согласованность, организованность), которые выражаются в приобретении под воздействием права известного качества, которое охватывает все свойства и состояния общественных отношений (системность, упорядоченность, согласованность, непротиворечивость, неконфликтность, гармоничность интересов и др.).

В соответствии с законом от 21 июля 1993 г. №5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в обязанности учреждений УИС входят:

- обеспечение исполнения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации;
- создание условий, необходимых для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных и персонала, находящегося на их территории;
- обеспечение привлечения осужденных к физическому труду, а также осуществление их общего и профессионального образования;
- обеспечение охраны здоровья осужденных .

Полагаем, правопорядок в УИС можно рассматривать и как состояние общественных отношений, которым придано известное правовое качество. Это качество – суть реализованных свойств права и охватывает все правовые состояния и связи субъектов и объектов права. Таким образом, приходим к выводу, что правопорядок выступает как результат действия права (всех правовых средств, прежде всего того, что в нем заложено) и целенаправленного воздействия государства на общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования.

Воздействие на общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования, представляет собой обеспечение функционирования общества в определенных правовых параметрах: организованности, согласованности, гармоничности, стабильности, устойчивости, неконфликтности, непротиворечивости. В результате этого воздействия в параметрах, предусмотренных правовыми нормами, в УИС достигается состояние правопорядка, которое является совокупностью действий правовых средств, усилий, предпринимаемых субъектами права по претворению в жизнь правовых предписаний, и управленческого воздействия государства, направленного на его обеспечение.

Таким образом, на современном этапе остаются актуальными вопросы, связанные с определением правового порядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Динамизм в правовой сфере несет с собой новые вызовы и социальные сдвиги, требующие от исследователей права постоянного развития и адаптации. Осмысление процессов постоянного сближения и взаимного воздействия форм реализации права приводит к обновлению, пополнению не только понятийного аппарата юриспруденции,

но и средств и методов правового регулирования деятельности УИС. Следовательно, правопорядок в УИС – качественное правовое состояние, которое можно рассматривать как функционирование общества как системы общественных отношений в заданных правом параметрах. Мы убеждены, что любые перемены в правовом порядке подразумевают четкий алгоритм той системы показателей, демонстрирующих процент адекватного общественного восприятия, уровень качества действующих юридических норм и, конечно же, степень эффективности функционирования государственных органов.

1. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категории теории права. – М.: Норма, 2024. – 264 с.
2. Молчанов А.А. Казенные учреждения МВД России в контексте изменений гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 10. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=93301> (дата обращения: 16.10.2024).
3. Рагинский М. В.И. Ленин о социалистической законности и ее обеспечении // Социалистическая законность. – М.: Известия, 1980. – № 4. – С. 9-12.
4. Ращупкина Л.В. Экологический правопорядок: Общетеоретический анализ : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Владимир. юрид. ин-т. – Владимир, 2006. – 160 с.
5. Тардонов С.В. Правовой порядок и пути его укрепления. Параметры внутригосударственного и международно-правового совершенствования // Государство и право. – 2006. – №5. – С.78-84.

Ремизов А.А.

Правовая охрана редких и исчезающих видов растений и животных

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-380

Аннотация

В настоящей работе анализируется, как научно-технический прогресс повлиял на окружающую среду за последние несколько десятков лет; определены ограничения, которые устанавливает законодатель в целях сохранения редких представителей флоры и фауны при пользовании недрами; определены проблемы содержания редких животных в домашних условиях.

Ключевые слова: животные, растения, флора, фауна, охрана, животный мир, растительный мир, экологическое право.

Abstract

This study analyzes how scientific and technological progress has affected the environment over the past few decades; defines the restrictions that the legislator sets in order to preserve rare representatives of flora and fauna when using the subsoil; identifies the problems of keeping rare animals at home.

Keywords: animals, plants, flora, fauna, conservation, wildlife, flora, environmental law.

В XXI веке наблюдается быстрый темп развития научно-технического прогресса, который благоприятно сказывается на улучшении качества жизни лиц, населяющих планету Земля, но одновременно с этим неблагоприятно влияет на окружающую среду. Еще в прошлом столетии многократно, с каждым годом начала увеличиваться численность населения нашей планеты, а также во много раз за последние несколько десятков лет наблюдается увеличение объема мирового производства. Исследователи высказывают мнение, что указанное негативно сказалось на изменении климата, постепенно разрушается озоновый слой, сокращаются запасы пресной воды, наблюдается

повышенное загрязнение вод Мирового океана, биологическое разнообразие сокращается [1].

Краснодарский край – это один из самых уникальных регионов нашего государства. Территория региона населена редкими животными, в крае произрастают уникальные виды растений. Однако активное развитие сельского хозяйства, промышленности негативно сказались окружающей среде - произошло сокращение лесных угодий, за последние несколько десятилетий исчезли многие малые реки, а также ранее имевшие широкое распространение многолетние степные травы [2].

То есть в настоящее время глобальной проблемой является сокращение численности редких представителей флоры и фауны.

Государство принимает меры, направленные на охрану редких и особо ценных животных и растений, поэтому в нормах действующего законодательства закреплены меры ответственности за уничтожение указанных объектов. Это же цели подчинены разработка и утверждение особых перечней – Красных книг. Наряду с Красной книгой России существуют также подобного вида книги, разрабатываемые уполномоченными органами субъектов РФ. Например, в Красной книге Краснодарского края, состоящей из нескольких томов, содержится информация о животных и растениях края, которые находятся на грани исчезновения.

В ходе изучения научной литературы, нормативно-правовых актов были выявлены некоторые несовершенства правового регулирования, требующие незамедлительного решения. Рассмотрим их более подробно и наметим пути решения выявленных проблем.

Уничтожение растений и животных, которые находят отражение в Красной книге России, недопустимо. За совершение указанного действия могут быть применены как меры административной, так и меры уголовной ответственности. Растения произрастают на земле, а многие животные проживают в лесах, питаются растительной пищей, поэтому справедливо говорить о том, что объекты животного и растительного мира имеют непосредственную связь с землей, недрами. Существует специализированный правовой акт, регламентирующий порядок использования недр [3]. В ст. 8 этого закона определено: если того требует охрана окружающей среды, пользование участками недр может быть ограничено или запрещено.

Сокольникова Е.А. в своей диссертации провела подробный анализ нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение охраны редких представителей флоры и фауны при осуществлении геологических изысканий, разведки, добычи нефти и газа, и по итогам его проведения выявила несовершенства правового регулирования, преодолеть которые предлагает посредством установления возможности отказа в предоставлении участка недр для обозначенных выше целей, если осуществление такой деятельности невозможно без нанесения ущерба редким и исчезающим видам флоры и фауны [4].

Другая проблема, относящаяся к обеспечению правовой охраны краснокнижных животных, связана с их содержанием в домашних условиях.

В 2019 году Правительство РФ приняло правовой акт, закрепляющий перечень животных, которых недопустимо содержать в домашних условиях, среди них животные, которые в том числе относятся к числу краснокнижных [5].

Однако, законодатель предусматривает исключение, в силу которого лица, содержащие до января 2020 года в домашних условиях подобных животных, включенных в перечень запрещенных для домашнего содержания, могут продолжать и дальше содержать таких животных. Вместе с тем, как показывает практика, не все владельцы видят четкую разницу между охраной, содержанием животных, которые должны существовать в естественной среде обитания и охраной, содержанием домашних, сельскохозяйственных и других видов животных, которые могут свободно существовать,

находясь на домашнем содержании. В настоящее время нет ни одного нормативно-правового акта, устанавливающего какие-либо ограничения, запреты, обязанности по содержанию краснокнижных животных или выращиванию подобных растений в домашних условиях.

Содержание любых животных требует навыков и знаний, дабы обеспечить безопасность и питомцев, и хозяев. Отсутствие знаний и навыков, даже базовых, создает угрозу здоровью, а иногда и жизни людей, состоянию животных. В этой связи, думается, необходимо ввести правило о возможности приобретения в собственность животных только после прохождения курсов, в ходе которых гражданин получит знания и навыки по содержанию и уходу за животными.

Необходимо обратить внимание на ст. 24 Закона «О животном мире» [6], которая вызывает определенные вопросы.

В указанной правовой норме законодатель определяет, что содержание краснокнижных животных в условиях неволи, а также выпуск их для дальнейшей жизни в естественной природной среде допускается, но с оговоркой: «только в исключительных случаях, определяемых Правительством РФ», то есть по смыслу закона содержание в неволе для краснокнижных животных не является приемлемым вариантом, напротив, в приоритете — нахождение данных животных в естественной для них природной среде.

В настоящее время допустимые случаи содержания в неволе определены соответствующим актом. Правительство РФ излагает три возможных варианта:

- сохранение и воспроизводство;
- научные цели;
- культурно-просветительские цели [7].

Возникают сомнения в необходимости третьего варианта, поскольку сложно признать его отвечающим природоохранным интересам государства, усматривается связь третьего варианта с развлекательной сферой, а не с обеспечением восстановления популяции данных объектов животного мира. Просветительные цели могут быть достигнуты, если оборудовать специальные наблюдательные пункты в местах естественного обитания животных, причем пункты следует создавать таким образом, чтобы не имелось препятствий для миграции животных, их жизнедеятельности. Кроме того, цели просвещения в полной мере могут быть достигнуты благодаря видео и фотоматериалам, подготовленным специалистами в процессе наблюдения за этими животными, в том числе полученным благодаря использованию так называемых «фотоловушек» и «видеоловушек» в местах нахождения животных. Преимущество использования техники заключается в том, что она минимальна по размеру, может оставаться незаметной для животных и не причинять им беспокойства, в отличие от стационарных наблюдательных пунктов или перемещающихся групп людей.

Что касается научных целей, то, очевидно, что они тесным образом могут быть связаны с сохранением и воспроизводством, так как ученые могут предложить способы эффективной защиты объектов животного мира, относящихся к категории редких.

В рассмотренных нормах проявляется дифференциация правового регулирования, которая присуща различным отраслям права. Например, специальные нормы имеются в трудовом праве [8]

Таким образом, правовая охрана редких представителей флоры и фауны является крайне важным процессом, так как безответственное отношение к охране может привести к полному исчезновению данных объектов без возможности восстановления даже при нынешних условиях развития науки и техники. В настоящее время требуется разработка и

принятие требований и санитарно-биологических регламентов, направленных на регламентирование правил содержания редких животных и растений в неволе либо же в полувольных условиях. Представляется, что реализация данной меры поспособствует защите редких представителей флоры и фауны от вымирания, животные будут содержаться в комфортных для существования условиях.

1. Гейт Н.А. Редкие и исчезающие виды животных как объект правовой охраны. [Электронный ресурс] — <http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/problemy-teorii-gosudarstva-i-prava/redkie-i-ischezayuschie-vidy-zhivotnyh-kak-ob-ekt-pravovoy-ohrany-n-a-geyt/>
2. Махмутова М.Р., Макарова В.А. Охрана и защита редких животных и растений на Кубани: особенности правового регулирования // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в российской федерации : сборник статей Международной НПКи: в 2 ч. Часть 2. – Самара: ООО "Аэтерна", 2017. – С. 25-28.
3. О недрах: федер. закон от 21.02.1992 №2395-1 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Сокольников Е.А. Правовое регулирование охраны объектов животного мира при геологическом изучении, разведке и добыче нефти и газа: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. 438 с.
5. Об утверждении перечня животных, запрещенных к содержанию: Постановление Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 795// СПС «КонсультантПлюс».
6. О животном мире: федер. закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Правил выдачи разрешения на оборот объектов животного мира, занесенных в Красную книгу РФ, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 11.03.2022 N 343 (ред. от 11.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Новикова Ю. А. Специальные категории персональных данных работников // Кадровик. – 2022. – № 8. – С. 8-14.

Ремизов А.А., Юткевич Е.А.

К вопросу об использовании космоса в военных целях

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-381

Аннотация

В настоящем исследовании анализируется, допускается ли использование оружия, в том числе ядерного, в военных целях, вооруженные объекты и другие элементы военной инфраструктуры в космическом пространстве, изучены международно-правовые акты, регламентирующие основные вопросы в области исследования и использования космического пространства.

Ключевые слова: космическое пространство, космос, небесные тела, оружие, вооруженные силы, ядерное оружие.

Abstract

This study analyzes whether the use of weapons, including nuclear weapons, for military purposes, armed objects and other elements of military infrastructure in outer space is allowed, and examines international legal acts regulating the main issues in the field of exploration and use of outer space for various purposes.

Keywords: outer space, outer space, celestial bodies, weapons, armed forces, nuclear weapons.

После Второй мировой войны начались времена холодной войны. Именно в тот период времени происходило освоение космического пространства. Постепенное освоение космического пространства породило необходимость осуществления правового регулирования его использования разными государствами. То есть возникла

необходимость разработки международных правовых актов, которые бы регламентировали многие спорные вопросы, одним из которых стала возможность использования космоса противоборствующими странами в военных целях.

Государства, осознавая опасность использования в военных целях ядерного оружия как на земле, так и в космическом пространстве, побеспокоились об установлении запрета на его применение на еще не освоенных территориях космоса. Для этого был разработан и принят международный договор, предусматривающий запрещение проведения испытания оружия, представляющего наибольшую опасность для всего населения планеты Земля и окружающей среды, а именно ядерного оружия в следующих пространствах: в атмосфере, под водой и в космосе [1].

Спустя пять лет после принятия вышеуказанного международно-правового акта, был принят международный документ, регламентирующий порядок использования космического пространства разными государствами – Договор о космосе [2]. Посредством принятия данного акта была установлена частичная демилитаризация Луны, а также других небесных тел. Однако ни в одном из обозначенных международных правовых актов нет четкого и однозначного указания на то, что в космическом пространстве действует полный запрет на осуществление военной деятельности. Вместо этого Договор о космосе предусматривает, что на небесных телах, таких как Луна недопустимо конструирование военных баз, иных сооружений и укреплений, предназначенных для организации ведения войны; запрещается проводить испытания любых видов оружия; не допускается проводить военные маневры; не допускается использовать в военных или других враждебных целях средства, которые могут оказать негативное воздействие на природную среду или космическое пространство.

Перечень устанавливаемых запретов является открытым, так как в Договоре о космосе прямо предусмотрено, что в случае необходимости, при соблюдении принципов международного космического права, существующие и находящиеся отражение в анализируемом международно-правовом акте запреты и ограничения могут быть дополнены.

Стоит обратить внимание, что государства – участники Договора о космосе должны использовать Луну и другие небесные тела исключительно в мирных целях. Это означает, что осуществлять деятельность военного характера недопустимо. Данное положение можно трактовать, что если все военные ресурсы будут использованы в целях реализации мирных целей, то такое военное воздействие является оправданным.

Договор о космосе был разработан и принят в 1967 году, однако с каждым годом происходило все большее освоение космического пространства разными государствами, наука в этой области стала развиваться стремительнее, осуществлялась разработка новых технологий, средств, при помощи использования которых можно было осваивать новые территории космического пространства. Постепенное развитие в этой области требовало разработки и принятия других международных актов, направленных на регулирование насущных проблемных вопросов, касающихся в том числе возможности использования космоса в военных целях. В этих целях были приняты:

1. В 1972 году договор, устанавливающий запреты и ограничения на использование систем противоракетной обороны [3];
2. В 1977 году Конвенция, устанавливающая запрет на использование любого вида враждебного воздействия, которое может нанести существенный и неисправимый вред природной среде [4].

По итогам проведенного исследования указанных международно-правовых актов можно сделать вывод, что каждый из них регламентирует запреты и ограничения, связанные только с использованием какого-либо одного метода осуществления военной деятельности. В то время как полного и категорического запрета на ведение любого вида военной деятельности нет. Так, в настоящее время остаются открытыми и не получившими решения на международном уровне следующие вопросы: допускается ли создавать, испытывать на территории космического пространства противоспутниковое

оружие; возможно ли проводить в космическом пространстве военно-прикладные эксперименты; разрешено ли создавать и разворачивать в космическом пространстве средства, предназначенные для осуществления подавления потоков, излучаемых как оптико-электронными, так и радиоэлектронными приборами; допускается ли проводить испытания в применении оружия, которое основывается на ранее никогда не использовавшихся в военном деле природных явлений и физических процессах (в научной литературе данный вид оружия именуют оружием, основанном на новых физических принципах) [5].

Указанные вопросы исследователи включают в сферу вопросов так называемой «серой зоны» [6]. Вопросы, которые входят в указанную зону требуют международно-правового регулирования в ближайшее время.

Следует обратить внимание на проблемы, которые имеют непосредственную связь с договорами, указанными выше. Правовая сущность международного договора предполагает, что он имеет сферу распространения и применения по отношению к странам, которые являются его непосредственными участниками. Даже те санкции, которые находят отражение в международных договорах, могут быть применены только к тому государству, которое принимает в нем участие. Необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время отсутствуют какие-либо межгосударственные правила и нормы применения санкций (при необходимости даже силы под эгидой ООН) за их нарушение. Отсутствует единый понятийный аппарат, который может использоваться в анализируемой сфере. Вторая проблема связана с тем, что все существующие ограничения и запреты на использование военного вооружения в космическом пространстве не распространяются на обеспечивающие космические системы по той причине, что в силу своего предназначения их нельзя рассматривать в качестве дестабилизирующего вооружения. Однако не исключена вероятность, что государство, имеющее корыстные намерения, под видом обеспечивающих космических систем будет осуществлять размещение в космосе реальное оружие. В настоящее время ситуация такова, что в космическом пространстве ни одно из государств не осуществило размещение дестабилизирующих систем. По нашему мнению, в дальнейшем этого также не должно произойти, для этого должны быть предприняты все необходимые меры, так как осуществлять борьбу в целях сокращения количества размещенного оружия в космосе гораздо тяжелее, чем бороться за идею изначально не осуществлять его размещение в космическом пространстве.

Таким образом, изучение международных правовых актов, направленных на осуществление правового регулирования порядка реализации военной деятельности в космосе, выявило определенные проблемы, требующие решения. Представляется необходимым осуществлять работу, направленную на разработку и принятие новых международно-правовых норм в области международного космического права, так как вопросы «серой зоны», связанные с правовым регулированием военно-космической деятельности, остаются нерешенными. Также необходимо осуществлять тотальный контроль за размещением и использованием дестабилизирующего оружия в космическом пространстве. Предлагается создать единый международный центр, который будет осуществлять работу по наблюдению и осуществлению контроля за деятельностью государств в обозначенной сфере. В этом центре должны осуществлять трудовую деятельность представители государств-участников договоров, которые были проанализированы в настоящем исследовании, а также представители Совета Безопасности ООН.

1. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой от 05.08.1963 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27.01.1967 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны от 25.06.1972 г. // СПС «КонсультантПлюс».

4. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10.12.1976 г. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Черных Г.С., Старостин А.С. Оружие на новых физических принципах, проблемы защиты населения и территорий от его поражающих факторов // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2015. №2 (9). С. 22-37.
6. Гостев А. А., Сафронов В. В. Проблема использования космоса в военных целях // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. Т. 2, № 11.С. 435-437.

Репина Е.И.

Правовое положение залогового кредитора в процедуре банкротства

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-382

Научный руководитель: Федоряценок А.С.

Аннотация

В статье рассматривается правовое положение залогового кредитора, особенности удовлетворения его требований в ходе процедуры банкротства физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Приводится обзор судебной практики о рассмотрении дел о банкротстве с участием залогового кредитора.

Ключевые слова: банкротство, залог, кредитные обязательства, реализация имущества, торги.

Abstract

The article discusses the legal status of the secured creditor, the features of satisfying his claims during the bankruptcy procedure of individuals and individual entrepreneurs. An overview of judicial practice on the consideration of bankruptcy cases involving a secured creditor is provided.

Keywords: bankruptcy, pledge, loan obligations, sale of property, auction.

В настоящее время процедура банкротства набирает все большую популярность среди граждан, согласно данным газеты «Коммерсантъ» в 2023 году арбитражными судами было принято около 350, 8 тыс. судебных решений о признании гражданина банкротом, что на 20,7% больше нежели в 2022 году [4]. На основании анализа данных Федресурса, за период с января по июнь 2024 года арбитражные суды уже приняли более 192 тыс. решений о признании граждан несостоятельными (банкротами), что на 17,6% больше показателей аналогичного периода 2023-го [5].

В соответствии с положениями ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ, под несостоятельностью (банкротством) понимается признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [2].

Одним из участников процедуры банкротства является кредитор. На основании вышеупомянутого федерального закона, под кредитором понимается лицо, перед которым у должника есть финансовые обязательства. Одним из видов кредиторов является залоговый кредитор, то есть лицо, обязательства перед которым обеспечено договором залога. Для данного вида кредиторов существует особый порядок удовлетворения их требований в процедуре банкротства.

Рассмотрим подробнее основания возникновения залога. В соответствии с положениями ст. 334.1 Гражданского кодекса РФ, выделяются два способа возникновения

залога, а именно залог в силу договора, то есть возникновение залога в данной конкретной ситуации не обязательно, а связано лишь с закрепленными в соглашении или договоре положениями, которые стороны определили самостоятельно. Второй способ возникновения залога – залог в силу закона, в данном случае установление залоговых обязательств обязательно, о чем прямо указывается в законе [1]. Ярким примером залогом в силу закона может выступать приобретение товара в кредит. В соответствии с п. 5 ст. 448 Гражданского кодекса РФ, товар, проданный в кредит, находится в залоге у продавца до момента полного погашения кредитных обязательств [1]. Подобная мера является гарантией того, что покупатель исполнит взятое на себя обязательство.

В случае, если обязательства должника перед кредитором обеспечены залогом, это дает кредитору преимущественное право на удовлетворение требований перед другими взыскателями в случае, если должник не исполняет обязательства, или в случае, если в отношении него введена процедура банкротства.

В соответствии с положениями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а именно с положениями ст. 138, погашение задолженности перед залоговым кредитором не происходит за счет передачи ему предмета залога [2]. Механизм удовлетворения его требований в данном случае стандартный – имущество первоначально предстоит реализовать на торгах, после чего полученная сумма будет распределена среди кредиторов в соответствии с очередностью погашения.

Соотношение распределения вырученных средств от продажи предмета залога выглядит следующим образом: залоговый кредитор получает в счет удовлетворения своих требований 70% от стоимости реализованного имущества. Оставшиеся денежные средства переводятся на специальный счет должника с целью погашения требований кредиторов, обязательства перед которыми не обеспечены залогом, а также с целью погашения судебных расходов, выплаты вознаграждения финансовому управляющему, а также оплаты услуг иных лиц, которые могли быть привлечены финансовым управляющим.

В случае, если требования залогового кредитора не в полной мере удовлетворены после продажи предмета залога, то, в соответствии с требованиями п. 2.1 ст. 138 Федерального закона № 127-ФЗ, оставшиеся требования залогового кредитора удовлетворяются в порядке очередности, в которой он занимает 3 место, то есть после полного удовлетворения кредиторов первой и второй очереди [2].

Таким образом, кредиторы, обязательства перед которыми обеспечены залогом, имеют ряд преимуществ перед иными конкурсными кредиторами, к ним относится, в частности, возможность удовлетворить хотя бы часть своих требований в ходе продажи залогового имущества, так как после продажи залогового имущества требования такого кредитора будут исполнены в первую очередь. Кроме того, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» дает залоговому кредитору право самостоятельно установить начальную стоимость реализуемого имущества, а также порядок проведения торгов, чего лишены кредиторы, чьи обязательства залогом не обеспечены [2]. Еще одним немаловажным плюсом является возможность сохранения залогового имущества за залоговым кредитором в случае, если оно не будет реализовано в ходе банкротства.

Однако не всегда положение так называемого залогового кредитора является заведомо «привилегированным», что подтверждается и судебной практикой. Так, в обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2022 г. по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей приведен один из споров о банкротстве фабрики, в котором требования о залоге не были опубликованы в Реестре уведомлений о залоге ввиду чего требования кредитора не были признаны в качестве имеющих залоговый приоритет [3]. Таким образом, наличие договора залога имущества еще не дает кредитору право на включение в процедуру банкротства с требованием первоначального удовлетворения его требований. Для подтверждения залоговых обязательств необходимо соблюдение положений ст. 339.1

Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно государственная регистрация залога, с момента которой он возникает, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации [1].

Таким образом, правовое положение залогового кредитора, безусловно, является привилегированным в процедуре банкротства как физических, так и юридических лиц. Однако несмотря на устойчивость и защищенность такого положения, требования залогового кредитора могут быть как не исполнены в полной мере, так и подвергаться сомнению со стороны органов судебной власти.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 27.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
3. Обзор судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 декабря 2022 г.) // Электронный ресурс: <https://vsrf.ru/documents/thematics/31920/>.
4. Число банкротств физлиц в 2023 году выросло на 20% – Москва, 2024 – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6564006>.
5. Федресурс – 2024 – URL: <https://fedresurs.ru>.

Репина Е.И.

**Обеспечительные меры в гражданском процессе:
особенности применения и отмены**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-383

Научный руководитель: Синенко В.С.

Аннотация

В статье рассматриваются обеспечительные меры в гражданском процессе, приводятся особенности их применения и отмены, рассматриваются способы отмены обеспечительных мер, описание каждого из них. Рассматриваются субъекты, имеющие право обращаться с заявлением об их применения. Приводится судебная практика относительно их применения.

Ключевые слова: обеспечительные меры, гражданский процесс, участники процесса, частная жалоба, государственные пошлины.

Abstract

The article discusses interim measures in civil proceedings, provides features of their application and cancellation, discusses ways to cancel interim measures, a description of each of them. The subjects who have the right to apply for their application are considered. The judicial practice regarding their application is given.

Keywords: interim measures, civil procedure, participants in the process, private complaint, state fees.

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Гражданский процессуальный кодекс в ст. 195 устанавливает, что решение суда должно быть законным и обоснованным, вынесенным на основе доказательств, которые судом были исследованы [2]. Однако справедливость судопроизводство выражается не только в вынесенном судом решении, но и в надлежащем, верном его исполнении. В целях более качественного

исполнения судебного решения, еще на этапе рассмотрения дела может быть применено обеспечение исковых требований.

Понятие «Обеспечение иска» не имеет законодательного закрепления, однако, данному институту посвящена отдельная глава Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Под обеспечением иска традиционно понимаются действия суда, которые направлены на применение к предмету спора законодательно установленных мер, которые способствуют дальнейшему исполнению вынесенного решения. В главе 13 ГПК РФ определен перечень основных способов обеспечения исковых требований, к ним, согласно положениям ст. 140 Гражданского процессуального кодекса РФ, относятся: наложение ареста на имущество ответчика; запрещение другим лицам совершать определенные действия в отношении предмета спора; возложение обязанности совершить определенные действия в отношении предмета спора; приостановление реализации имущества; приостановление взыскания по исполнительному документу [2]. Приведенный в статье 140 перечень не является исчерпывающим, на основании решения суда и по просьбе сторон могут быть применены и иные средства и способы обеспечения исковых требований.

В соответствии с положениями Гражданского процессуального кодекса устанавливаются случаи, когда судом могут быть применены обеспечительные меры в отношении того или иного искового заявления. На основании п. 2 ст. 139 ГПК РФ, законодательно установлено применение мер по обеспечению искового заявления во всех случаях, если их отсутствие может каким-либо образом повлиять на исполнение решение суда, то есть в случаях, когда отсутствие таковых мер может либо существенно затруднить такое исполнения, либо вовсе сделать его невозможным.

Важной особенностью применения обеспечительных мер является тот факт, что они могут быть применены исключительно по заявлению лиц, которые принимают участие в деле (п. 1 ст. 139 ГПК РФ) [2]. Рассмотрим подробнее какие лица могут заявить подобное ходатайство. К числу таких лиц могут относиться как «классические» участники процесса, а именно стороны, заявители и заинтересованные лица, третьи лица, а также органы и организации, которые выступают в судебном заседании в качестве защитников иных лиц либо же интересов государства (прокурор, органы публичной власти, организации и т.д.).

Отметим особый статус представителя в гражданском процессе в ходе применения мер по обеспечению иска. Так, согласно Постановлению Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты», в рамках гражданского судопроизводства представитель может самостоятельно разрешать задачи, связанные с применением мер по обеспечению иска, даже если данные полномочия не находят своего отражения в доверенности от его клиента [3]. В то время как в арбитражном и административном судопроизводстве, такое право появляется у представителя только при наличии прямого указания такого полномочия в доверенности. Данное положение закреплено как в Арбитражном процессуальном кодексе, так и в Кодексе административного судопроизводства.

В ходе рассмотрения данного заявления, суд должен установить наличие оснований применения обеспечительных мер, соответствие предлагаемой заместителем меры предмету спора, соразмерность и обоснованность применения конкретно заявленной меры, установить каким образом применение конкретной меры обеспечит реализацию целей принятия обеспечительных мер. По результатам рассмотрения обеспечительных мер судья выносит определение. Данное определение суд должен направить всем участникам процесса, а также иным лицам, с случае если исполнение определения связано с их правами. Срок направления определения законодатель установил следующим образом «не позднее следующего дня».

Как и на любое определение суда, на определение суда о применении обеспечительных мер может быть подана частная жалоба. Частная жалоба на введенные

судом обеспечительные меры подается в порядке, предусмотренном статье 333 Гражданского процессуального кодекса РФ. В соответствии с требованием гражданско-процессуального законодательства, частная жалоба на определение суда может быть подана в течение пятнадцати дней в суд, который вынес определение. В последствии жалоба, поданная участником процесса, передается для рассмотрения в апелляционную инстанцию [2].

Частная жалоба составляется в письменной форме, содержит в себе ссылки на законодательство российской федерации. Учитывая, что суд рассматривает исключительно требования, изложенные в жалобе, поэтому ее необходимо составлять, соблюдая четкую структуру и корректно излагая свои мысли. Структура частной жалобы состоит из вступительной части, в которой описывается сложившаяся ситуация; основной, где отображаются и обосновываются нарушение права заявителя; и заключения, то есть просительной части. Кроме того, частная жалоба должна в обязательном порядке включать в себя реквизиты и подписи.

В частную жалобу, как и в иной судебный акт, после подачи могут быть внесены корректировки путем, кроме того, заявитель может отозвать поданную жалобу. Важно отметить, что до 9 сентября 2024 г. на основании пп. 7 п. 1 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ в случае, если на определение суда подана частная жалоба, заявитель не обязан оплачивать государственную пошлину. После поправок, введенных в сентябре 2024 года, законодатель установил государственную пошлину за осуществление данных процессуальных действий в размере 10 000 рублей.

Отменены обеспечительные меры могут быть либо по ходатайству одного из участников процесса тем же судьей, который первоначально вводил эти меры, или же по самостоятельной инициативе судьи или коллегии судей. Такой порядок был установлен в статье 144 ГПК РФ. В случае если дело передано на рассмотрение в другой суд (например, в отношении определения суда первой инстанции подана апелляционная жалоба и на данный момент дело рассматривает апелляционный суд), то вопрос об отмене обеспечительных мер решается тем судом, в производстве которого на данный момент находится дело.

Законодательно определено, что обеспечительные меры отменяются, если возникли обстоятельства, при которых данные меры более не нужны, стали несоразмерны или приводят к нарушению прав участников процесса.

Вопрос об отмене обеспечительных мер должен быть решен в судебном заседании. Все участники процесса должны быть извещены о рассмотрении вопроса об отмене обеспечительных мер, однако, если после извещения участники не явились в судебное заседание для рассмотрения вопроса об отмене мер по обеспечению иска, то суд вправе рассмотреть вопрос самостоятельно, поскольку отсутствие надлежаще извещенных сторон не препятствует рассмотрению дела об отмене обеспечения иска.

Таким образом, обеспечительные меры служат гарантией соблюдения прав всех участников процесса, защитой от недобросовестных действий ответчика.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 27.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002 г. – № 46. – Ст. 4532
3. О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения 01.10.2024 г.)
4. Юлбердина Л.Р. Анализ института обеспечения иска в гражданском процессе – 2017 г. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-instituta-obespecheniya-iska-v-grazhdanskom-protsesse>

Руднева Н.И.

**Ответственность за нарушение требований о маркировке интернет-рекламы:
значение для предпринимательской деятельности**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университета
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-384

Научный руководитель: Власова У.А.

Аннотация

В данной статье рассматриваются аспекты ответственности за нарушение требований о маркировке интернет-рекламы. Автором исследуется нормативная правовая база страны, регламентирующая требования, предъявляемые к интернет-рекламе и значение данной ответственности для предпринимательской сферы. Также в рамках настоящей статьи анализируются статистические данные, свидетельствующие о количествах совершения нарушений в данной области.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, интернет-реклама, ответственность, маркировка, штраф.

Abstract

This article examines aspects of liability for violating requirements for labeling online advertising. The author examines the country's regulatory framework governing the requirements for online advertising and the significance of this liability for the business sector. This article also analyzes statistical data indicating the number of violations in this area.

Keywords: business activity, online advertising, liability, labeling, fine.

Ответственность за нарушение требований о маркировке интернет-рекламы является важной темой, особенно в условиях современной цифровой экономики. Маркировка рекламы направлена на обеспечение прозрачности для потребителей и защиту их прав, а нарушения в этой сфере могут влечь различные последствия как для субъектов предпринимательской деятельности, так и для круга потребителей, поскольку реклама является неотъемлемым элементом современного функционирования бизнес-направления.

Согласно статистическим данным, за несоблюдение требований маркировки интернет-рекламы за первое полугодие 2024 года Роскомнадзор вынес 334 постановления о привлечении к административной ответственности, в частности, путем наложения штрафа на сумму более 20 миллионов рублей [4].

Подобные цифры свидетельствуют об актуальности исследуемой темы, поскольку именно предприниматели являются субъектами, которые также несут ответственность за нарушение маркировки. Отметим, что маркировка является сравнительно новым требованием, которое стало применяться с 1 сентября 2022 года.

Для полноценного понимания исследуемой темы рассмотрим основные аспекты, отражающие значение маркировки интернет-рекламы в настоящее время:

1. Маркировка позволяет пользователям легко идентифицировать рекламные материалы и отличать их от обычного контента, что, в свою очередь, создает определенный уровень доверия к рекламе, а также уменьшает вероятность манипуляций со стороны рекламодателей.
2. Как отмечает П.Е. Чумакова: «маркировка позволяет потребителям, регуляторам и другим заинтересованным сторонам отслеживать происхождение, местоположение и цели рекламы, что способствует созданию более этичного и надежного рекламного пространства» [2, с. 289].

3. Ответственное ведение бизнеса и законное распространение рекламы в сети Интернет включает в себя соблюдение всех законодательных норм, что не только защищает организации от штрафов, но и формирует положительный имидж компании в глазах потребителей.

Значение маркировки интернет-рекламы, исходя из анализа мнения ряда ученых, действительно велико, однако, несмотря на существование требований, все же нередки случаи их нарушений.

Так, Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 347-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» дополнил указанный нормативный правовой акт и обязал участников рынка размещения интернет-рекламы передавать данные о ней в единую информационную систему [1].

Как правило, за нарушение правил маркировки рекламы предусматривается административная ответственность, в частности, штрафы, размер которых может варьироваться в зависимости от тяжести нарушения и иных факторов.

Примером ответственности может стать реклама в одном из известных Telegram-каналов, в котором отсутствовала маркировка. Тогда владелец интернет-сообщества, несмотря на то, что ранее опубликованные материалы были промаркированы, понес значительные убытки в размере 300 тысяч рублей [3].

Влияние на предпринимательскую деятельность ответственности за нарушение требований маркировки интернет-рекламы может быть, как отрицательное, так и положительное.

Отрицательными последствиями нарушения установленных законом правил необходимо отметить:

- снижение доходов: ужесточение ответственности за нарушение требований может увеличить затраты на юридическую поддержку и иные меры, что в конечном итоге может сказаться на прибыльности деятельности предпринимателей.
- репутационные потери: упоминание о нарушениях в средствах массовой информации может негативно сказаться на репутации компании. На сегодняшний день как потребители, так и органы государственного контроля все больше обращают внимание на этические аспекты ведения бизнеса, что делает репутацию крайне важным активом.

Отметим, что необходимо маркировать все виды рекламных материалов, включая баннеры, посты в социальных сетях, контекстную рекламу и видеоролики, которые будут видеть пользователи в сети интернет на территории РФ, в том числе:

- таргетированную;
- контекстную;
- медийную;
- саморекламу (исключая информацию о товарах или услугах на своем сайте и в группах в соцсетях, которая подается единообразно и не выделяет какие-либо товары);
- SEO-статьи;
- публикации СМИ;
- публикации у блогеров.

Несмотря на существование негативных аспектов, для предпринимательской деятельности есть и преимущества введения в действие требования о необходимости маркировки. Перечислим наиболее значимые из них.

Во-первых, маркировка интернет-рекламы позволяет построить доверительные отношения с аудиторией. Так, потребители ценят открытость и прозрачность. Маркируя рекламу, предприниматели показывают, что они открыты и честны в своем подходе к продвижению продуктов и предоставлению услуг.

Во-вторых, маркировка является возможностью снижения рисков для бизнеса. Компании, нарушающие требования о маркировке, могут столкнуться с юридическими последствиями, включая штрафы и санкции. Соответствие требованиям о маркировке защищает бизнес-сферу от неблагоприятных последствий.

В-третьих, маркировка рекламы помогает предотвратить негативное восприятие потребителей, связанное с навязчивостью и скрытностью рекламы, что, в свою очередь, укрепляют репутацию бренда и повышает лояльность потребителей.

В целом, маркировка интернет-рекламы является важным элементом в предпринимательской деятельности, помогающим компаниям повышать прозрачность и доверие, а также снижать риски.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что ответственность за нарушение требований о маркировке интернет-рекламы имеет огромное значение для предпринимательской деятельности. Соблюдение законодательства не только защищает бизнес от юридических последствий, но и способствует формированию доверительных отношений с клиентами и партнерами, что в итоге может обеспечить устойчивое развитие компании на рынке.

Ответственность за нарушение требований маркировки интернет-рекламы носит как положительный, так и отрицательный характер для предпринимательской деятельности.

Положительными аспектами являются:

- построение доверительных отношений с потребителями;
- снижение рисков для бизнеса;
- управляемый рост доверия и лояльности.

Негативные последствия ответственности за нарушение требований маркировки для предпринимателей заключаются в следующем:

- административная ответственность;
- репутационные потери.

Маркировка рекламы — это не только обязанность, но и возможность повысить эффективность своих рекламных кампаний, получить больше данных о своей аудитории и конкурентах, а также защитить свой бизнес.

На наш взгляд, создание механизма, который позволил реализовать прозрачную и этичную рекламную среду является выгодным как для предпринимателей, так и для потребителей.

1. Федеральный закон от 2 июля 2021 года № 347-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть 1). Ст. 5175.
2. Чумакова, П.Е. Маркировка рекламы: важность, правила и современные стандарты // Молодой ученый. 2023. № 40 (487). С. 288-291.
3. Примеры судебных дел по маркировке рекламы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.unisender.com/ru/blog/shtrafy-za-markirovku-reklamy-v-internete-sudebnaya-praktika/> (дата обращения: 28.10.2024).
4. РКН поделился статистикой штрафов за нарушение маркировки интернет-рекламы [Электронный ресурс] // URL: <https://tenchat.ru/media/2700301-rkn-podelilsya-statistikoy-shtrafov-za-narusheniye-markirovki-internetreklamy> (дата обращения: 28.10.2024).

Руднева Н.И.

Правовые аспекты обращения с промышленными отходами

*Белгородский государственный национальный исследовательский университета
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-385

Научный руководитель: Метальникова Ю.Е.

Аннотация

В статье рассматриваются правовые аспекты обращения с промышленными отходами, которые приобретают особую значимость в контексте глобальных экологических вызовов и устойчивого развития. Основное внимание уделено анализу действующего законодательства в сфере управления отходами, включая национальные и международные нормативные акты, направленные на регулирование деятельности по

сбору, транспортировке, утилизации и обезвреживанию промышленных отходов. В статье предлагаются пути совершенствования правовых норм, включая внедрение механизмов расширенной ответственности производителей, развитие инфраструктуры переработки отходов, а также укрепление межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества.

Ключевые слова: промышленные отходы, вредное воздействие, опасность, утилизация.

Abstract

The article examines the legal aspects of industrial waste management, which are of particular importance in the context of global environmental challenges and sustainable development. The main attention is paid to the analysis of current legislation in the field of waste management, including national and international regulations aimed at regulating the collection, transportation, disposal and neutralization of industrial waste. The article suggests ways to improve legal norms, including the introduction of mechanisms for extended producer responsibility, the development of waste recycling infrastructure, as well as strengthening interdepartmental interaction and international cooperation.

Keywords: industrial waste, harmful effects, danger, disposal.

Национальное законодательство, регулирующее обращение с промышленными отходами, играет важную роль в обеспечении экологической безопасности и устойчивого развития. Оно направлено на минимизацию вредного воздействия отходов на окружающую среду и здоровье человека. В России ключевым актом, регламентирующим эту сферу, является Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 №89-ФЗ. Этот закон формирует основу правового регулирования, устанавливая обязанности и ответственность для участников процесса обращения с отходами, включая их сбор, транспортировку, утилизацию и обезвреживание.

Законодательство устанавливает классификацию отходов по степени их опасности и предписывает специальные требования к обращению с каждым классом отходов. В соответствии с законодательством, предприятия обязаны разрабатывать программы по уменьшению образования отходов и внедрять технологии утилизации. Кроме того, особое внимание уделяется лицензированию деятельности, связанной с управлением отходами. Компании, занимающиеся сбором, транспортировкой и обработкой отходов, должны иметь соответствующие разрешения и лицензии, подтверждающие их способность безопасно обращаться с такими материалами [1, с. 58].

Закон требует от субъектов хозяйствования ведения учета образующихся и перемещаемых отходов, а также представления отчетности в соответствующие государственные органы. Этот учет позволяет контролирующим органам отслеживать движение отходов и предотвращать их нелегальное перемещение или захоронение. Также законодательство предусматривает ответственность за несоблюдение его норм. Этот аспект включает административные штрафы, предписания на устранение нарушений и, в случае серьезных экологических правонарушений, уголовную ответственность.

Кроме того, важным элементом является система регулирования расширенной ответственности производителей, которая обязывает производителей и импортеров товаров обеспечивать утилизацию отходов, образующихся после утраты товарами своих потребительских свойств. Это стимулирует внедрение более экологически чистых технологий производства и повышает внимание к жизненному циклу продукции.

Ответственность и контроль в сфере обращения с промышленными отходами включают ряд ключевых аспектов, направленных на обеспечение экологической безопасности и соблюдение законодательства. Ответственность за обращения с отходами непосредственно возлагается на организации и предприятия, в процессе деятельности которых образуются отходы. Они обязаны обеспечивать принятие всех необходимых мер

для минимизации их образования, безопасной транспортировки, хранения, утилизации либо обезвреживания. Компании должны не только соблюдать установленные нормы и правила, но и разрабатывать и внедрять внутренние программы по обращению с отходами, включая планы по снижению их объемов и воздействию на окружающую среду.

Контроль за соблюдением законодательства осуществляют уполномоченные государственные органы. Они проводят регулярные проверки и инспекции на предприятиях, следят за соблюдением норм по хранению, транспортировке и утилизации отходов, а также за наличием необходимых лицензий и разрешений на осуществление таких видов деятельности.

Нарушения законодательства в области обращения с промышленными отходами влекут за собой различные виды ответственности, включая административную и уголовную. Административная ответственность может выражаться в наложении штрафов и предписаний на устранение нарушений. Уголовная ответственность наступает в случае грубых нарушений, которые повлекли за собой существенный ущерб окружающей среде или здоровью человека.

Таким образом, контроль и ответственность в сфере обращения с промышленными отходами представляют собой комплекс действий и мер, тщательно регулируемых государством с целью предотвращения негативных последствий для окружающей среды и общества.

Обращение с промышленными отходами представляет собой значительный вызов как в экономическом, так и в социальном плане. Экономически эта сфера требует значительных инвестиций со стороны предприятий и государства. Это связано с необходимостью разработки и внедрения современных технологий для переработки и утилизации отходов, которые сокращают их негативное воздействие на окружающую среду. Развитие таких технологий позволяет не только минимизировать объемы отходов, но и создать новые бизнес-модели за счет переработки отходов в ресурсы, которые могут быть повторно использованы в производственном процессе или проданы как сырье на другие рынки.

Финансовое бремя также ложится на системы управления и контроля за обращением с отходами, которые требуют постоянного мониторинга, лицензирования и регулирования. Тем не менее, эффективное управление отходами может привести к экономии за счет более рационального использования ресурсов и сокращения затрат на первичные материалы [2, с. 61].

В социальном плане, правильное обращение с промышленными отходами способствует улучшению качества жизни населения. Это выражается в снижении уровня загрязнения окружающей среды, что напрямую влияет на здоровье людей и общее состояние экосистем. Очищенные и безопасные территории способствуют повышению уровня жизни и могут стать привлекательными для инвестиций и развития новых бизнесов, что, в свою очередь, приводит к созданию рабочих мест.

Таким образом, экономические и социальные аспекты обращения с промышленными отходами тесно взаимосвязаны и требуют комплексного подхода, включающего инвестиции в технологии, строгий контроль со стороны государства и активное участие общества в решении экологических проблем.

Международные правовые нормы обращения с промышленными отходами формируются на основе многочисленных договоров и соглашений, направленных на регулирование и координацию действий государств по охране окружающей среды. Одним из ключевых документов является Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, подписанная в 1989 году. Этот документ устанавливает строгие правила для перемещения опасных отходов между государствами и требует, чтобы каждая страна предпринимала шаги по минимизации

таких перевозок. Конвенция направлена на предупреждение незаконной торговли отходами и обеспечивает механизм взаимодействия стран в случае нарушения установленных правил.

Другой важной инициативой является Роттердамская конвенция, которая регулирует международную торговлю определенными видами химикатов и пестицидов. Она требует обязательного уведомления и получения согласия страны-импортера перед отправкой опасных химикатов, обеспечивая тем самым прозрачность и ответственность в управлении опасными промышленными материалами на международном уровне.

Европейское законодательство также существенно влияет на управление промышленными отходами, особенно через директивы Европейского Союза, такие как Директива по отходам и Директива по электротехническому и электронному оборудованию. Эти директивы устанавливают строгие требования для стран-членов Европейского Союза по обращению с отходами, включая обязательства по сбору, переработке и утилизации определенных категорий промышленных отходов [3, с. 172].

Международные правовые акты по обращению с отходами основаны на принципах охраны окружающей среды, предотвращения загрязнения и ответственности за ущерб, нанесенный природе. Одним из центральных элементов является концепция устойчивого управления отходами, которая подразумевает не только безопасное обращение с отходами, но и стремление к минимизации их количества через переработку и повторное использование ресурсов. Примером таких правовых рамок являются Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, которая накладывает строгие ограничения на международную торговлю опасными отходами и требует надлежащего управления ими.

Национальные законодательные системы часто разрабатывают свои нормы на основе международных принципов, адаптируя их под особенности своей экономики, промышленности и природной среды. Важное внимание уделяется установлению стандартов для предприятий, которые обязаны внедрять безопасные технологии утилизации и переработки отходов, минимизировать выбросы опасных веществ, а также нести ответственность за возможные экологические риски [4, с. 28].

Таким образом, правовые нормы обращения с промышленными отходами направлены на создание баланса между промышленным развитием и необходимостью защиты окружающей среды. Международные и национальные правовые механизмы способствуют безопасному и эффективному управлению отходами, стимулируют развитие экологически чистых технологий и обеспечивают надлежащий контроль за их выполнением, что в конечном итоге способствует долгосрочному устойчивому развитию общества.

1. Харламова, М. Д. Твердые отходы: технологии утилизации, методы контроля, мониторинг: учебное пособие для вузов / М. Д. Харламова, А. И. Курбатова; под редакцией М. Д. Харламовой. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 325 с.
 2. Каракеян, В. И. Переработка и утилизация твердых отходов: учебник и практикум для вузов / В. И. Каракеян, В. Б. Кольцов; под общей редакцией В. И. Каракеяна. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 123 с.
 3. Харламова, М. Д. Управление твердыми отходами: учебное пособие для среднего профессионального образования / М. Д. Харламова, А. И. Курбатова; под редакцией М. Д. Харламовой. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 325 с.
 4. Шкаровский, А. Л. Защита окружающей среды: учебное пособие для вузов / А. Л. Шкаровский. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 84 с.
-

Рыбина С.Н.

Уголовно-исполнительная система как субъект экологических правоотношений

*Владимирский юридический институт ФСИН России
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-386

Аннотация

Автором анализируется уголовно-исполнительная система Российской Федерации как субъект экологических правоотношений, раскрываются его особенности, выявляются организационно-правовые элементы природопользования, приводятся примеры из практики. Автором сформулированы основные задачи уголовно-исполнительной системы в экологической сфере с целью реализации стратегии национального развития «Экологическое благополучие».

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, природопользование, охрана окружающей среды, загрязнение окружающей среды, исправительные учреждения, стратегия национального развития.

Abstract

The author analyzes the penal system of the Russian Federation as a subject of environmental legal relations, reveals its features, identifies organizational and legal elements of nature management, and provides examples from practice. The author formulates the main tasks of the penal system in the environmental sphere in order to implement the national development strategy "Environmental Well-Being".

Keywords: penal system, nature management, environmental protection, environmental pollution, correctional institutions, national development strategy.

Вопросы защиты окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности входят в число общенациональных приоритетов России, отметил президент Владимир Путин в телеграмме участникам и организаторам X Невского международного экологического конгресса. [1]

Необходимость адаптации правоприменительной политики к современным условиям продиктована стремительно возрастающими экологическими и экономическими угрозами, и требует комплексного и скоординированного подхода.

Интеграция учреждений уголовно-исполнительной системы (далее УИС) в сфере природопользования и экологического использования, предоставляет возможность не только укрепить экономическую базу регионов, но и способствовать ресоциализации осужденных, что делает данное направление особенно значимым в современных условиях глобальных экономических и экологических вызовов.

Хозяйственная деятельность учреждений и органов УИС сопряжена с эксплуатацией природных ресурсов и образованием различных отходов, загрязняющих веществ, утилизация которых должна осуществляться в соответствии с требованиями природоохранного законодательства. В силу положений Федерального закона «Об охране окружающей среды» все учреждения ФСИН России обязаны соблюдать нормы и правила, направленные на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию её последствий.

Пенитенциарные учреждения являются субъектами природопользования, обладающими правами и обязанностями, особенности которых определяются видом природных объектов и статусом субъекта права природопользования. Право природопользования — это совокупность установленных законодательством норм и правил, регулирующих деятельность физических и юридических лиц по использованию земли, её недр и других природных объектов для удовлетворения текущих и

перспективных экономических, экологических и других интересов и потребностей граждан, общества и государства.

Основные обязанности природопользователя включают рациональное использование природных объектов в соответствии с их целевым назначением, применение экологически совместимых технологий, осуществление природоохранных мероприятий, своевременную и правильную уплату платы за пользование природными объектами и загрязнение окружающей природной среды и т. д. Учреждения и органы УИС, как правило, осуществляют специальное природопользование в форме комплексного природопользования, учитывая состояние окружающей среды в регионе. Специальное право природопользования реализуется в соответствии с разрешительной системой, требующей получения разрешений (лицензий) на выполнение определённых видов деятельности по установленным правилам или решений соответствующих органов исполнительной власти, либо заключения договоров.

Необходимо отметить, что органам и учреждениям, исполняющим наказание в виде лишения свободы, отводится особое место в природоохранной (экологической) деятельности. На них возлагается широкий круг обязанностей по охране природных объектов, рациональному природопользованию и природовосстановительным работам в сфере оборота отходов производства и потребления, землепользования, водопользования, лесопользования, недропользования. [2]

К сожалению, на практике, органы и учреждения УИС привлекаются к юридической ответственности за нарушения экологического законодательства, как правило по причине ограниченного государственного финансирования природоохранных мероприятий.

К примеру, Департамент Росприроднадзора по ПФО завершил внеплановую выездную проверку в отношении ФКУ ИК-12 ГУФСИН России по Нижегородской области (Тоншаевский район). Основанием для её проведения послужило обращение о нарушении со стороны исправительной колонии природоохранного законодательства и сбросе сточных вод на рельеф местности.

В ходе проверки данный факт нашел свое подтверждение. Установлено, что на территории ИК-12 образуются сточные воды, которые посредством системы канализации, расположенной на территории колонии, отводятся за её пределы и далее без очистки сбрасываются на рельеф местности.

Своими действиями Федеральное казенное учреждение нарушает требования Федерального закона «Об охране окружающей среды» и Федерального закона «Об отходах производства и потребления».

По результатам проверки в отношении юридического лица Департаментом вынесено постановление о привлечении к административной ответственности по ч. 4 ст. 8.2 КоАП РФ. Общий размер штрафов составил 300 тысяч рублей. Вынесено предписание об обязательном устранении выявленных нарушений в установленный срок. [3]

В качестве следующего примера, Ленинградской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях (далее – специализированная прокуратура) с привлечением специалистов Комитета государственного экологического надзора Ленинградской области проведена проверка соблюдения ФКУ ИК-2 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области требований природоохранного законодательства.

В ходе проверки установлено, что в ФКУ ИК-2 осуществляется деятельность без разрешения на выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух от стационарных источников выбросов (котельная и пр). Более того, на момент проверки отсутствовал действующий проект предельно допустимых выбросов. По результатам проверки специализированной прокуратурой возбуждены два дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. ст. 8.1, 8.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. [4]

Данная проблематика носит не единичный характер, что прежде всего указывает на пробелы организационно-правового и экономического механизма природопользования в целом. Считаем, возможным со стороны государства поддержать и развивать УИС как субъекта экологических правоотношений в рамках реализации национального развития в экологической сфере на основании Указа Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», что даст возможность, выполнения возложенных на нее экологических обязанностей.

В числе национальных приоритетов в области стабилизации и улучшения экологической обстановки в рамках деятельности пенитенциарных учреждений как субъекта природопользования являются: - поэтапное снижение выбросов опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека; - инвентаризация опасных объектов накопленного вреда окружающей среде путем ведения экологического мониторинга, систематизации кадастровой документации и экологического аудита; - снижения объема неочищенных сточных вод, сбрасываемых в основные водные объекты; - сохранение лесов и биологического разнообразия при осуществлении лесопользования; - экологизация аграрного сектора УИС.

Полагаем, что решение такого широкого спектра экологических задач стоящий перед УИС как субъектом природопользования должно носить плановый поэтапный характер с пересмотром существующих правовых норм как федерального, так и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

1. Невский международный экологический конгресс <https://www.ecocongress.info/congress/> (Дата обращения 05.09.2024).
2. Рыбина С.Н. Аграрный сектор уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в современных условиях // Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования» №109, Май 2024 (Часть 9) - Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2024 С. 16-19.
3. Департамент Росприроднадзора по ПФО привлек ИК-12 к ответственности за нарушение природоохранного законодательства https://rpn.gov.ru/regions/52/news/departament_rospririodnadzora_po_pfo_privlek_ik_12_k_otvetstvennosti_za_narushenie_prirodookhrannogo_-73895.html (Дата обращения 10.09.2024).
4. По постановлению Ленинградского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях начальник исправительной колонии заплатит штраф за нарушение природоохранного законодательства https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_47/mass-media/news/archive?item=27233251 (Дата обращения 10.09.2024).

Савин А.А.

**Правомерность причинения вреда здоровью осужденному
при пресечении незаконных действий**

*Владимирский юридический институт ФСИН России
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-387

Аннотация

Лица, осужденные к уголовным наказаниям, изначально представляют повышенную угрозу по причине своей криминогенности. При возникновении ситуации, когда происходит конфликтная ситуация между сотрудником уголовно-исполнительной системы (далее УИС) и осужденного, возможно силовое воздействие, результаты которого могут оказаться непредсказуемыми. Достаточно часто мы слышим понятие необходимая оборона, но мало кто знает, что у этого понятия есть очень ограниченные рамки. Например, если осужденный явно пытается нарушить закон, действия которого не представляют особой опасности, однако при их пресечении причиняется серьезный вред здоровью нарушителя.

Ключевые слова: осужденный, уголовно-исполнительная система, вред здоровью, пресечение.

Abstract

Persons sentenced to criminal penalties initially pose an increased threat due to their criminogenicity. In the event of a situation where there is a conflict situation between an employee of the penal enforcement system (hereinafter referred to as the UIS) and a convict, forceful influence is possible, the results of which may be unpredictable. Quite often we hear the concept of necessary defense, but few people know that this concept has a very limited scope. For example, if the convicted person is clearly trying to violate the law, whose actions do not pose a particular danger, but if they are suppressed, serious harm is caused to the violator's health.

Keywords: convict, penal enforcement system, harm to health, suppression.

В статье 114 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) закреплены основания причинения вреда здоровью лицу, совершившему противоправное деяние, необходимого для его задержания или пресечения преступной деятельности. Очень важным для каждого криминалиста является разбор подобного преступления по его непосредственному составу, ведь зная все составные части можно с уверенностью сказать, где начинаются и заканчиваются пределы данного преступления.

Объектом данного совершенного преступления является непосредственно самое ценное, что есть у каждого, а именно жизнь и, что немаловажно, здоровье. Превышая пределы оказания в некоторых случаях необходимой обороны, не только предотвращается общественно опасное деяние, но и наносится вред, несоизмеримый с совершаемым деянием. Объективной стороной здесь выступает момент начала преступления, которое регулируется УК РФ и действия, совершаемые потерпевшим.

Объективная сторона характеризуется тяжкими последствиями здоровью. Как правило, такое преступление обычно или часто совершается путем действия, путем применения насилия обычно наносится увечья. Субъективной стороной совершенного кем бы то ни было преступления является тот факт, который давно присущ всем подобным преступлениям вина. Виновный имел цель не только предотвратить совершение общественно опасное и непредусмотренное законом деяние, но и нанести увечья преступнику. Например, мотивом может быть неконтролируемая злость и месть. Субъектом является лицо, которое еще не достигло совершеннолетия, однако имеет возраст шестнадцать лет, однако учитывая, что в настоящей статье нами рассматривается вопрос совершения действиями сотрудниками УИС, данное обстоятельство не имеет существенного значения. Кроме того, оно должно быть вменяемым и обладать полной правоспособностью. Все эти части с разных сторон характеризуют совершенное общественно опасное деяние. На их основании можно полностью составить картину преступления, все небольшие нюансы и неизвестные элементы.

Существует множество составов, сопряженных с рассматриваемым, или имеющим сходный состав, различие между которыми станет ясно видно только после детального рассмотрения каждого состава. Самым важным элементом состава является объект, ведь если нет объекта, соответственно нет преступления, поэтому он определяется в первую очередь. Квалифицирующие признаки УК РФ, говорит нам об актуальности рассматриваемого аспекта. Перечислены квалифицирующие признаки преступления, а именно следующее: помимо того, что подобное преступление может быть совершено при задержании лица, что, безусловно, отягчает вину, может быть еще перечислен ряд квалифицирующих признаков. Конечно, если имело место быть и другое преступление, которое можно также разобрать по составу то тогда можно с уверенностью говорить о сопряжении двух деяний.

Под ответственностью мы чаще всего понимаем наказание за то или иное преступление. Безусловно, за совершение такого рода деяния, как нанесение достаточно весомого вреда здоровью, умышленно, при превышении действий или пределов необходимой обороны полагается уголовная ответственность. Если обратиться к УК РФ ,

то можно более детально рассмотреть ответственность за это преступление. Так, закон говорит о том, что в некоторых случаях может быть наказание в виде исправительных работ на срок, который не будет превышать одного года, ограничением свободы на срок, не превышающий одного года, принудительными работами.

Под преступлением, предусмотренным ч. 2 ст. 114 УК РФ понимают действие, направленное на превышение пределов необходимой обороны с целью нанести побои или вовсе лишить преступника жизни, осуществляя меры по его задержанию. Такое преступление часто встречается в среде должностных лиц, а также слишком активных прохожих, не правильно понявших происходящую ситуацию.

Как итог – несостоявшийся преступник получает множественные увечья, а сотрудник, превысивший рамки необходимой обороны, становится субъектом преступления. Объект и субъект эти два понятия охраняются Конституцией РФ и провозглашаются как наивысшая ценность.

Под составом преступления понимают совокупность всех четырех компонентов состава преступления. Объект, субъект, объективная и субъективная стороны. Только в совокупности можно правильно и тщательно рассмотреть полную картину преступления. За совершение подобного деяния субъекту преступления назначается уголовная ответственность. Существует несколько видов отбывания наказания, от самого мягкого – испытательных работ под надзором уголовно исполнительной инспекции и до самого сурового – заключения под стражу и отбывание наказания в исправительной колонии. Также может наказываться ограничением вашей свободы передвижения, общения и так далее на общий срок, также не превышающий двух лет.

Анализируя судебную практику, можно сделать вывод, у что в некоторых случаях у судов возникают затруднения связанные с установлением у лица субъективного восприятия опасности посягательства, что приводит к вынесению оправдательных приговоров.

Условия правомерности необходимой обороны, условия, относящиеся к общественно опасному посягательству, попытка нападения на сотрудника УИС, побег из мест лишения свободы, относящиеся к защите - общественно опасных посягательств - это возможность причинения существенного вреда защищаемым общественным отношениям.

Полагаем, что от правильной квалификации преступлений зависят многие правовые последствия. К подобным последствиям можем отнести наличие критериев уголовной ответственности, наличие или отсутствие оснований освобождения от уголовной ответственности, вид и размер наказания, тип учреждения, в котором будет содержаться виновный в случае лишения его свободы, условия досрочного освобождения, подсудность и так далее.

Квалификация совершенного преступления считается очень серьезной процедурой. От качества ее осуществления зависят и будущее обвиняемого, и нормальная деятельность правосудия.

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова.М.: Проспект, 2022. С. 259.
2. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993] (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)] // Рос. газ. 2009. 21 янв.
3. Чижевский В.С. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). С практическими разъяснениями официальных органов и постатейными материалами. М.: Книжный мир, 2017. С. 455.
4. Справка по результатам изучения практики применения судами норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния - URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=445 (дата обращения: 9.10.2024 г.)

Савин С.В.

**Правовые аспекты регулирования заработной платы
и решение проблемы неравенства доходов в России**

*Российский Университет Кооперации
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-388

Аннотация

Статья посвящена анализу правовых механизмов регулирования заработной платы в России и проблеме неравенства доходов населения. Автор исследует действующее трудовое законодательство, закрепляющее гарантии в области оплаты труда, а также факторы, влияющие на уровень заработных плат. В работе рассматриваются ключевые проблемы, связанные с низким уровнем доходов значительной части населения, отраслевыми и региональными диспропорциями в оплате труда. Особое внимание уделяется опыту зарубежных стран по решению проблемы неравенства доходов и возможностям его адаптации к российским условиям. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного подхода к совершенствованию правового регулирования заработной платы, включающего меры по повышению минимальных гарантий, развитию социального партнерства, стимулированию роста производительности труда.

Ключевые слова: трудовое право, заработная плата, неравенство доходов, МРОТ, социальное партнерство, производительность труда, зарубежный опыт, социальная справедливость.

Abstract

The article is devoted to the analysis of legal mechanisms for regulating wages in Russia and the problem of income inequality of the population. The author examines the current labor legislation that establishes guarantees in the field of labor remuneration, as well as factors affecting the level of wages. The paper discusses the key problems associated with the low income level of a significant part of the population, sectoral and regional disparities in wages. Particular attention is paid to the experience of foreign countries in solving the problem of income inequality and the possibilities of adapting it to Russian conditions. The author comes to the conclusion that an integrated approach to improving the legal regulation of wages is necessary, including measures to increase minimum guarantees, develop social partnership, and stimulate productivity growth.

Keywords: labor law, wages, income inequality, minimum wage, social partnership, labor productivity, foreign experience, social justice.

Правовое регулирование заработной платы и решение проблемы неравенства доходов в России является одной из наиболее актуальных и сложных задач современного трудового законодательства [1]. В условиях рыночной экономики и социального расслоения общества, вопросы справедливого распределения доходов и обеспечения достойного уровня оплаты труда выходят на первый план [2]. Несмотря на предпринимаемые государством меры по совершенствованию правовых механизмов в данной сфере, проблема неравенства доходов и низкого уровня заработных плат для значительной части населения по-прежнему остается нерешенной [3].

Действующее трудовое законодательство РФ закрепляет основные принципы и гарантии в области оплаты труда, такие как обеспечение права каждого работника на справедливую заработную плату, не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (МРОТ) [4]. Регулирование вопросов заработной платы осуществляется на основании Трудового кодекса РФ, федеральных законов, региональных соглашений и коллективных договоров. Государство устанавливает базовые гарантии по оплате труда, в то время как конкретные размеры заработных плат

определяются работодателем с учетом требований законодательства, финансовых возможностей организации и ряда других факторов [5].

Одной из ключевых проблем в сфере регулирования заработной платы является обеспечение реального роста доходов населения и повышение покупательной способности граждан. Несмотря на периодическую индексацию МРОТ и привязку его к прожиточному минимуму, размер минимальной заработной платы в России остается крайне низким и не позволяет работникам удовлетворять даже базовые потребности [6]. По данным Росстата, в 2021 году доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 11,5%, что свидетельствует о масштабах бедности и социального неравенства в стране.

Для решения данной проблемы необходимо не только повышение МРОТ, но и принятие комплекса мер по стимулированию роста заработных плат в реальном секторе экономики [3]. Этого можно достичь путем совершенствования налоговой политики, развития социального партнерства, повышения производительности труда и инвестиций в человеческий капитал. Важную роль здесь также играют профсоюзы, которые призваны отстаивать интересы работников и добиваться улучшения условий оплаты труда через коллективные переговоры и заключение соглашений с работодателями [1].

Другим аспектом проблемы неравенства доходов является значительный разрыв в уровне заработных плат между различными отраслями экономики, регионами и категориями работников. Так, по данным Росстата, среднемесячная начисленная заработная плата в 2021 году варьировалась от 29 тыс. рублей в сельском хозяйстве до 140 тыс. рублей в сфере добычи полезных ископаемых [5]. При этом разрыв между самыми высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми работниками может достигать десятков раз, что ведет к усилению социальной напряженности и росту имущественного расслоения общества.

Для сглаживания отраслевых и региональных диспропорций в оплате труда необходимы меры по диверсификации экономики, развитию высокотехнологичных отраслей и созданию новых рабочих мест в депрессивных регионах [2]. Государство должно стимулировать приток инвестиций в человеческий капитал, образование и профессиональную подготовку, чтобы обеспечить соответствие квалификации работников потребностям рынка труда [6]. Кроме того, важную роль играет развитие института социального партнерства и активное вовлечение профсоюзов в процесс коллективных переговоров на отраслевом и региональном уровнях.

Следует отметить, что проблема неравенства доходов и низкого уровня заработных плат характерна не только для России, но и для многих других стран мира [4]. Международный опыт показывает, что для решения данной проблемы необходим комплексный подход, включающий меры по совершенствованию трудового законодательства, развитию социального диалога, повышению минимальных гарантий по оплате труда и стимулированию роста производительности.

Так, в странах Европейского союза действует система коллективных договоров и соглашений, которые позволяют устанавливать отраслевые стандарты оплаты труда и защищать интересы работников [3]. В США и Канаде широко распространена практика установления минимальной заработной платы на региональном и местном уровнях, что позволяет учитывать особенности локальных рынков труда [6]. В Японии и Южной Корее действуют механизмы стимулирования роста производительности труда и привязки заработной платы к результатам деятельности компаний [1].

Опыт зарубежных стран может быть полезен для России при разработке собственной модели регулирования заработной платы и решения проблемы неравенства доходов. Однако, учитывая специфику российской экономики и социально-трудовых отношений, необходимо адаптировать передовые практики к местным условиям и дополнять их собственными инновационными решениями [5].

Подводя итоги, можно сказать, что проблема неравенства доходов и низкого уровня заработных плат в России требует комплексного подхода и активного участия всех заинтересованных сторон - государства, работодателей, профсоюзов и самих работников [2]. Совершенствование трудового законодательства, развитие социального партнерства, повышение минимальных гарантий по оплате труда и стимулирование роста производительности - вот те направления, по которым необходимо двигаться для обеспечения справедливого распределения доходов и достойного уровня жизни граждан [4].

Вместе с тем, решение данной проблемы не может быть быстрым и легким. Оно требует последовательных усилий и политической воли со стороны государства, готовности к диалогу и компромиссам со стороны работодателей и профсоюзов, а также активной гражданской позиции со стороны самих работников [6]. Только объединив усилия и действуя сообща, мы сможем построить справедливую и эффективную модель оплаты труда, которая обеспечит достойный уровень жизни для всех граждан России [3].

И в заключение хотелось бы отметить, что проблема неравенства доходов и регулирования заработной платы - это не только экономический, но и нравственный вопрос [1]. От того, насколько справедливо и эффективно будет решена эта проблема, во многом зависит будущее нашей страны, социальная стабильность и доверие граждан к власти [5]. Поэтому, работая над совершенствованием правовых механизмов в данной сфере, мы должны руководствоваться не только экономической целесообразностью, но и принципами социальной справедливости и гуманизма [2]. Только так мы сможем построить действительно процветающее и гармоничное общество, в котором каждый человек будет иметь возможность достойно трудиться и получать справедливое вознаграждение за свой труд.

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. - 07.01.2002. - N 1 (ч. 1). - Ст. 3.
2. Федеральный закон от 19.06.2000 N 82-ФЗ (ред. от 20.04.2021) "О минимальном размере оплаты труда" // Собрание законодательства РФ. - 26.06.2000. - N 26. - Ст. 2729.
3. Костян И.А. Проблемы правового регулирования заработной платы в условиях рыночной экономики // Трудовое право в России и за рубежом. - 2020. - № 4. - С. 3-7.
4. Лютов Н.Л. Международные трудовые стандарты и российское трудовое законодательство: монография. - 2-е изд., доп. и перераб. - М.: Центр социально-трудовых прав, 2015. - 190 с.
5. Орловский Ю.П. Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики: монография / Отв. ред. Ю.П. Орловский. - М.: Юстицинформ, 2012. - 240 с.
6. Салтыкова С.А. Регулирование заработной платы в России: современное состояние и перспективы развития // Вестник Омского университета. Серия "Экономика". - 2019. - № 3. - С. 175-182.

Савченко А.Р., Рябченко А.Г.

Возникновение и развитие политической и правовой мысли в России

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-389

Аннотация

Автором в настоящей научной работе проанализировано развитие политической правовой мысли в России с момента начала государственности. Предложена периодизация этапов возникновения и развития политической и правовой мысли. Раскрыто содержание каждого этапа. Сделан вывод о том, что история политической и правовой мысли в России отражает сложный процесс эволюции государства, обусловленный как внутренними, так и внешними факторами. От ранних теократических идей и укрепления самодержавия в XV-XVI веках до либеральных и социалистических идей XIX века, политико-правовая мысль России прошла сложный путь, в ходе которого

происходило взаимодействие между традицией и новацией. Этот процесс продолжает оказывать влияние на современную российскую политическую и правовую систему, что делает изучение данного аспекта истории особенно важным для понимания текущих политических и правовых тенденций.

Ключевые слова: политическая мысль, правовая мысль, политическое учение, развитие.

Abstract

In this scientific work, the author analyzes the development of political legal thought in Russia since the beginning of statehood. The periodization of the stages of the emergence and development of political and legal thought is proposed. The content of each stage is disclosed. It is concluded that the history of political and legal thought in Russia reflects the complex process of evolution of the state, due to both internal and external factors. From the early theocratic ideas and the strengthening of autocracy in the XV-XVI centuries to the liberal and socialist ideas of the XIX century, the political and legal thought of Russia has passed a difficult path, during which there was an interaction between tradition and innovation. This process continues to have an impact on the modern Russian political and legal system, which makes the study of this aspect of history especially important for understanding current political and legal trends.

Keywords: political thought, legal thought, political doctrine, development.

Политическая и правовая мысль в России является важным аспектом изучения исторического и культурного развития страны. Она формировалась под влиянием множества факторов, включая религиозные, социальные, экономические и политические условия. Рассмотрим процесс возникновения и эволюции политико-правовых идей в России от ранних исторических этапов до XIX века, с акцентом на ключевые периоды и наиболее значимые фигуры. Так, считаем возможным выделить следующие этапы возникновения и развития политической и правовой мысли в России:

1. Ранний этап развития политической и правовой мысли (IX-XVI века).
2. Петровская эпоха: реформы и новая политическая мысль (XVII-XVIII века).
3. Эпоха Екатерины II и развитие либеральной мысли (XVIII век).
4. XIX век: развитие консервативной и либеральной мысли.

Политическая и правовая мысль в России берет свое начало в период Киевской Руси (IX-XII века), когда формировались первые зачатки государственности. Основой для политической мысли в этот период стала христианизация Руси в 988 году, в результате чего византийское влияние стало одним из ключевых факторов формирования российской государственности и права. Важной правовой памяткой этого времени является «Русская правда» (XI век), которая определяла правовые нормы и принципы регулирования общественных отношений.

В XV-XVI веках, с укреплением Московского государства, происходит дальнейшая эволюция политической и правовой мысли. Православие становится не только религиозной, но и идеологической основой политической власти. Концепция «Москва — третий Рим», сформулированная в трудах монаха Филофея в начале XVI века, играет ключевую роль в обосновании мессианской роли России и укреплении самодержавия. Параллельно с этим развивается система Судебников (1497, 1550), которые кодифицируют нормы права и подтверждают принцип единоличной власти монарха [1].

С приходом к власти Петра I (1672-1725) начинается новый этап развития политической и правовой мысли в России, характеризующийся активными реформами и заимствованием западноевропейских политических и правовых идей. Цель Петра I заключалась в модернизации России по западноевропейскому образцу. В рамках его реформ была проведена реорганизация системы управления, создана регулярная армия и

заложены основы нового законодательства, например, «Воинский устав» (1716), который регулировал вопросы военной службы и дисциплины.

Важным вкладом в политическую мысль этого периода стало введение концепции «просвещенного абсолютизма», предполагающего, что монарх является носителем высшей политической воли, направленной на благо государства и общества. Такая модель власти допускала определенное участие образованных слоев населения в управлении страной, что в свою очередь способствовало формированию новых представлений о государственности и праве. В частности, Феофан Прокопович, главный идеолог реформ Петра, разрабатывал идеи подчинения церкви государству и обосновывал необходимость реформирования всех сфер жизни общества ради блага государства.

В период правления Екатерины II (1762-1796) происходит усиление влияния идей французского Просвещения на политическую и правовую мысль в России. Императрица, находясь под влиянием философов, таких как Вольтер, Монтескье и Руссо, стремилась реформировать российское законодательство и административную систему. Одним из наиболее значимых документов этого периода является «Наказ» Екатерины II (1767), представляющий собой обширный свод предложений по улучшению правовой системы и развитию самодержавной власти в сочетании с элементами просвещенного правления.

Однако идеи либерализма и просвещения в России сталкивались с противоречиями. С одной стороны, Екатерина II проводила реформы, направленные на ограничение произвола чиновников и улучшение административной системы, но, с другой стороны, укрепляла самодержавие и увеличивала зависимость крестьянства от помещиков, что отражало консервативные черты российской политической системы [2].

XIX век ознаменовался как подъемом консервативной мысли, так и развитием либеральных и социалистических идей в России. Консервативное направление, представленное такими мыслителями, как Николай Карамзин и Сергей Уваров, защищало идею сильного самодержавия и укрепления национальных традиций. Уваров разработал концепцию «Православие, самодержавие, народность», которая стала идеологической основой консервативной политики империи в первой половине века [3].

Либеральная мысль в России XIX века была представлена такими фигурами, как Александр Герцен, Борис Чичерин и Петр Чаадаев, которые выступали за реформы, ограничение самодержавной власти и создание конституционной монархии. В частности, Герцен видел в революции средство достижения социальной справедливости и свободы, а Чичерин разрабатывал концепцию правового государства, в котором власть ограничена законами, а права граждан защищены.

Социалистическая мысль, представленная в трудах таких деятелей, как Михаил Бакунин и Александр Радищев, акцентировала внимание на необходимости радикальных социальных преобразований и устранения сословного неравенства. Эти идеи впоследствии повлияли на революционные движения в России конца XIX - начала XX века [4].

История политической и правовой мысли в России отражает сложный процесс эволюции государства, обусловленный как внутренними, так и внешними факторами. От ранних теократических идей и укрепления самодержавия в XV-XVI веках до либеральных и социалистических идей XIX века, политико-правовая мысль России прошла сложный путь, в ходе которого происходило взаимодействие между традицией и новацией. Этот процесс продолжает оказывать влияние на современную российскую политическую и правовую систему, что делает изучение данного аспекта истории особенно важным для понимания текущих политических и правовых тенденций.

1. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Книга первая. М.-Л., 1925. С. 139-140.
2. Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России XI-XX вв. М., 1995. С. 89-94.

3. Рябченко А.Г. Философия права. Методические указания для подготовки к практическим и семинарским занятиям для студентов-бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Краснодар, Саратов, 2017.
4. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. 4-е изд. 2004. С. 854-865.

Самадова З.Т.

Актуальные вопросы освобождения несовершеннолетнего от наказания

*ВЮИ ФСИН России
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-390

Научный руководитель: Решетников Е.А.

Аннотация

В данной статье затронут вопрос о возможности освобождения несовершеннолетнего от уголовного наказания. Несовершеннолетние преступники имеют право на освобождение от ответственности по разным основаниям и на более лояльных основаниях, чем взрослые преступники. Статья преследует цель рассмотреть эти основания и дать оценку справедливости их применения.

Ключевые слова: пенитенциарная система, УИС, несовершеннолетний преступник, наказание, освобождение.

Abstract

This article deals with the possibility of releasing a minor from criminal punishment. Minors traveling abroad have the right to be exempted from liability on various grounds and on more favorable grounds than traveling abroad. The article aims to change these grounds and assess the fairness of their application.

Keywords: penitentiary system, penal system, juvenile offender, punishment, release.

Несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления небольшой или средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием. Кроме специальных видов освобождения от наказания к несовершеннолетним могут быть применены и общие виды освобождения: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания; освобождение от наказания в связи с изменением обстановки; освобождение от наказания в связи с болезнью; отсрочка отбывания наказания; освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда.

Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Суд вправе заменить такие основные виды наказания, как ограничение свободы, лишение свободы. Лицо также может быть полностью или частично освобождено от любого дополнительного вида наказания, если к моменту замены дополнительное наказание не было исполнено.

Основанием применения замены неотбытой части наказания более мягким являются такие изменения в поведении осужденного, которые свидетельствуют о том, что он для своего дальнейшего исправления более не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

При замене неотбытой части наказания суд может избрать любой более мягкий вид наказания в соответствии с видами наказаний, предусмотренными УК РФ. Выбор

конкретного вида наказания зависит от того, возможно ли достичь с его помощью целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. При этом суд руководствуется сроками или размерами, установленными УК для каждого из указанных видов наказания.

Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания является окончательной.

Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки. Основанием его применения выступает нецелесообразность назначения лицу наказания в изменившейся обстановке, в которой лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными.

Предусмотрены два вида освобождения от наказания, хотя и весьма сходных: отпадение общественной опасности лица, совершившего преступление, или отпадение общественной опасности совершенного им деяния.

В обоих случаях для освобождения от наказания Закон помимо основания требует наличия двух условий:

1. совершение преступления впервые;
2. совершение преступлений небольшой или средней тяжести.

Под изменением обстановки понимается не только изменение социальных, политических или экономических условий в стране, но и изменение конкретной обстановки в том или ином районе, местности, на предприятии.

К изменению обстановки, вследствие которого лицо, совершившее преступление, перестало быть общественно опасным, относятся изменения, связанные исключительно с характеристикой личности виновного и степенью его опасности в связи с совершенным им преступлением.

Рассматриваемый вид освобождения от наказания является обязательным, так как освобождение представляет собой обязанность, а не право суда.

Освобождение от наказания в связи с болезнью. Предусматриваются следующие основания освобождения от наказания, связанные с расстройством здоровья лица, совершившего преступление: а) психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), возникшее после совершения преступления; б) иная тяжелая болезнь, препятствующая отбыванию наказания.

Возникновение у лица после совершения преступления психического расстройства, лишаящего его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), является обязательным основанием освобождения от наказания, то есть освобождение от наказания не зависит от усмотрения суда.

Согласно закону не любое психическое расстройство может служить основанием освобождения от наказания. Оно должно: а) возникать после совершения преступления; б) лишать лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), что не позволяет этому лицу воспринимать принудительный характер и карательно-воспитательный смысл применяемых мер государственного принуждения и затрудняет достижение целей наказания. В связи с этим лицо должно освобождаться от любого вида основного и дополнительного наказания.

Возможны три варианта освобождения лица от наказания в связи с психическим расстройством:

1. в случае, когда психическое расстройство наступает после совершения преступления, но до вынесения приговора, лицо освобождается от назначения наказания;
2. в случае, когда психическое расстройство наступает после вынесения приговора, но до обращения его к исполнению, лицо освобождается от отбывания назначенного наказания в полном объеме;

3. в случае, когда психическое расстройство наступает во время отбывания осужденным наказания, он освобождается от дальнейшего отбывания наказания.

Уголовное законодательство закрепляет ряд формальных требований, с их учетом условно-досрочное освобождение применяется к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, осужденным к лишению свободы, которые фактически отбыли:

не менее 1/3 срока наказания, назначенного судом за преступление небольшой или средней тяжести либо за тяжкое преступление;

не менее 2/3 срока наказания, назначенного судом за особо тяжкое преступление.

Применение условно-досрочное освобождение возможно только при наличии (совокупности) таких оснований: формальных, материальных и процедурных. Формальное основание предполагает, что осужденный отбыл установленный УК РФ срок наказания. Материальное предполагает, что осужденный доказал свое исправление и не нуждается больше в изоляции от общества. Этот вывод делается исходя из поведения несовершеннолетнего осужденного в период отбывания наказания. Процедурные требования регламентируются УИК и УПК РФ.

Вывод суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению ходатайства или представления. При этом суду следует учитывать мнение представителя исправительного учреждения и прокурора о наличии либо отсутствии оснований для признания лица, не нуждающимся в дальнейшем отбывании наказания. По делам об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении несовершеннолетнего осужденного судам необходимо учитывать также его отношение к учебе, связи с родственниками в период выводов, делается исходя из поведения несовершеннолетнего осужденного в период отбывания наказания и другие обстоятельства, которые могут свидетельствовать об исправлении осужденного.

Условно-досрочное освобождение представляет собой условный вид освобождения, поскольку предусматривает возможность возобновления уголовного судопроизводства в тех случаях, когда поведение лица не соответствует тем требованиям, которые к нему предъявляет закон.

Под злостным уклонением от выполнения обязанностей, возложенных судом на осужденного, следует понимать повторное невыполнение таких обязанностей после вынесения органом, контролирующим поведение осужденного, письменного предупреждения о возможности отмены условно-досрочного освобождения. Вместе с тем вопрос о том, является ли уклонение от выполнения возложенных судом на осужденного обязанностей злостным, должен решаться в каждом конкретном случае с учетом его продолжительности и причин уклонения, а также других обстоятельств дела.

1. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М.: Изд-во "Юрист", 2006. С. 89.
2. Савинкова Е.Н. Преступность несовершеннолетних // Криминология. М., 2001. С. 770 - 776.
3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник. СПб., 2006. С. 142.
4. Жилиева С.К. Проблемные вопросы профилактики преступности несовершеннолетних // Российский следователь. 2013. N 1. С. 24.
5. Ефремов А.Н. Жертвы жестокости - дети. М.: Педагогика, 1985; Черная книга преступлений против детей в Санкт-Петербурге: факты, документы, комментарии. СПб.: Детский фонд им. Ф.М. Достоевского, 1994 и др.
6. Токарев А.Ф. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью, и их предупреждение. М., 1990.
7. Тимошина Е.М. О ювенальных судах в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. N 4.
8. Луничев Е.М. Статус несовершеннолетнего в уголовном праве России. М., 2012.

Самадова З.Т.

Портрет современного несовершеннолетнего преступника.

Причины и факторы преступного поведения подростков

ВЮИ ФСИН России

(Россия, Владимир)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-391

Научный руководитель: Решетников Е.А.

Аннотация

Данная статья является результатом анкетирования судей Владимирской области применительно к вопросу о личности несовершеннолетнего осужденного преступника. В анкетировании приняли участие 48 судей разных уровней в пределах всего Владимирского региона, в том числе, судьи Владимирского областного суда, Ленинского, Октябрьского и Фрунзенского районных судов г. Владимира, Гусь-Хрустального районного суда, Ковровского городского суда и Муромского городского суда. По результатам были сделаны соответствующие выводы о портрете современного несовершеннолетнего осужденного преступника.

Ключевые слова: Ювенальная юстиция, Уголовно-исполнительная система, перевоспитание, анкетирование, опрос.

Abstract

This article is the result of a survey of judges of the Vladimir region in relation to the question of the identity of a minor convicted criminal. The survey was attended by 48 judges of different levels throughout the Vladimir region, including judges of the Vladimir Regional Court, Leninsky, Oktyabrsky and Frunzensky district courts of Vladimir, Gus-Khrustalny District Court, Kovrov City Court and Murom City Court. According to the results, appropriate conclusions were drawn about the portrait of a modern juvenile convicted criminal.

Keywords: Juvenile justice, Penal enforcement system, re-education, questionnaire, survey.

Среди интересующих нас аспектов, касающихся характеристик преступности несовершеннолетних, первым выступает вопрос криминогенной активности преступников данной возрастной категории. По данному вопросу в ответах не наблюдалось абсолютного единообразия. Так, 10 правоприменителей считает, что криминогенная обстановка среди несовершеннолетних остается на прежнем уровне, 10 считают что ювенальная преступность постепенно снижается. Лишь 14 опрошенных судей утверждают, что активность подростковой преступности возрастает. Остальные 14 правоприменителей затруднились в ответе на данный вопрос. На наш взгляд, эксперты, затруднившиеся в выборе ответа, руководствовались невозможностью сделать объективный вывод о динамике преступности несовершеннолетних, поскольку во всей совокупности совершенных, в том числе, подростками преступных деяний определенную часть составляют преступления, оставшиеся нераскрытыми (латентные), т. е. впоследствии не учитываемые при формировании статистики.

В вопросе о возрасте несовершеннолетних преступников при анализе ответов подавляющее большинство отвечающих сошло во мнении, что в основном преступления совершают юноши и девушки в возрасте от 16 до 18 лет. При этом больший процент всех совершенных преступлений приходится на долю юношей.

Важным, наряду с указанными, является вопрос частоты совершения несовершеннолетними преступниками определенных категорий уголовно-наказуемых деяний. Так, подавляющее большинство экспертов в числе 44 судей указали наиболее часто совершаемыми в среде подростков деяния против собственности. Самым

распространенным видом преступления у подростков является кража. 40% от общего количества несовершеннолетних преступников осуждены именно за это преступление. За грабежи и разбои понесли наказание чуть меньше 30% подростков.

На втором месте оказались преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ.

30 судей отметили преступления насильственного характера, в частности, деяния с нанесением вреда здоровью человека различной тяжести, как стоящие по частоте совершаемости за вышеуказанными деяниями. Хулиганство несовершеннолетних занимает, по мнению правоприменителей (31 судья), в данном рейтинге 4 строчку.

Крайне редко несовершеннолетние преступники совершают преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ. За него в качестве наименее совершаемого уголовно-наказуемого деяния выдвинули позицию 37 судей. Они объясняют это тем, что подростки опасаются серьезности наказания за это преступление. Кроме того, правоприменители уточняют, что убийство совершается несовершеннолетними в основном по неосторожности.

Не наблюдается единообразия экспертных мнений и по вопросу динамики подростковой преступности за последние 5 лет. Так, 15 судей затруднились в констатации тех или иных тенденций, 11 судей считают, что преступность несовершеннолетних лиц повышается (эксперты объясняют рост преступности с учетом латентности части совершенных преступных деяний). 12 правоприменителей занимают позицию, согласно которой криминализация среды несовершеннолетних снижается, что соответствует данным официальной статистики Судебного Департамента Верховного суда РФ.

Интересен факт, касающийся вопроса действующего возрастного порога наступления уголовной ответственности. Практически все правоприменители считают что применяемый ныне возрастной ценз в 16 лет и в 14 за совершение отдельных категорий преступлений является объективным. Лишь трое дало согласие на снижение возраста наступления уголовной ответственности. Однако, на наш взгляд, внедрение данной меры в уголовное законодательство может нести как положительные, так и негативные последствия.

Интересно мнение судейской коллегии относительно целесообразности назначения несовершеннолетним преступникам уголовного наказания в виде лишения свободы с точки зрения необходимости социального оздоровления. 36 экспертов выразили точку зрения, связанную с целесообразностью назначения наказания в виде лишения свободы несовершеннолетним преступникам. В обоснование данной позиции эксперты оставляли различные пояснения. Так, 6 экспертов считают, что назначение рассматриваемой меры наказания должно происходить исключительно за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, вследствие рецидива, повторного совершения умышленного преступления либо за множественное совершение преступлений средней тяжести. 3 эксперта выражают мнение, что лишение свободы должно назначаться в исключительных случаях, когда исчерпаны иные меры уголовно-правового воздействия и в случаях невозможности исправления несовершеннолетнего преступника путем применения менее строгой меры ответственности либо мер воспитательного характера. 3 правоприменителя считают, наказание в виде лишения свободы должно применяться в целях восстановления социальной справедливости, в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Еще 1 эксперт выразил точку зрения, исходя из которой лишение свободы является крайней мерой, позволяющей задуматься и отказаться от преступных намерений.

10 судей считают нецелесообразным наказывать несовершеннолетних преступников уголовно-правовой мерой в виде лишения свободы. Один из правоприменителей, выразивших данную позицию, обосновывает это исключительным характером данной меры, назначаемой только в крайнем случае, когда иные правовые меры воздействия бессильны. 3 эксперта затруднились при ответе на данный вопрос.

Однако все опрошенные правоприменители полностью согласились что основной задачей, которая стоит перед наказанием подростка, была и остается возможность перевоспитания молодого преступника. При этом судьи также согласились с мнением, что в колонии следует содержать лишь подростков, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление. Это объясняется характером содержания преступника в местах отбывания наказания. Эксперты утверждают, что попадая впервые в колонию, подростки попадают под негативное влияние окружающих их элементов. Таким образом, к моменту освобождения с места заключения преступник в ряде случаев становится еще более опасным для общества.

Исходя из этого, у судей нет однозначного мнения о качестве работы исправительных учреждений для подростков. Больше половины опрошенных экспертов так и не смогли дать однозначный ответ. По их мнению, гарантировать с абсолютной гарантией полное исправление преступника невозможно. Если исходить из того, что к лишению свободы по отношению к подросткам прибегают только в экстренных случаях, то исправление такого преступника, по мнению экспертов, практически абсолютно невозможно.

Интересно мнение правоприменителей в отношении вопроса об ответственности за совершение преступлений несовершеннолетними. В первую очередь такую ответственность несет семья. Как показывает практика, подавляющее большинство преступлений совершают подростки из неполных или неблагополучных семей. Однако экспертами были приведены случаи, когда преступниками становились подростки из весьма благополучных семей. В данном случае речь идет о ближайшем окружении подростка. Нередко бывает, что подростки, попадая под негативное влияние сверстников или друзей, совершают правонарушения. Эксперты также особенно обращают что часто подростки совершают преступления под влиянием совершеннолетних нарушителей закона.

Не меньшую ответственность за совершение преступлений среди несовершеннолетних лежит на школе. Как показывает практика, круг общения подростков состоит как раз из одноклассников или школьных товарищей. Эксперты утверждают что вина школы, как учебного и воспитательного учреждения, в том, что она не проявляет должного внимания к воспитанию своих учеников и не требует в полной мере обязанностей к правовой жизни в обществе. Далее, по мнению 10 экспертов, весомую ответственность за криминогенность среды несовершеннолетних имеют местные органы власти. По их мнению власти недостаточно внимания уделяют вопросом внешкольного образования подростков. За последнее время открылось большое количество спортивных секций и организаций, занимающихся развитием подростка. По мнению судей проблема заключается в их все еще недостаточном количестве. Практически все эксперты выразили точку зрения, согласно которой для максимального снижения преступности среди подростков, у них не должно быть ни минуты свободного времени. Сразу после школьных занятий подростки должны расходиться по своим секциям и кружкам и чем их больше у каждого подростка тем меньше вероятность того, что они попадут под негативное влияние. Поэтому задача местных органов власти, по мнению судей – организовать именно таким образом досуг подростков.

Позицию по вопросу ответственности СМИ за преступность подростков выразили 12 судей. Правоприменители считают, что в последнее время подростки крайне сильно подвержены влиянию Средств Массовой Информации. Особенно это касается сети Интернет. Проблема заключается в том, что подростки обладают практически неограниченной возможностью и могут получить доступ к любым сайтам (исключение составляют сайты, запрещенные в РФ). Эксперты утверждают, что необходимо применять достаточно жесткие меры касаясь этого вопроса. В частности, поступали предложения о запрете доступа при помощи ON-LINE проверки. Необходимо также усилить контроль со стороны родителей с целью предупреждения подростком возможности посещения

запрещенных ресурсов. Относительно теле- аудио-средств массовой информации, эксперты считают необходимым ввода жесткой цензуры. Как утверждают судьи, телевидение должно быть максимум направлено на пропаганду правового образа жизни. Сегодня, как утверждают эксперты, с этой задачей они справляются максимум лишь на 20-25%.

Четверть опрошенных экспертов выразили мнение, что ответственность за преступность среди несовершеннолетних несут органы полиции. В последнее время среди подростков практически не ведется мероприятий по предупреждению преступности.

В вопросе, касающемся приоритетных целей правосудия в отношении несовершеннолетних преступников, правоприменителям для выбора и расположения в порядке убывания значимости предлагались следующие варианты: 1. Осуждение преступника; 2. Восстановление социальной справедливости; 3. Компенсация жертве утраты имущества/нанесения увечья; 4. Перевоспитание правонарушителя; 5. Изоляция правонарушителя от общества; 6. Устрашение в назидание другим потенциальным попирателям законодательства.

Данный вопрос предполагает выражение правоприменителем своего субъективного профессионального мнения, а потому результаты анкетирования не показали абсолютного единства взглядов на важнейшую цель российского правосудия в отношении несовершеннолетних преступников. 18 экспертов считают, что главной целью правосудия является перевоспитание правонарушителя, 17 – восстановление социальной справедливости, еще 11 судей указали главной целью осуждение противоправного деяния обществом.

Второй важной целью 14 экспертов указали осуждение противоправного деяния обществом, еще 10 правоприменителей выбрали вариант восстановление социальной справедливости. 9 экспертов считают второй по значимости целью правосудия перевоспитание правонарушителя и еще 9 – компенсацию жертве утраты имущества/нанесения увечья.

Во взгляде на третью наиболее значимую цель правосудия несовершеннолетних лиц наблюдается равенство позиций по двум вариантам ответа. Так, 11 экспертов выбрали третьей целью осуждение противоправного деяния обществом. Аналогичным образом, 11 правоприменителей указали на восстановление социальной справедливости. 7 экспертов отметили цель перевоспитания правонарушителя.

Из результатов анкетирования по данному вопросу можно резюмировать, что правоприменитель выделяет 4 главные цели правосудия в отношении несовершеннолетних преступников, а именно перевоспитание правонарушителя, восстановление социальной справедливости, осуждение противоправного деяния обществом и компенсацию жертве утраты имущества нанесенного увечья.

В следующем анкетном вопросе правоприменителям была смоделирована реальная ситуация совершения несовершеннолетним лицом правонарушения, согласно которой подросток осуществил кражу пачки чипсов в продуктовом магазине, при этом на момент совершения правонарушения не достигнув возраста уголовной ответственности. Экспертам предлагалось выбрать меры правового воздействия, которые следовало бы применить к несовершеннолетнему лицу, совершившему данный проступок. Абсолютное большинство правоприменителей выразили позицию, что в данном случае наиболее разумными мерами воздействия стали бы разъяснительная беседа с подростком и родителями, и возложение на родителей обязанности выплатить штраф, а также возместить ущерб. В частности, первую меру воздействия отметили 39 правоприменителей, вторую – 25 правоприменителей. 1 судья, отвечая на данный вопрос, сослался на санкцию соответствующей статьи КОАП РФ (7.27), предусматривающую административную ответственность за совершение правонарушения в виде мелкого хищения. Еще один правоприменитель указал на необходимость применения к

правонарушителю в данном случае административного наказания, содержащегося санкции ст. 7.27 в виде обязательных работ сроком до 2 месяцев.

Интересны мнения правоприменителей о целесообразности рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних лиц судом с участием присяжных заседателей, а также вопроса об обеспечиваемости эффективного исполнения задач правосудия и соблюдения прав и свобод человека на справедливое судебное разбирательство в данном порядке судопроизводства.

Что касается первого вопроса, то 12 правоприменителей заняли позицию, в соответствии с которой уголовные дела в отношении подростков-преступников целесообразно рассматривать судом присяжных. Один из экспертов подкрепил позицию пояснением, согласно которому дела в отношении несовершеннолетних целесообразно разбирать судом с участием присяжных заседателей при наличии у них профессиональных компетенций. Еще один судья обосновывает возможность рассмотрения дел в соответствующем порядке при необходимости исследования и учета характеристик личности подсудимого.

Простым большинством в числе 28 правоприменителей от всех опрошенных была выбрана позиция, в соответствии с которой уголовные дела в отношении несовершеннолетних нецелесообразно рассматривать судом с участием присяжных заседателей. В обоснование позиций приводились следующие аргументы. 5 экспертов поясняют позицию усложнением, удорожанием (необоснованными материальными затратами), бюрократизацией и затягиванием процесса рассмотрения дела в данном порядке судопроизводства. 5 правоприменителей аргументируют нецелесообразность некомпетентностью присяжных заседателей, невозможностью быть объективными, а также их опоре при вынесении вердикта на чувства жалости и сострадания, то есть на эмоциональные чувства. 3 эксперта обосновывают позицию тем, что опытный, профессиональный судья в состоянии оценить все обстоятельства дела, а также все психологические аспекты личности несовершеннолетнего подсудимого при определении меры ответственности и принять законное, и справедливое решение. 2 эксперта выражают мнение, что при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних подсудимых требуется индивидуальный и специализированный подход. Еще 2 эксперта обосновывают нецелесообразность неготовностью общества, в том числе правовую, к рассмотрению дел в данном порядке. 2 судьи приводят аргумент, согласно которому дела данной категории должны рассматриваться в общем порядке, где подробному исследованию и изучению подлежит вся доказательственная база. 2 правоприменителя считают, что, как правило, уголовные дела в отношении преступников – подростков не представляют особой сложности, а потому не имеет смысла привлекать к разбирательству суд присяжных. Один эксперт обосновывает позицию особым положением несовершеннолетних в обществе и отношением к ним со стороны других граждан. Еще один эксперт аргументирует позицию важностью защиты психики несовершеннолетнего подсудимого и присяжных заседателей.

Что касается вопроса, обеспечивает ли деятельность суда с участием присяжных заседателей эффективное исполнение задач правосудия и соблюдение прав и свобод человека на справедливое судебное разбирательство, правоприменители заняли следующие позиции. 19 судей считают, что суд присяжных обеспечивает эффективное исполнение задач правосудия. Один из экспертов в подкрепление позиции приводит аргумент, согласно которому при рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних обеспечивается наличие защитника, законного представителя и педагога, что гарантирует соблюдение их прав и свобод.

17 экспертов заняли обратную позицию, согласно которой суд присяжных не обеспечивает эффективное исполнение задач правосудия и соблюдение прав и свобод человека. В подкрепление мнений в целом приводятся аналогичные предыдущему вопросу аргументы, как: усложнение и удорожание, бюрократизация и

затягивание судебного процесса; достаточность участия в рассмотрении дела одного опытного и профессионального судьи, характеризующая его способностью в одиночку оценить все обстоятельства дела и принять законное, справедливое решение; правовая неготовность населения к рассмотрению уголовных дел в данном порядке судопроизводства; высокая материальная затратность на организацию процессов; руководство присяжных эмоциями при вынесении вердикта и их некомпетентность.

Одной из основных причин преступного поведения подростков по мнению экспертов это вопрос семьи. Более половины судей (28) заняли принципиальную позицию, состоящую в уверенности о неполноте состава этих ячеек общества. 16 судей считают, что состав семьи не имеет значения при становлении несовершеннолетнего на путь криминала. 4 правоприменителя затруднились при выборе ответа. Еще один судья утвердил, что подростки-преступники чаще всего являются выходцами из неблагополучных семей. Результаты анкетирования в данном аспекте в целом совпадают с анализом материалов судебной практики, проведенным нами, что показал незначительность аспекта полноты семьи несовершеннолетнего преступника, акцентировав наше внимание на росте в данном контексте благополучных семей.

Отдельного внимания заслуживает вопрос определения причин (факторов), оказывающих прямое влияние на преступность несовершеннолетних лиц, а также степени их значимости. Результаты анкетирования по данному вопросу свидетельствуют об отсутствии единообразия взглядов правоприменителей на причинность преступности подростков. Все же, проанализировав анкетные данные, можно сделать определенные выводы. Наиболее значимую причину роста преступности несовершеннолетних эксперты видят в распаде социокультурной среды обитания и кризисе семьи (снижении ее воспитательной функции). Позицию по данному фактору выразили 23 эксперта. Кроме того, в качестве главной причины экспертами выделялись снижение внимания общества к воспитанию детей (6 судей); криминализация культуры и снижение нравственных установок (6 судей).

Фактор психологии (снижение внимания общества к воспитанию детей, подростков, его равнодушное отношение к проблемам, с которыми сталкивается молодое поколение) исходя из результатов анкетирования был выделен экспертами, как второй, значительным образом, влияющий на криминализацию среды несовершеннолетних. Данную причину отметили 10 правоприменителей. 7 экспертов указали на слабую профилактику правонарушений среди несовершеннолетних.

На третью ступень по убыванию важности 8 экспертов ставят криминализацию культуры и снижение нравственных установок. 6 правоприменителей – причину плохой организации общественной работы с подростками и отсутствие воспитательной функции в системе обучения.

Анализ мнений судей показывает, что вышеуказанные факторы оказывают наиболее негативное влияние на процесс криминализации социальной среды подростков. Остальные причины (недостаточная организация системы безопасности учебных заведений, проблемы межведомственного взаимодействия, неосведомленность о последствиях совершаемого противоправного деяния) были признаны экспертами с некоторой долей разности в равной мере менее значительно влияющими на процесс криминализации подростков.

Вразрез современным реалиям такие факторы, как алкоголизация населения и снижение материального благополучия граждан, не выделяются правоприменителями в качестве одних из самых негативных причин преступности несовершеннолетних лиц.

Относительно аспекта субъектного состава совершения преступлений наблюдается единство экспертного убеждения в том, большинство преступных деяний совершаются несовершеннолетними в форме соучастия. Данную позицию заняли 45 судей. Еще 3 эксперта считают, что чаще всего несовершеннолетние совершают преступления индивидуально. 2 – затруднились ответить на данный вопрос. Результаты анализа

судебной практики в целом соответствуют экспертным выводам, резюмируя о превалировании случаев совершения подростками уголовных деяний в соучастии (в частности, в группе лиц по предварительному сговору).

Следующий вопрос анкеты заключается в определении движущего сознанием несовершеннолетнего преступника волевого импульса, обуславливающего применение насилия как способа достижения определенного целевого эффекта. Экспертам предлагалось выбрать 1 из возможных вариантов ответа, как - то: подростки одобряют насилие, как способ разрешения конфликта или же как средство достижения цели – а также отразить свой вариант. 32 правоприменителя считают, что подростки одобряют насилие как способ разрешения конфликта, 26 экспертов считают главным руководством к преступным действиям несовершеннолетних лиц насилие как средство достижения определенной цели. При этом 7 экспертов выразили позицию, что несовершеннолетние в целях реализации своих преступных мотивов одобряют насилие и как способ разрешения конфликтов, и как средство достижения цели. 1 правоприменитель затруднился при выборе ответа на данный вопрос.

В следующем анкетном вопросе правоприменителям была смоделирована реальная ситуация совершения несовершеннолетним лицом правонарушения, согласно которой подросток осуществил кражу пачки чипсов в продуктовом магазине, при этом на момент совершения правонарушения не достигнув возраста уголовной ответственности. Экспертам предлагалось выбрать меры правового воздействия, которые следовало бы применить к несовершеннолетнему лицу, совершившему данный проступок. Абсолютное большинство правоприменителей выразили позицию, что в данном случае наиболее разумными мерами воздействия стали бы разъяснительная беседа с подростком и родителями, и возложение на родителей обязанности выплатить штраф, а также возместить ущерб. В частности, первую меру воздействия отметили 39 правоприменителей, вторую – 25 правоприменителей. 1 судья, отвечая на данный вопрос, сослался на санкцию соответствующей статьи КОАП РФ (7.27), предусматривающую административную ответственность за совершение правонарушения в виде мелкого хищения. Еще один правоприменитель указал на необходимость применения к правонарушителю в данном случае административного наказания, содержащегося санкции ст. 7.27 в виде обязательных работ сроком до 2 месяцев.

Далее, в анкете, следует вопрос, касающийся аспекта воздействия на несовершеннолетних лиц каких-либо факторов, обуславливающих совершение ими противоправных деяний. Результаты анкетирования по данному вопросу оказались весьма интересными и показательными. Так, 29 судей от общего количества опрошенных правоприменителей заняли позицию, согласно которой наибольшая часть преступлений совершается подростками, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Приведенные данные в корне противоречат ранее выраженному правоприменителями взгляду в вопросе, связанном с причинностью совершения несовершеннолетними лицами преступлений, где проблема алкоголизации населения не была выделена в число важнейших.

В продолжение, необходимо отметить, что 16 экспертов затруднились ответить на предложенный вопрос. Предполагается, что это связано с широким спектром факторов воздействия на сознание подростков и трудностью выделить основной из них.

10 судей из числа опрошенных указали, что большая часть преступлений совершаются несовершеннолетними под воздействием наркотиков. Отдельные правоприменители выбрали свободный вариант ответа и указали, что подростки совершают правонарушения вследствие материальной необеспеченности, в мотивах корысти и бравады, а также под воздействием психоза.

Таким образом, преступления несовершеннолетних является самостоятельным видом преступности, которой присущи определенные количественные и качественные показатели, обусловленные во многом личностью преступника. В тоже время, несмотря

на сокращение количественных показателей преступности несовершеннолетних, она имеет неблагоприятные структурные изменения: остается стабильно высоким удельный вес совершаемых несовершеннолетними тяжких и особо тяжких преступлений; преступления несовершеннолетних имеют преимущественно корыстную и насильственную направленность; большое количество преступлений совершается молодежными группировками; повышается уровень криминального профессионализма несовершеннолетних преступников; прослеживается устойчивый рост числа повторных преступлений, совершаемых несовершеннолетним; отмечается агрессивность и жестокость преступлений, совершаемых несовершеннолетними; происходит феминизация несовершеннолетней преступности; появляются случаи нападений с использованием оружия на обучающихся, сотрудников школ, иных образовательных организаций. Данные негативные тенденции требуют от правоохранительных органов, органов социальной защиты, образовательных организаций и иных государственных органов активизировать работу по профилактике и борьбе с преступностью среди несовершеннолетних.

1. Санташов А. Л. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия преступности несовершеннолетних // Российский следователь. 2021. № 6. С. 61-63.
2. Болтенко Н. Н., Кондраткова Н. В., Черкасова Е. С. Суицидальное поведение несовершеннолетних: психолого-криминологический подход в реализации расследования // Российский следователь. 2021. №4. С. 68-71.
3. Мальшев А. Н., Заряев В. А. Профилактика рецидивной преступности несовершеннолетних // Российское правосудие. 2022. № 4. С. 73-81.
4. Шагапсов З. Л., Гутиева И. Г. Актуальные проблемы профилактики и борьбы с проявлениями терроризма в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 2. С. 125128.
5. Романовская И. В. Особенности детерминации преступности несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164). С. 397-398.
6. Лебешев И. С. Профилактика преступлений несовершеннолетних как форма борьбы с рецидивной преступностью // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 169-171.
7. Коновалов И. А. Радикализация молодежи: основные модели и профилактика. Зарубежный опыт // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 36 - 42.
8. Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде // Обзор НЦПТИ. 2022. № 1 (28). С. 19-28.

Сапрыкина Е.И.

Электронный документ как доказательство в уголовном процессе

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-392

Научный руководитель: Сinenko В.С.

Аннотация

В статье приведен анализ положения электронных документов в системе доказательств в уголовном судопроизводстве. Автор отмечает наличие специфики подобного рода документов и проблем, вытекающих из данных особенностей. Подчеркнута неизбежность и важность использования электронной документации в процессе доказывания по уголовному делу. Был сделан вывод о необходимости более подробной правовой регламентации данного вида носителя информации в качестве доказательств.

Ключевые слова: электронный документ, доказательство, процесс доказывания, цифровизация, тайна переписки.

Abstract

The article provides an analysis of the position of electronic documents in the evidence system in criminal proceedings. The author notes the specificity of such documents and the problems arising from their features. The inevitability and importance of using electronic documentation in the process of proving a criminal case is emphasized. It was concluded that there is a need for more detailed legal regulation of this type of information carrier in the evidence system.

Keywords: electronic document, proof, proof process, digitalization, secrecy of correspondence.

В современных реалиях большое количество информации содержится в электронных носителях и передается также в электронном формате. Такого рода документы стали неотъемлемой частью функционирования общества. Соответственно, это не обошло стороной и сферу правосудия. В ходе рассмотрения различных дел возникает вопрос о приобщении электронных документов в качестве доказательств. Уголовное судопроизводство в данном разрезе представляет особый интерес в вопросе электронных документов как элементов доказательной базы.

Обращаясь к действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (Далее - УПК РФ), ст. 474.1 регламентирует порядок использования электронных документов на стадии судопроизводства [1]. Термина электронных документов в кодексе не содержится, но мы можем обратиться к доктрине, например, М.М. Скотникова считает, что «электронным документом является документированная информация, представленная в электронной форме, пригодной для восприятия электронно-вычислительной техникой. Электронные документы, выступающие в качестве доказательств по уголовному делу, могут содержать в себе информацию в различных формах: в виде текста, аудио- и видеозаписей, изображений, компьютерных программ как совокупности компьютерного кода и других К ним также относится особая группа данных – электронные свидетельства, которые хранятся сетевыми и интернет-провайдерами и регистрируют действия абонента в рамках сети связи» [4, с. 973].

Что касается порядка использования электронных документов в уголовном судопроизводстве, то УПК РФ регламентирует следующие правила с учетом изменений 2022 года: заявления, ходатайства, жалобы или представления, которые не содержат в себе сведений, составляющих охраняемую законом тайну или иные сведения, указанные в ст. 474.1 УПК РФ, могут быть поданы в прокуратуру, суд в форме электронного документа, но принципиальным условием будет считаться наличие технической возможности в судах, органах прокуратуры и уголовно-исполнительной системы. Само заявление, ходатайство, представление, а также материалы в качестве приложения оформляются в виде электронного документа и подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью. Что касается лица, который пописывает документ с помощью электронной подписи, то в данном случае, если к заявлениям, ходатайствам или представлениям прилагаются документы от других организаций и должностных лиц, то электронную подпись на документе должна быть именно этой организации или должностного лица. Документ ходатайства, заявления или представления подписывается электронной подписью лица, который направляет указанные документы.

Место электронных документов в качестве доказательств в ст. 74 УПК отдельно не закреплено. Их обычно относят к категории «иные документы» или «вещественные доказательства», что подвергается критике в научных кругах. Из-за своей специфики

электронные документы должны стать отдельным видом доказательств. М.М. Скотникова подчеркивает, что законодательно должен быть сформулирован отдельный подход к работе с документами такого формата в качестве доказательств, а данный вопрос не получает должного внимания со стороны внутреннего и международного правового регулирования [4, с. 975].

Ранее мы упоминали условия принятия электронных документов к процедуре судопроизводства, а именно наличие технических условий в судебном органе, а также наличие усиленной квалифицированной электронной подписи соответствующих лиц. Помимо этих требований, документы должны содержать в себе критерии целостности, неизменности, истинности, достоверности и допустимости. Достаточно часто для оценки электронного документа на предмет этих параметров приглашаются специалисты или эксперты, которые при наличии специальных познаний производят анализ данных. Для упрощения изучения данных документов без помощи специалистов выдвигаются требования к их формату, например, для текстовых файлов допускаются форматы PDF, RTF и другие, а для файлов с графическим содержанием- PDF, JPEG (JPG), PNG и другие. Также файл не должен быть защищен от копирования и печати.

Достаточно интересным представляется исследование электронных документов в виде скриншотов переписок, полученных из мобильного телефона лица, обвиняемого в преступлении. Очень часто в материалах уголовных дел, особенно по делам о наркотиках, встречаются скриншоты переписок в мессенджере «Телеграмм», например, где злоумышленники распространяют предложения о покупке каких-либо наркотических средств в определенном количестве. В науке и практике по сей день происходят дискуссии о правомерности получения информации в личном мобильном устройстве, т.к. с одной стороны, наблюдается признак нарушения конституционного права участников уголовного процесса на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Правоприменительная практика в этом вопросе также достаточно неоднозначна. Конституционный Суд РФ в Определении от 24 июня 2021 г. № 1364-О отметил, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения информации, имеющей значение для дела, находящейся в мобильных устройствах, изъятых при производстве следственных действий, не требует вынесения по этому поводу отдельного судебного решения. Однако участники процесса в случае усмотрения нарушения своих конституционных прав, в том числе, права тайны переписки, вправе оспорить данные процессуальные решения и следственные действия [2].

Поэтому чаще всего практика складывается таким образом, что данные, которые были получены следствием из мобильных телефонов участников уголовного судопроизводства, признают допустимыми доказательствами.

Таким образом, стоит сделать вывод о том, что электронные документы в качестве доказательств в уголовном процессе имеют собственную специфику, которая требует внимательного подхода со стороны правового регулирования. Документы такого формата упрощают жизнь и соответствуют требованиям цифровизации, однако, существует ряд проблем, которые не позволяют использовать электронные документы в качестве доказательств, например, если в судебном органе будет отсутствовать техническое обеспечение, что уже является основанием недопущения такого документа в процесс судопроизводства, т.е. действия ст. 474.1 УПК РФ. Также электронные документы должны соответствовать определенным требованиям в области реквизитов (усиленной квалифицированной электронной подписи соответствующих лиц), формат документа и иные требования, которые позволят изучить содержимое документа в ходе

разбирательства. В заключении приведем близкую нам позицию Е.Е. Пяташук: «В целом, использование электронных документов в качестве доказательств имеет свои преимущества и недостатки. Однако, с учетом быстрого развития информационных технологий, необходимо работать над установлением соответствующей законодательной базы, регулирующей использование электронных документов в уголовном процессе, чтобы эффективно использовать эти документы в качестве доказательств и обеспечивать защиту прав и свобод граждан» [3, с. 103].

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2024).
2. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 N 1364-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Евгения Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 93, 176, 177 и частью второй статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.10.2024).
3. Пяташук, Е. Е. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном процессе / Е. Е. Пяташук // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 4(92). – С. 101-105. – EDN TREVZO.
4. Скотникова, М. М. Электронный документ как доказательство в российском уголовном процессе / М. М. Скотникова // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете - 2023: традиции и инновации : материалы Международного научно-практического фестиваля, Иваново, 10–28 апреля 2023 года. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2023. – С. 972-978. – EDN LEFVFO.

Сафонов А.А., Переверзев Л.А., Сороколетова М.А.
Правовые аспекты охраны водных ресурсов в Российской Федерации

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-393

Аннотация

В данной статье рассматриваются правовые аспекты, регламентирующие охрану водных ресурсов на территории Российской Федерации. Автор исследует нормативную правовую базу, закрепляющую положения об охране данных ресурсов, а также статистические данные, свидетельствующие о правонарушениях актов федерального законодательства в сфере водных объектов. Также в рамках настоящей статьи анализируются проблемы охраны водных объектов и предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: водные ресурсы, природные объекты, экологическое право, экологические правоотношения, правонарушения.

Abstract

This article discusses the legal aspects governing the protection of water resources in the territory of the Russian Federation. The author examines the regulatory legal framework that enshrines the provisions on the protection of these resources, as well as statistical data indicating violations of federal legislation in the field of water bodies. Also, within the framework of this article, the problems of protecting water bodies are analyzed and possible solutions are proposed.

Keywords: water resources, natural objects, environmental law, environmental legal relations, offenses.

Институт охраны водных ресурсов появился в 60-е годы прошлого века в форме Института водных проблем. На сегодняшний день область водных ресурсов активно охраняется на территории Российской Федерации.

В настоящее время отношения по поводу защиты водных ресурсов регламентируются Водным кодексом Российской Федерации, который устанавливает правовые основы использования и охраны водных объектов, а также регулирует отношения в области гидротехнических и подобных сооружений.

Помимо названного закона, Конституция Российской Федерации также гарантирует право на благоприятную окружающую среду. В соответствии со статьей 42, каждый имеет право на информацию о состоянии окружающей среды.

Для полноценного понимания исследуемой темы, необходимо рассмотреть понятие водных ресурсов.

Так, согласно пункту 3 статьи 1 указанного выше нормативного правового акта: «водные ресурсы – это поверхностные и подземные воды, которые находятся в водных объектах и используются или могут быть использованы».

Водные объекты, как известно, находятся в исключительной собственности Российской Федерации и могут быть использованы в самых различных целях, таких как водоснабжение, производство электроэнергии, рекреации и иных, не противоречащих современному экологическому законодательству, аспектах.

Рассматривая данный вопрос, необходимо отметить, что правовое регулирование охраны водных объектов включает в себя меры по предотвращению загрязнения, засорения и истощения водоемов, а также ограничения и запреты на их использование в определенных случаях. За нарушения водного законодательства предусматривается административная и уголовная ответственность.

Согласно статистическим данным, в 2022 году законодательство, касающееся охраны водных ресурсов нарушили более 20 тысяч раз практически во всех регионах государства. Подобные цифры свидетельствуют об актуальности внедрения механизма, который бы обеспечил надлежащую и эффективную охрану водных объектов.

Охрана водных ресурсов представляет собой одну из самых актуальных экологических проблем как отечественного, так и мирового уровня. Водные ресурсы являются жизненно важными для существования всех форм жизни на Земле, и их охрана требует комплексного подхода.

Для полноценного понимания правовых аспектов охраны водных ресурсов в нашей стране необходимо рассмотреть основные проблемы, связанные с охраной отдельных видов водных ресурсов.

Первой проблемой является загрязнение водоемов, которое может происходить из-за:

- промышленного сброса фабриками и предприятиями;
- сельскохозяйственного стока. Использование пестицидов и удобрений приводит к загрязнению водоемов, особенно в дождливый сезон, когда эти вещества смываются в реки;
- бытового загрязнения.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за нарушение правил водопользования, которая влечет наложение административного штрафа или приостановление деятельности на определенный срок.

Ответственность за загрязнение вод предусмотрена также Уголовным кодексом Российской Федерации, а именно статьей 250, которая предусматривает не только штраф и принудительные работы, но и лишение свободы на срок до 5 лет.

Подобные санкции позволяют предприятиям решить существующие проблемы, связанные с загрязнением водных объектов, и восстановить свою деятельность.

Следующей проблемой является перепотребление водных ресурсов. Чрезмерное потребление воды может быть вызвано как увеличением численности населения, которое ведет к большому спросу на воду для бытовых нужд, сельского хозяйства и

промышленности, так и неэффективными методами орошения с помощью устаревших технологий, приводящих к большому расходу воды.

Ответственность за истощение источников водоснабжения чрезмерным использованием воды не влечет административной или уголовной ответственности, однако, специалистами по охране окружающей среды неоднократно проводятся проверки, связанные с использованием технической воды в местах, где ее пользование не вредит населению и не снижает качество производимых ресурсов.

Как отмечает О.Б. Шавырина: «Проблема охраны водных биологических ресурсов является частью глобальной проблемы сохранения биосферы как основы устойчивого развития человечества».

Согласимся с мнением автора и отметим следующую проблему, которая заключается в усыхании водоемов, которое происходит, как правило из-за следующих действий:

1. Постоянного откачивания воды, то есть использование подземных вод и других природных источников без адекватного управления, приводящее к истощению ресурсов;
2. Человеческой деятельности. Антропогенный фактор заключается в строительстве плотин и водохранилищ, которое меняет естественные потоки воды и может приводить к изменению экосистемы.

В основу охраны вод положены следующие основные принципы:

- нормирование качества вод;
- нормирование антропогенного воздействия на водные объекты;
- регулярный контроль (мониторинг) состояния вод;
- платность воздействия.

Изучив существующие на сегодняшний день проблемы в области водных ресурсов, необходимо рассмотреть также комплексный подход их защиты, который включает в себя следующие аспекты:

- установление строгих нормативов и контроль за их выполнением;
- строительство и модернизацию очистных сооружений для обработки сточных вод до безопасного уровня перед выбросом в водоемы;
- грамотное планирование территорий с учетом экологической безопасности и минимизации риска загрязнения;
- регулярный мониторинг состояния водных объектов и принятие мер по улучшению ситуации при обнаружении проблем;
- проведение образовательных программ среди населения и предприятий о важности сохранения чистоты водных ресурсов и ответственности каждого за их состояние;
- внедрение системы штрафов и поощрений для предприятий с целью стимулирования соблюдения экологических норм и снижения выбросов загрязняющих веществ;
- разработка и внедрение новых технологий для эффективной очистки воды от различных загрязнений;
- создание охраняемых природных территорий и зон, где запрещена деятельность, потенциально опасная для водных ресурсов.

Отдельно стоит отметить водоохранные зоны, то есть участки земли с особым режимом хозяйственной деятельности, которые начинаются сразу после береговой линии всех водоемов. Их цель - защитить водоемы от негативного воздействия человека и сохранить привычную среду обитания для живых организмов.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что правовая система Российской Федерации, регулирующая охрану водных ресурсов, является многоуровневой и комплексной, что позволяет эффективно защищать данные объекты от негативных воздействий.

В рамках данной работы нами были рассмотрены следующие проблемы, касающиеся водных ресурсов:

- загрязнение водоемов;
- перепотребление водных ресурсов;
- пересыхание водоемов.

Ответственность за правонарушения и преступления в области водных ресурсов предусматривается Кодексом об административных правонарушениях и Уголовным кодексом. Данные нормативные акты полноценно регламентируют данные нарушения и ответственность за их совершение.

Однако, несмотря на наличие законодательных актов, посвященных данному институту экологического права, важно и дальше развивать и совершенствовать механизмы контроля и охраны водных объектов, а также повышать уровень ответственности среди всех категорий пользователей.

Для решения проблем охраны водных ресурсов необходим комплексный подход к управлению водными ресурсами, включая развитие международного сотрудничества, внедрение устойчивых практик в сельское хозяйство и промышленность, а также повышение осведомленности и образования среди населения.

На наш взгляд, важно обеспечить данный механизм защиты водных ресурсов на всех уровнях – от местного до федерального, чтобы реализовать охрану и рациональное использование исследуемых объектов на благо будущих поколений.

1. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 года № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. 2002. №1 (ч.1). Ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Шавырина, О.Б. Некоторые аспекты охраны водных биологических ресурсов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. С. 126-130.
5. В прошлом году закон об охране водных ресурсов нарушили более 20 тысяч раз [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pnp.ru/social/v-proshlom-godu-zakon-ob-okhrane-vodnykh-resursov-narushili-bolee-20-tysyach-raz.html> (дата обращения: 02.10.2024).
6. Научно-популярная энциклопедия «Вода России» [Электронный ресурс] // URL: https://water-ru.ru/Глоссарий/1493/Охрана_вод (дата обращения 02.10.2024).

Скворцова Е.В.

Государственная социальная помощь на основании социального контракта

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный университет юстиции
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-394

Аннотация

Ежегодно приоритетным направлением социальной политики нашего государства является оказание поддержки и различных видов помощи малоимущим гражданам и их семьям. В данной статье проанализированы законодательные основы социального контракта как одного из видов государственной социальной помощи. Автором выявлена специфика регионального механизма предоставления государственной социальной помощи на основании социального контракта по Республике Мордовия, также рассмотрена судебная практика.

Ключевые слова: государственная социальная помощь, социальный контракт, программа социальной адаптации, малоимущая семья, малоимущий одиноко проживающий гражданин, прожиточный минимум, Республика Мордовия.

Abstract

Every year, the priority direction of our state's social policy is to provide support and various types of assistance to poor citizens and their families. This article analyzes the legislative foundations of the social contract as one of the types of state social assistance. The author identifies the specifics of the regional mechanism for providing state social assistance on the basis of a social contract in the Republic of Mordovia, and also examines judicial practice.

Keywords: state social assistance, social contract, social adaptation program, poor family, poor single citizen, living wage, Republic of Mordovia.

В условиях динамичной социальной политики, ориентированной на обеспечение гражданам их прав и достойного уровня жизни, государство выполняет одно из ключевых обязательств, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Ежегодно приоритетным направлением социальной политики нашего государства является оказание поддержки и различных видов помощи малоимущим гражданам и их семьям [1, с. 270].

Согласно Федеральному закону от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» последняя заключается в предоставлении малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан, социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров.

Эффективным инструментом предоставления государственной социальной помощи служит социальный контракт, который представляет собой соглашение между гражданином и органом социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания гражданина. В соответствии с ним орган социальной защиты населения обязуется оказать гражданину государственную социальную помощь, гражданин – реализовать мероприятия, предусмотренные программой социальной адаптации [2].

Основными принципами здесь выделяются:

- добровольность участия;
- обязательность исполнения условий;
- индивидуальный подход при разработке программы социальной адаптации;
- обеспечение персонального подхода при оказании помощи на основании социального контракта с ориентацией на оказание такой помощи тем гражданам, которые имеют мотивацию к трудовой деятельности.

Иначе говоря, социальный контракт – это детализированный алгоритм определённых действий, разрабатываемый совместно органом социальной защиты населения и лично гражданином (заявителем), направленный на скорейшее преодоление трудной жизненной ситуации. Его цель – повышение качества жизни и улучшение материального положения гражданина (его семьи) [3].

Субъектами, которым предоставляется государственная социальная помощь посредством социального контракта в соответствии со статьей 7 Федерального закона № 178 являются малоимущие семьи, малоимущие одиноко проживающие граждане, которые по независящим от них причинам имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации [2].

Порядок определения величины прожиточного минимума устанавливается субъектом Российской Федерации, с учетом величин прожиточных минимумов, установленных для соответствующих социально-демографических групп.

Поскольку система социального обеспечения находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, следовательно каждый регион наделен правом по своему усмотрению определять ключевые аспекты заключения социального контракта. В связи с этим размер, условия, длительность, порядок назначения и форму социального контракта определяют органы государственной власти субъектов РФ [4, с. 3].

В Республике Мордовия оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта осуществляется с 2013 года. Механизм ее предоставления в регионе разъясняется Постановлением Правительства Республики Мордовия от 30.12.2013 № 589 «Об оказании государственной социальной помощи на основании социального контракта» [5].

Право на такой вид помощи возникает в случае, если размер среднедушевого дохода семьи (одиноко проживающего гражданина) по независящим от них причинам ниже величины прожиточного минимума на душу населения, установленной в Республике Мордовия.

Величина прожиточного минимума в Республике Мордовия по состоянию на 2024 год составляет 14 133 руб. – для трудоспособного населения, 11 462 руб. – для пенсионеров, 12 898 руб. – для детей [6].

Государственная социальная помощь на основании социального контракта может быть предоставлена в виде:

- ежемесячного денежного пособия гражданам на реализацию мероприятия по поиску работы (не более чем на 9 месяцев);
- единовременного денежного пособия гражданам на реализацию мероприятия по осуществлению индивидуальной предпринимательской деятельности (не более чем на 12 месяцев);
- единовременного денежного пособия гражданам по ведению личного подсобного хозяйства (не более чем на 12 месяцев);
- денежного пособия гражданам на реализацию иных мероприятий, направленных на преодоление трудной жизненной ситуации (не более чем на 6 месяцев) [5].

Помощь оказывается за счет средств республиканского бюджета РМ и федеральных бюджетов в пределах бюджетных ассигнований.

Заявление подается гражданином по месту жительства или месту пребывания от себя или от имени своей семьи: в электронном виде через Госуслуги, через МФЦ либо личной явкой.

Государственное учреждение (например, ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск») в течение 10 рабочих дней со дня регистрации заявления принимает соответствующее решение в форме приказа и направляет уведомление заявителю. В случае принятия положительного решения с гражданином (его семьей) заключается социальный контракт с приложением к нему программы социальной адаптации, согласованной с видом предоставляемой помощи. В течение всего срока действия социального контракта, орган социальной защиты осуществляет контроль за исполнением установленных мероприятий, а также фиксирует исполнение обязательств со стороны получателей [5].

В ходе анализа судебной практики, было выявлено, что при реализации государственной социальной помощи на основании социального контракта возникают споры по причине нарушения сторонами своих обязательств. Зачастую нарушителями являются именно сами граждане. Так, в сентябре 2024 года Ардатовским районным судом было рассмотрено уголовное дело в отношении 35-летнего жителя района, обвиняемого в совершении мошенничества в крупном размере.

Согласно материалам дела, подсудимый в январе 2023 г. обратился в ГКУ «Социальная защита населения по Ардатовскому району Республики Мордовия» с заявлением о заключении социального контракта на оказание государственной социальной помощи.

17.01.2023 г. с подсудимым был заключен социальный контракт, по условиям которого ему предоставляется единовременная денежная выплата в размере 350 000 рублей для занятия предпринимательской деятельностью. В марте 2023 г. мужчина предоставил в учреждение бизнес-план по оказанию услуг шиномонтажа. Однако,

получив деньги, он использовал их не по назначению. Чтобы скрыть мошенничество, в мае 2023 года предоставил поддельные документы на неприобретенное оборудование, которое на самом деле было куплено еще в 2020 году его родственником.

В результате своими действиями подсудимый причинил материальный ущерб бюджету Республики Мордовия в лице ГКУ «Социальная защита населения по Ардатовскому району Республики Мордовия» в крупном размере на сумму 350 000 рублей [7].

Подводя итоги, стоит еще раз отметить, что предназначением социального контракта является повышение качества жизни и улучшение материального положения граждан (их семей) посредством содействия самостоятельному развитию их трудового потенциала. Возникающие на основании социального контракта взаимные обязательства государства, в лице органа социальной защиты, и гражданина (его семьи) дополнительно способствуют повышению социальной ответственности последних.

1. Какадий И.И. Управление социальной поддержкой населения как фактор реализации социальной политики государства / И. И. Какадий, А. И. Просвирина // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. №29. С. 269-275.
2. О государственной социальной помощи : Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ // СЗ РФ. № 29. Ст. 3699.
3. Методические рекомендации по оказанию государственной социальной помощи на основании социального контракта : Приказ Министерства труда и социальной защиты от 03.08.2021 № 536 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
4. Просвирина А.И. Государственная социальная помощь на основании социального контракта / А. И. Просвирина, И. И. Какадий // Вестник Евразийской науки. 2020. №3. С.1-8.
5. Об оказании государственной социальной помощи на основании социального контракта : Постановлением Правительства Республики Мордовия от 30.12.2013 № 589 // Известия Мордовии. 2014 10 января.
6. Об установлении величины прожиточного минимума в Республике Мордовия на 2024 год : Постановлением Правительства Республики Мордовия от 07.09.2023 № 460 // Известия Мордовии. 2023. 8 сентября.
7. Вынесен приговор по уголовному делу о присвоении денежных средств, предоставленных на основании социального контракта. URL: <https://ardatovmordovia.bezformata.com/listnews/na-osnovanii-sotcialnogo-kontrakta/136965595/> (дата обращения: 20.10.2024).

Скворцова Е.В.

**Материнский (семейный) капитал
как мера государственной поддержки семей с детьми**

*Средне-Волжский институт (ф) Всероссийский государственный
университет юстиции
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-395

Аннотация

В статье рассматривается программа материнского (семейного) капитала как одна из мер государственной поддержки семей с детьми. Автором выделяются условия его получения, категории лиц, целевые направления. Дополнительно отмечается существование регионального материнского капитала на примере Республики Мордовия. Проводится анализ судебной практики случаев мошенничества с денежной выплатой.

Ключевые слова: социальная политика, меры государственной поддержки, демография, материнский (семейный) капитал, региональный материнский капитал, Республика Мордовия.

Abstract

The article considers the program of maternal (family) capital as one of the measures of state support for families with children. The author highlights the conditions for obtaining it,

categories of persons, and target areas. Additionally, the existence of regional maternity capital is noted on the example of the Republic of Mordovia. The analysis of judicial practice of cases of fraud with cash payments is carried out.

Keywords: social policy, measures of state support, demography, maternal (family) capital, regional maternal capital, Republic of Mordovia.

Одним из принципов социального государства выступает закрепленный в статье 38 Конституции Российской Федерации принцип защиты государством семьи, материнства и детства. Механизмом реализации данного принципа является предоставление государством различных мер материальной поддержки семьям с детьми, среди которых главное место занимает материнский (семейный) капитал [1].

10 мая 2006 года Президент Российской Федерации В. В. Путин в ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ озвучил идею введения материнского капитала, тем самым обозначив важность оказания государственной помощи женщине, родившей второго ребенка и оставившей свою трудовую деятельность, теряя квалификацию [2, с.150].

С 2006 года по 2024 год законодательство претерпело ряд значительных изменений. Так, Федеральный закон от 01.03.2020 № 35-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала» закрепил право получения материнского капитала и на первого ребенка [3].

В соответствии с Федеральным закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» материнский (семейный) капитал представляет собой средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Социального фонда России на реализацию дополнительных мер государственной поддержки. Иначе говоря, материнский капитал – это один из инструментов поднятия демографии, выражающийся в предоставлении при соблюдении установленных законом условий денежных средств в целях оказания поддержки семьям с детьми [4].

Условием предоставления данного вида поддержки является рождение ребенка с 2007 по 2026 год. С 2024 года ключевым выступает наличие российского гражданства у ребенка с рождения, в свою очередь, у родителей, обращающихся за выплатой, оно должно быть на момент появления ребенка в семье.

Законом также определены категории лиц, имеющих право на получение материнского (семейного) капитала, к ним относятся:

- женщины, которые родили или усыновили второго, или последующего ребенка после 1 января 2007 года;
- мужчины, которые являются единственными усыновителями второго или последующего ребенка, если решение суда вступило в силу после 1 января 2007 года;
- женщины, которые родили или усыновили первого ребенка после 1 января 2020 года;
- мужчины, которые являются единственными усыновителями первого ребенка, если решение суда вступило в силу после 1 января 2020 года.

Независимо от гражданства правом на получение материнского капитала обладают отец или усыновитель ребёнка, если у матери прекратилось право на материнский капитал по следующим обстоятельствам: смерть, лишение родительских прав, отказ от ребенка в медицинской организации, дача письменного согласия на усыновление ребенка, отмена усыновления. В случае лишения обоих родителей прав на ребенка или их смерти, право получения поддержки переходит несовершеннолетнему или учащемуся очной формы обучения до 23 лет [4].

Документальным подтверждением получения материнского (семейного) капитала является сертификат. Процедура получения сертификата на сегодняшний день не

вызывает особых затруднений. По общим правилам, сертификат на материнский капитал оформляется автоматически в течении пяти дней после регистрации ребенка в органах ЗАГС. Информация о получении семьей материнского капитала направляется в личный кабинет владельца сертификата на сайте Социального фонда России (СФР) или на федеральном портале Госуслуг.

Если информации о рождении ребенка нет в Едином реестре записей актов гражданского состояния, или у родителя нет регистрации на портале Госуслуг, остается возможность подать личное заявление. Сделать это можно в электронном виде на портале «Госуслуг» либо лично в офисе МФЦ или органе Социального фонда России. К заявке нужно приложить паспорт родителя и документ, подтверждающий рождение или усыновление ребенка.

Для семей с приемными детьми также сохраняется прежний заявительный порядок оформления сертификата, поскольку сведения об усыновлении могут представить только сами приемные родители.

В 2024 году размер материнского (семейного) капитала составляет: на первого ребенка – 630 тыс. 380 руб. 78 коп.; на второго – 833 тыс. 25 руб. (если капитал не назначался на первого ребенка) и 202 тыс. 644 руб. в случаях уже получения на первого ребенка. Он индексируется каждый год 1 февраля независимо от даты выдачи сертификата. Даже если капитал частично потрачен, на размер фактической инфляции будут проиндексированы оставшиеся средства [5, с.204].

Согласно действующему законодательству, в настоящее время выделяются следующие целевые направления, в рамках которых можно реализовать денежные средства: улучшение жилищных условий семьи (в т.ч. ипотека); обучение и содержание любого ребенка в образовательном или воспитательном учреждении; адаптация и социальная интеграция детей-инвалидов; накопительная пенсия матери и ежемесячное денежное пособие [4].

Кроме федерального материнского капитала, в целях повышения рождаемости многие регионы вводят собственные выплаты и льготы. Стоит отметить, что региональная поддержка не заменяет федеральную, а назначается наряду с ней и, как правило, адаптирована на многодетные семьи. Отталкиваясь от демографической ситуации в субъекте, региональное правительство за счет средств собственного бюджета устанавливает размер «регионального материнского капитала», условия его предоставления и категории получателей [6, с.117].

Например, в Республике Мордовия право на материнский капитал имеют: во-первых, женщины, родившие (усыновившие) третьего, четвертого ребенка или последующих детей после 1 января 2012 года; во-вторых, мужчины, являющиеся единственными усыновителями третьего или каждого последующего ребенка, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу, начиная с 1 января 2012 года.

Размеры материнского капитала следующие: при рождении или усыновлении третьего ребенка – 130 тыс. 156 руб., на четвертого – 156 тыс. 187 руб., на пятого и последующих – 195 тыс. 234 руб.

Средства регионального материнского капитала в РМ можно направить на улучшение жилищных условий, получение образования ребенком, формирование накопительной части трудовой пенсии для женщин и покупку транспортного средства отечественного производства [7].

Несмотря на детальную нормативно-правовую регламентацию данного вида государственной поддержки семей с детьми, на практике нередки случаи незаконного получения и реализации денежной выплаты. В марте 2023 года в Республике Мордовия суд вынес приговор организатору мошеннической схемы по незаконному обналичиванию средств материнского (семейного) капитала. Участники организованной группы в период с февраля 2016 года по август 2017 года нашли 26 владельцев сертификатов и подобрали для них недорогие дома в сельских районах республики, находившиеся в ветхом и

непригодном для проживания состоянии. По договорам купли-продажи дома стоили около 500 тыс. руб., а их реальная цена составляла от 45 до 100 тыс. руб.

Путём предоставления недостоверных сведений в Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Республике Мордовия (с 01.01.23 СФР) и региональное Министерство социальной защиты, труда и занятости населения было совершено хищение денежных средств в размере 10 млн. рублей, выделенных в рамках господдержки [8].

Обобщая все вышесказанное, стоит отметить, что программа «материнский (семейный) капитал» является незаменимой мерой поддержки российских семей с детьми. Однако, необходимо продолжить работу над ее совершенствованием, включая усиление контроля за использованием программы и профилактику случаев мошенничества.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения: 26.10.2024)
2. Велиева Э. Ш. Материнский капитал: современное состояние, отдельные аспекты реализации права на материнский капитал / Э. Ш. Велиева, И. В. Гулевич // *Modern Science*. 2020. № 2-1. С. 150-154.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала : Федеральный закон от 01.03.2020 № 35-ФЗ // СЗ РФ. № 9. Ст. 1127.
4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральным закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ // СЗ РФ. № 1(1). Ст. 19.
5. Трубина А. А. Правовое регулирование дополнительных мер государственной поддержки семей с детьми / А. А. Трубина // Сборник материалов III Международной студенческой научно-практической конференции среди образовательных учреждений СПО. 2019. С. 203-205.
6. Алексеев В. О. Место региональных программ материнского капитала в демографической политике государства / В. О. Алексеев // *Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XXXVI Международной научно-практической конференции*. 2024. С. 116-119.
7. О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Мордовия : Закон Республики Мордовия от 18.10.2011 № 66-З // *Известия Мордовии*. 2011. 20 октября.
8. В Мордовии осуждены участники махинаций с материнским капиталом. URL: <https://13.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/17336188/> (дата обращения: 26.10.2024).

Советкина А.А.

Влияние СМИ на мотивацию преступного поведения

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-396

Научный руководитель: Кислицина И.Н.

Аннотация

Актуальность исследования обосновывается активным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, которое способствует повышению уровня влияния СМИ на мотивацию преступного поведения среди отдельных категорий граждан. В статье проанализированы основные факторы влияния СМИ на формирование преступной мотивации. На основании произведённого анализа делается вывод относительно необходимости совершенствования инструментов государственного регулирования отношений, связанных с деятельностью СМИ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Ключевые слова: криминология, мотивация преступного поведения, средства массовой информации, социальные сети, интернет.

Abstract

The relevance of the study is justified by the active development of information and telecommunication technologies, which contributes to increasing the level of media influence on

the motivation of criminal behavior among certain categories of citizens. The authors analyzed the main factors of media influence on the formation of criminal motivation. Based on the analysis, a conclusion is drawn regarding the need to improve the tools of state regulation of relations related to the activities of the media in the information and telecommunications network «Internet».

Keywords: criminology, motivation of criminal behavior, mass media, social networks, the Internet.

Средства массовой информации на протяжении долгих лет считается, хоть и не формально, но четвёртой ветвью государственной власти. Такой статус придаётся СМИ по причине того, что они обладают широкими возможностями по оказанию влияния на население целых государств. Продолжающиеся процессы развития информационных технологий только усилили роль СМИ в деле формирования общественного мнения и поведения, что вновь актуализировало вопросы, связанные с определением их влияния на уровень преступности.

Проведённые Всероссийским центром изучения общественного мнения в сентябре 2021 года опросы показали существенную разницу между источниками, к которым граждане различных возрастных категорий обращаются за получением актуальной новостной и иной информации. Так, среди молодого поколения преобладают социальные сети (35-45%), а также иные ресурсы Информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», тогда как более старшее поколение (42%) предпочитает доверять телевидению.

Приведённые выше сведения демонстрируют специфику медиапотребления в условиях развития информационных технологий. Преобладание социальных сетей в качестве источников информации среди представителей молодого поколения, влечёт за собой определённые риски. Если информация, публикуемая официальными государственными, региональными или местными СМИ проходит через определённые фильтры, то социальные сети по-прежнему характеризуются наличием большого объёма запрещённых к публикации и распространению на территории России материалов, ввиду своего вредоносного содержания. Само собой, информационные сведения подобного характера, публикуемые СМИ, находясь в открытом доступе для граждан, способны оказывать влияние на мотивацию преступного поведения.

По мнению Е.В. Стерлиговой, специфика воздействия СМИ на психику людей заключается в том, что оно не является однородным. Как и в случае с источниками, восприятие информации может находиться в прямой зависимости от категории лиц, которые её потребляют. Так, как утверждает автор, кадры насилия, опубликованные СМИ, могут вызвать у одних людей сочувствие, у других агрессию, а у третьих одобрение. Последнее особенно актуально для несовершеннолетних, которые, ввиду несформировавшейся психики, не всегда обладают достаточными возможностями по рациональному восприятию информации.

С.А. Шотников также в качестве примера приводит видеоролики, содержащие кадры насилия. Автор выделяет следующую классификацию поведенческих эффектов, которые могут проявляться при просмотре подобных кадров:

- катарсис, проявляющийся в том, что человек выпускает агрессивные импульсы посредством потребления подобной информации, не влекущие за собой угрозу ему самому и окружающим;
- потеря чувствительности к насилию, происходящему в просматриваемом видеоролике, а также повышение готовности к столкновению с насилием в реальной жизни;
- растормаживание, которое находит своё проявление в постепенном повышении уровня привыкания к насилию, в последствие приводящему

к ослаблению сдерживающего действия, которым обладают социальные санкции;

- имитация, проявляющаяся в воспроизведении увиденного на экране.

С.В. Вавилин выделяет следующие факторы, наличие которых в информационных материалах способствует искажённому восприятию насилия и влечёт за собой возникновение преступной мотивации:

- освещение событий преступления таким образом, чтобы преступник мог показаться привлекательной ролевой моделью;
- отсутствие указания на последствия, которые наступили в результате применения насилия;
- оправдания насильственных действий различными мотивами;
- отсутствие существенного вреда здоровью, нанесённого жертве насилия;
- публикация реалистичных или близких к реалистичным материалов, демонстрирующих насилие.

Д.Е. Почупайло высказал мнение о том, что освещение преступности также может оказывать влияние на мотивацию преступного поведения. Так, к примеру, не редко в СМИ освещаются какие-либо события, связанные с жизнью членов организованных преступных группировок, демонстрирующие их «высокий» уровень жизни, состоятельность и т.п. Подобный образ, создаваемый в СМИ, может повлиять на отдельных лиц, сформировать у них искажённое представление о том, что совершение преступления является достижением, а не противоправным деянием, влекущим за собой наступление общественно опасных последствий.

Следует отметить, что выделенные Д.Е. Почупайло последствия деятельности СМИ обладают высокой актуальностью для нашего государства. На протяжении многих лет в СМИ, в том числе на государственных телеканалах, активно освещалась жизнь криминальных элементов, их преступная деятельность. От части, подобные действия привели к тому, что в России начали формироваться целые движения, романтизирующие криминальный образ жизни, отрицающие необходимость ведения законного образа жизни.

Н.О. Кондратенко придерживается мнения о том, что распространение недостоверной или чрезмерно субъективной информации в СМИ может привести к формированию мотивации на совершение преступления. Автор указывает, что публикация сведений, которые противоречат представлениям субъекта восприятия информации, в совокупности с различными жизненными обстоятельствами, также влекущими за собой аналогичные последствия (конфликты в семье, потеря работы, вхождение в неформальную группу), может привести к деформации сознания, выражающегося в возникновении желания совершить преступное деяние, или же допустить возможность его совершения.

Подводя итог вышесказанной информации, можно сделать вывод, что средства массовой информации по-прежнему обладают широкими возможностями по оказанию влияния на мотивацию преступного поведения. Несмотря на то, что к возникновению такой мотивации не всегда приводят умышленные действия со стороны представителей СМИ, следует констатировать, что их деятельность должна надлежащим образом регламентироваться со стороны государства для того, чтобы повысить эффективность фильтрации информации. Развитие информационно-телекоммуникационных технологий, позволяющих публиковать в открытый доступ большое количество информации с минимальными финансовыми и временными затратами, существенным образом

затрудняет данную задачу. На мой взгляд, сегодня наибольший приоритет в борьбе с влиянием СМИ на рост уровня преступности, должен проводиться именно по направлению создания инструментов, позволяющих не столько ограничить доступ к информации с определённым содержанием, сколько предупредить её появление в информационном пространстве.

1. Вавилин С.В. Влияние СМИ на мотивацию преступного поведения / С.В. Вавилин // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 967-969.
2. Кондратенко Н.О. Влияние сми на мотивацию преступного поведения / Н.О. Кондратенко // Студенческий вестник. 2023. № 44-4. С. 53-55.
3. Почупайло Д.Е. Влияние СМИ на мотивацию преступного поведения / Д.Е. Почупайло // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. 2024. № 1. С. 302-304.
4. Стерлигова Е.В. Влияние СМИ на мотивацию преступного поведения / Е.В. Стерлигова // Школа молодых новаторов. 2023. № 1. С. 378-382.
5. Шоткинов С.А. К вопросу о криминогенном воздействии масс-медиа на преступность / С.А. Шоткинова // Диалог. 2016. № 2. С. 41-46.
6. Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 21.10.2024).

Советкина А.А.

Уголовная ответственность за незаконную охоту

*НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-397

Научный руководитель: Митякина Н.М.

Аннотация

Актуальность исследования обосновывается наличием споров по вопросам, связанным с необходимостью ужесточения уголовной ответственности за незаконную охоту в Российской Федерации. В статье проводится детальный анализ состава преступления, предусмотренного статьёй 258 УК РФ, рассматривается каждый элемент его содержания. Исследуются мнения российских учёных и исследователей по вопросам, связанным с целесообразностью изменения подхода к привлечению виновных в незаконной охоте лиц к уголовной ответственности.

Ключевые слова: экологическое право, уголовное право, уголовная ответственность, незаконная охота, экологический баланс.

Abstract

The relevance of the study is justified by the presence of disputes on issues related to the need to tighten criminal liability for illegal hunting in the Russian Federation. The authors conduct a detailed analysis of the corpus delicti provided for in Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation, and consider each element of its content. The opinions of Russian scientists and researchers on issues related to the expediency of changing the approach to bringing those responsible for illegal hunting to criminal responsibility are being investigated.

Keywords: environmental law, criminal law, criminal liability, illegal hunting, ecological balance.

Охота, как вид деятельности человека, обусловлена историческими причинами. На территории России охота на протяжении долгого времени выступала в качестве одного из основных способов удовлетворения населением своих потребностей в пище. В современности данный вид деятельности постепенно утрачивает свою актуальность и

выступает в качестве предмета нормативно-правового регулирования. Контроль и надзор за охотничьей деятельностью, как самостоятельный институт, возник вследствие возникновения потребности в повышении эффективности охраны окружающей среды и сохранения природно-экологического баланса на территории Российской Федерации.

Непосредственным элементом контроля и надзора за охотой выступает уголовно-правовое регулирование. Уголовное право России выделяет составы преступных деяний, которые предусматривают возможность привлечения виновных лиц к юридической ответственности за совершение противоправных действий (преступлений), влекущих за собой наступление общественно опасных последствий. Так, статья 258 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет состав преступления «незаконная охота», который характеризуется следующим содержанием:

- объект – экологическая безопасность общества, которая достигается посредством надлежащей охраны животного мира, обеспечивающей рациональное его использование человеком, а равно создающей условия для воспроизводства животного потомства, сохранения его достаточной численности и экологического равновесия в целом;
- предмет – дикие животные, которые находятся в состоянии естественной свободы;
- объективная сторона преступления всегда предполагает совершение субъектом активных действий, которые могут быть выражены в: а) получении продукции от охоты способами, которые запрещены актами действующего законодательства; б) занятии охотничьей деятельностью в условиях отсутствия необходимого разрешения, в недопустимых местах и в неразрешённое время, вопреки специальному запрету либо по разрешению, но с отстрелом, выловом, добычей зверей и птиц сверх количества, указанного в лицензии, а равно посредством использования запрещённых для охоты орудий; в) занятии охотничьей деятельности субъектом, который не наделён на то соответствующим правом, а также субъектом, который незаконным образом получил лицензию на охоту;
- субъективная сторона выражается в наличии вины в форме прямого умысла;
- субъект – достигшее возраста 16-ти лет лицо, признанное вменяемым.

Ряд вопросов, связанных с уголовной ответственностью за незаконную охоту, обладает дискуссионным характером. В частности, отечественными авторами высказываются мнения о том, что предусмотренные действующим законодательством меры уголовной ответственности, за совершение рассматриваемого преступного деяния, являются недостаточно строгими. Так, К.В. Зайцев указывает, что ущерб, который наносится незаконной охотой на особо охраняемых природных территориях, не может исчисляться только стоимостью добытых животных. По мнению автора, подобные деяния наносят вред всей флоре и фауне, нарушают экологический баланс и вредят экосистеме в целом. Именно по этой причине, установленный законом штраф в пятьсот тысяч рублей является незначительным, в сравнении с вредными последствиями преступного деяния.

Повышение уровня строгости юридической ответственности в действительности может поспособствовать увеличению эффективности применения уголовных наказаний. Анализ материалов судебной статистики демонстрирует, что из 124 осуждённых по ч. 1 ст. 258 УК РФ, 66 человек были привлечены к наказанию в виде штрафа. Такое наказание, как лишение свободы, в свою очередь, не было применено ни к одному из лиц, обвинённых в незаконной охоте. В случае с ч. 2 ст. 258 УК РФ, можно наблюдать несколько иную ситуацию. Так, преобладает наказание в виде условного лишения свободы (65,53% от общего количества), тогда как штраф применялся только в 30,1% случаев. К лишению свободы, в свою очередь, был привлечён 0,49% осуждённых.

Приведённая выше статистика наглядным образом демонстрирует, что суды склоняются к назначению наказаний в виде штрафа или условного лишения свободы, тогда как более строгое наказание, представленное лишением свободы, практически не находит своего практического применения. В подобных условиях в действительности актуализируется вопрос о необходимости повышения верхнего предела штрафа, который, с учётом вредных последствий незаконной охоты, представляется слишком незначительным.

Абсолютно обратной позиции придерживается Д.И. Пайо. По мнению автора, незаконная охота, как разновидность преступного поведения, обуславливается целым рядом субъективных и объективных факторов, среди которых своё место находит такое явление, как коррупция. Коррупционные преступления, как правило, используются с целью получения лицензий на охоту в условиях отсутствия на то предусмотренных действующим законодательством оснований. Таким образом, складывается ситуация, способствующая повышению уровня латентности незаконной охоты, в условиях которой повышение строгости наказания не может в действительности оказаться эффективной.

А.Н. Горбачёв также высказывается о том, что меры по повышению строгости уголовной ответственности за незаконную охоту являются преждевременными. По мнению автора, в России существует большое количество иных проблем, которые способствуют незаконной охоте, требующих своего разрешения. В качестве примера такой проблемы приводится низкий уровень экологического и правового воспитания населения.

Соглашусь с Д.И. Пайо. Действительно, специфика рассматриваемого состава преступления предопределяет риск повышения латентности незаконной охоты. Использование коррупции для получения незаконных разрешений на охоту безусловно способствует данной тенденции. В случае, если текущий подход к уголовной ответственности за незаконную охоту будет пересмотрен в сторону повышения строгости наказаний, существенным образом повысится риск ещё большего увеличения латентности данного преступления, что, в свою очередь, влечёт за собой снижение уровня эффективности уголовно-правовых средств воздействия на преступников.

Таким образом, в заключении можно сделать вывод, что уголовная ответственность за незаконную охоту в России характеризуется наличием большого круга проблем, напрямую сказывающихся на эффективности данного института в деле предупреждения соответствующего вида преступлений. По моему мнению, повышение уровня строгости уголовной ответственности за незаконную охоту является целесообразной мерой. В то же время, применение такой меры может в действительности показать положительный результат только в том случае, если будут разрешены иные проблемы, напрямую связанные с коррупционными преступлениями, способствующими получению гражданами незаконных лицензий на охоту и, как следствие, повышению латентности незаконной охоты, а также низким уровнем правосознания граждан и экологического воспитания.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Горбачев А.Н. К вопросу о привлечении к уголовной ответственности за незаконную охоту / А.Н. Горбачев // Актуальные проблемы права. 2020. № 7. С. 50-56.
3. Зайцев К.В. Проблемы уголовной ответственности за незаконную охоту на особо охраняемой природной территории / К.В. Зайцев // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 15. С. 126-128.
4. Пайо Д.И. Ужесточение уголовной ответственности за незаконную охоту через призму принципа целесообразности юридической ответственности / Д.И. Пайо // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. № 2. С. 80-86.
5. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ // Судебная статистика РФ: сайт. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 24.10.2024).

Советкина А.А.

Акции как ценные бумаги: понятие, виды, роль, значение

НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-398

Научный руководитель: Федорященко А.С.

Аннотация

Представленная статья преследует своей целью рассмотрение вопросов, связанных с акциями как ценными бумагами по законодательству Российской Федерации. Авторами исследования производится анализ действующего в России гражданского законодательства, направленный на установление несоответствий и проблем в нормах права, регулирующих базовые понятия института акций как ценных бумаг. Выделяются виды акций, даётся характеристика каждому из них в отдельности. Определяется роль и значение акций как ценных бумаг для отечественной экономики.

Ключевые слова: акционерное общество, юридическое лицо, акция, акционер, держатель акций.

Abstract

The presented article aims to consider issues related to shares as securities under the legislation of the Russian Federation. The authors of the study analyze the civil legislation in force in Russia, aimed at establishing inconsistencies and problems in the legal norms regulating the basic concepts of the institute of shares as securities. Types of shares are distinguished, and each of them is characterized separately. The role and significance of shares as securities for the domestic economy are determined.

Keywords: joint-stock company, legal entity, share, shareholder, holder of shares.

Институт акций для отечественной цивилистики является относительно новым явлением. Именно в силу данной причины некоторые вопросы, связанные с указанным институтом, характеризуются проблемным характером. Значительная часть проблем является следствием законодательных коллизий и иных недостатков, которые можно обнаружить в процессе анализа действующих нормативно-правовых актов Российской Федерации, регулирующих вопросы, связанные с акциями, иными ценными бумагами, деньгами и т.д.

Итак, на уровне законодательства понятие термина «акция» определено в норме ч. 1 п. 10 ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1997 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее по тексту – ФЗ «О рынке ценных бумаг»): «эмиссионная ценная бумага, закрепляющая права ее владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации».

К.О. Хрони ещё в 2013 году справедливым образом отметил, что законодательное определение не лишено существенных недостатков. В частности, автор указывает, что в норме ФЗ «О рынке ценных бумаг» осуществляется попытка трактовки акций через определённый набор прав, которыми наделяется их владелец. Такие права, с одной стороны, не могут быть исчерпаны. С другой стороны, некоторые из прав, приобретение и распоряжение которыми связано с владением акциями, могут частично или полностью отсутствовать.

Согласимся с К.О. Хрони. Действительно, сформулированное в ФЗ «О рынке ценных бумаг» определение не позволяет надлежащим образом определить существенные характеристики исследуемой правовой категории. В тоже время, в иных нормативно-

правовых актах Российской Федерации можно обнаружить положения, которые формируют более объёмное представление о содержании термина «акция».

На мой взгляд, при рассмотрении исследуемого понятия следует обращаться к нормам Гражданского кодекса Российской Федерации, которые регулируют общественные отношения, связанные с деятельностью акционерных обществ. Так, из положений статьи 96 ГК РФ следует, что уставной капитал акционерных обществ включает в себя определённое количество ценных бумаг, которые и именуется акциями. Помимо этого, статья 99 ГК РФ содержит чёткое указание, что сумма уставного капитала равняется номинальной стоимости акций конкретного акционерного общества.

Анализ положений Гражданского кодекса Российской Федерации позволяет установить два ключевых признака акций, которые указывают на то, что они: 1) являются ценными бумагами и напрямую связаны с созданием и деятельностью акционерных обществ (вид организационно-правовой формы юридического лица); 2) составляют уставной капитал акционерного общества.

Таким образом, акции, в соответствии с нормами отечественного законодательства, можно определить как – разновидность ценных бумаг, представляющая собой определённую (единичную) часть уставного капитала юридического лица (хозяйствующего субъекта). Важно отметить, что единичной частью уставного капитала акция является не только по своему количеству, но и по стоимости.

С правовой точки зрения, значение акций не ограничивается только лишь тем фактом, что они рассматриваются в качестве отдельной части уставного капитала. Помимо этого, акции также могут выступать на рынке ценных бумаг в качестве самостоятельного товара, продажа и покупка которого приносит физическим и юридическим лицам прибыль, способствующую повышению личного благосостояния или оптимизации, развития предпринимательской деятельности, обеспечению устойчивости предприятия и т.п.

Следует также оговориться, что в России могут поступать в обращение акции двух видов:

1. Обыкновенные акции, позволяющие держателю выступать в качестве непосредственного участника процесса управления акционерным обществом. Особенностью данной разновидности акций выступает тот факт, что они предоставляют каждому из держателей равные по объёму права, в том числе, реализуемые в рамках голосования, организованного в пределах управленческой деятельности юридического лица, например, по вопросу выбора членов совета директоров.
2. Привилегированные акции, позволяющие держателю получать определённую долю от прибыли хозяйствующего субъекта. Как правило, доля прибыли от привилегированных акций значительно больше, чем доля прибыли от обыкновенных акций. В тоже время, несмотря на повышенный характер прибыли, держатель лишается права голоса, т.е. совокупность его прав по управлению юридическим лицом существенным образом ограничена, нежели чем у держателей обыкновенных акций.

Важно сказать, что в ряде определённых ситуаций держатели привилегированных акций могут обладать равными на голосовании правами с держателями обыкновенных акций. Подобное возможно в двух случаях:

- 1) акционерное общество проходит через процесс реорганизации;
- 2) акционерное общество не выполняет своих обязательств по выплате дивидендов на протяжении определённого промежутка времени, определённого законодательством или иными документами.

Д.А. Долгих в своей работе приходит к выводу, что в Российской Федерации, в отличие от иных государств, в которых существует рынок акций, значительное

распространение получили привилегированные акции. Автор связывает подобную тенденцию с приватизационными процессами, начавшимися в конце прошлого столетия, по результатам которых отдельные трудовые коллективы получили пакет привилегированных акций. Такие процессы для большинства стран не свойственны, именно по этой причине, в них привилегированные акции практически не используются.

Разрешение конфликтных вопросов, связанных с определением отдельных дефиниций, используемых в нормах, регулирующих общественные отношения с участием акций, следует рассматривать в качестве приоритетной задачи российского законодательства. Ценные бумаги, несмотря на свою относительную новизну, уже доказали свою высокую роль для экономики государства.

Как верно замечает Д.В. Панков, акции сегодня используются в качестве инструмента, позволяющего привлекать новые инвестиции в отечественные компании. Стабильность рынка ценных бумаг позволяет обеспечить приток инвестиций, что, в свою очередь, способствует не только развитию уже существующих предприятий, но и образованию новых, т.е. происходит процесс увеличения уровня конкурентной борьбы среди субъектов, осуществляющих на территории государства и за её пределами предпринимательскую деятельность.

Обобщив всю вышесказанную информацию, можно сделать вывод и сказать о том, что высокая роль и значение акций в Российской Федерации обуславливает необходимость совершенствования нормативно-правовых актов, действие которых направлено на регулирование отношений, связанных с ценными бумагами. В качестве наиболее актуального направления такого совершенствования следует рассматривать уточнение базовых понятий института акций как ценных бумаг, с целью обеспечения единства нормативно-правовых положений и правоприменительной практики.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. № 17. 1996. Ст. 1918.
3. Долгих, Д. А. Акция как вид первичной эмиссионной ценной бумаги / Д. А. Долгих // Студенческий. 2023. № 12-4. С. 21-22.
4. Панков, Д. В. Особенности правового положения акции как корпоративной ценной бумаги / Д. В. Панков // Инновационные научные исследования. 2021. № 4-2. С. 87-94.
5. Хрони, К. О. Понятие акции как ценной бумаги в законодательстве различных государств / К. О. Хрони // Право и современные государства. 2013. № 1. С. 61-69.

Сосник Н.П.

**Особенности рассмотрения дел об оспаривании завещаний
в контексте реформирования процессуального законодательства**

*Кубанский государственный аграрный университет
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-399

Аннотация

Статья посвящена анализу процессуальных особенностей рассмотрения судами дел об оспаривании завещаний в свете реформирования гражданского процессуального законодательства. Автор исследует влияние новелл Гражданского процессуального кодекса РФ на порядок оспаривания завещаний, выявляет проблемные аспекты доказывания, подсудности и применения обеспечительных мер по данной категории дел. Особое внимание уделяется значению принципа объективной истины и необходимости обеспечения баланса интересов сторон наследственного спора. Анализируются перспективы внедрения примирительных процедур и использования информационных

технологий при рассмотрении дел о недействительности завещаний. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования процессуальной формы разрешения наследственных споров на основе сочетания частных и публичных интересов.

Ключевые слова: завещание, недействительность, оспаривание, наследственный спор, процессуальные особенности, подсудность, обеспечительные меры, реформа законодательства, объективная истина, примирительные процедуры.

Abstract

The article is devoted to the analysis of procedural features of consideration by courts of cases on contesting wills in the light of reforming civil procedural legislation. The author examines the impact of novelties of the Civil Procedural Code of the Russian Federation on the procedure for contesting wills, identifies problematic aspects of proving, jurisdiction and application of interim measures in this category of cases. Special attention is paid to the importance of the principle of objective truth and the need to ensure a balance of interests of the parties to an inheritance dispute. The prospects for the introduction of conciliation procedures and the use of information technologies in dealing with cases of invalidity of wills are analyzed. The author comes to the conclusion that it is necessary to further improve the procedural form of resolving inheritance disputes based on a combination of private and public interests.

Keywords: will, invalidity, contestation, inheritance dispute, procedural features, jurisdiction, interim measures, legislative reform, objective truth, conciliation procedures.

Оспаривание завещаний в судебном порядке - острая и актуальная проблема наследственного права, приобретающая особое звучание в свете масштабного реформирования процессуального законодательства. В последние годы в Гражданский процессуальный кодекс РФ были внесены существенные изменения, направленные на модернизацию и оптимизацию гражданского судопроизводства [1]. Безусловно, эти новеллы не могли не затронуть и специфическую категорию дел об оспаривании завещаний, рассмотрение которых имеет ряд процессуальных особенностей.

Следует отметить, что завещание как односторонняя сделка, совершаемая гражданином при жизни в отношении своего имущества, традиционно воспринимается как акт реализации принципа свободы завещания. Данный принцип, закрепленный в ст. 1119 ГК РФ, означает право завещателя по своему усмотрению распорядиться принадлежащим ему имуществом, определить круг наследников, лишить наследства одного или всех наследников по закону, включить в завещание иные распоряжения, предусмотренные правилами ГК о наследовании [2]. Казалось бы, столь широкая свобода волеизъявления не оставляет места для его оспаривания, но это не так.

Волеизъявление завещателя, облеченное в форму завещания, может быть опорощено по различным основаниям, как общим для всех сделок (ст. 168-179 ГК РФ), так и специальным, предусмотренным гл. 62 ГК РФ. Недействительным может быть признано завещание, составленное в момент, когда завещатель не способен был понимать значение своих действий или руководить ими, совершенное под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, не соответствующее требованиям к форме завещания и т.д. Как показывает практика, наиболее распространенным основанием оспаривания является нарушение тайны завещания (ст. 1123 ГК РФ), когда информация о его содержании до открытия наследства становится известной заинтересованным лицам, в первую очередь, потенциальным наследникам [3]. Несмотря на то, что по буквальному смыслу закона нарушение тайны завещания не влечет его недействительности, в судебной практике выработан подход, согласно которому разглашение сведений может служить косвенным доказательством порока воли завещателя при составлении завещания.

Процессуальные особенности рассмотрения дел данной категории предопределены как специфическим характером материальных правоотношений, так и ограниченным

сроком для обращения в суд. Так, в силу ст. 1131 ГК РФ оспорить завещание можно только после открытия наследства в течение общего срока принятия наследства, т.е. шести месяцев со дня смерти наследодателя (п. 1 ст. 1154 ГК РФ). Пропуск данного срока по уважительной причине может послужить основанием для его восстановления судом, но сам факт истечения шестимесячного периода служит самостоятельным основанием для отказа в принятии искового заявления (п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ).

При подготовке дела об оспаривании завещания к судебному разбирательству основное внимание судьи должно быть уделено определению обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения спора (состав наследственного имущества, круг наследников по закону и по завещанию, основания недействительности и доказательства, на которые ссылается истец и возможные возражения ответчика). Немалое значение имеет и предмет доказывания по делу, который, по справедливому замечанию Э.В. Градинар и Е.А. Гринь, в гражданском процессе должен быть нацелен на установление объективной истины, а не просто формальной [4]. Действительно, концепция объективной истины как цели доказывания предполагает всестороннее и полное исследование судом всех обстоятельств, что крайне важно при оценке действительности завещания как сделки, требующей высокой степени достоверности фактов.

В этом контексте нельзя не упомянуть и о проблемных аспектах распределения обязанностей по доказыванию. Несмотря на то, что в исковом производстве действует общее правило о возложении бремени доказывания на стороны (ст. 56 ГПК РФ), в делах об оспаривании завещаний оно приобретает определенную специфику. С одной стороны, лицо, ссылающееся на недействительность завещания, должно доказать факты, свидетельствующие о пороках субъектного состава, воли, формы и содержания. С другой стороны, ответчик (наследники по завещанию) объективно ограничен в возможности подтвердить обстоятельства совершения завещания в силу конфиденциальности нотариального действия и смерти завещателя. Как следствие, презумция добросовестности и разумности действий, фактически действующая в гражданском обороте, может привести к необоснованным решениям.

В качестве процессуальной гарантии объективного и беспристрастного рассмотрения данной категории дел можно рассматривать законодательное закрепление альтернативной подсудности. В соответствии со ст. 30 ГПК РФ иски о правах на наследственное имущество (в том числе об оспаривании завещания) могут быть предъявлены в суд по месту нахождения этого имущества или по месту жительства ответчика. Безусловно, возможность альтернативного выбора места рассмотрения спора служит процессуальной гарантией, обеспечивая более полный доступ к правосудию. Однако, как показывает практика, в случае разброса наследственной массы по территории нескольких субъектов РФ возникает коллизия подсудности, грозящая вынесением противоречивых судебных актов. Кроме того, в эпоху глобализации все чаще встает вопрос об определении международной подсудности наследственных споров. Здесь стоит согласиться с Е.А. Гринь в том, что установление места рассмотрения спора, осложненного иностранным элементом, представляет собой одну из ключевых проблем международного гражданского процесса [5].

Еще одним актуальным вопросом процессуального характера применительно к делам об оспаривании завещаний является допустимость обеспечительных мер. Несмотря на то, что в рамках искового производства суд, как правило, может принять обеспечительные меры, направленные на защиту интересов истца (ст. 139 ГПК РФ), их применение по делам о недействительности завещаний ставится под сомнение. Представляется, что наложение ареста на наследственное имущество или запрет совершения определенных действий в отношении него до разрешения спора по существу может ущемить права добросовестных наследников, введенных в заблуждение относительно действительности завещания.

Не менее спорным является и вопрос о значении нотариально удостоверенного медиативного соглашения в делах об оспаривании завещаний. С учетом конфиденциального характера процедуры медиации соглашение, достигнутое сторонами при содействии медиатора, не может быть положено в основу судебного решения. Более того, сама возможность применения медиации по данной категории дел вызывает обоснованные сомнения, поскольку предполагает наличие взаимных уступок сторон

относительно юридической силы завещания, что входит в противоречие с императивными нормами наследственного права.

Таким образом, процессуальные особенности рассмотрения дел об оспаривании завещаний, с одной стороны, обусловлены спецификой регулируемых материально-правовых отношений, а с другой, выступают гарантией обеспечения конституционного права на судебную защиту в сфере наследования. Реформирование процессуального законодательства открывает новые перспективы для совершенствования процессуальной формы разрешения наследственных споров, повышения эффективности и оперативности гражданского судопроизводства. Вместе с тем, практика применения процессуальных новелл свидетельствует о наличии ряда проблемных вопросов, требующих доктринального осмысления и выработки единообразных подходов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что совершенствование процессуального регулирования споров о недействительности завещаний должно осуществляться на основе баланса частных и публичных интересов, материального и процессуального права. Думается, что магистральным направлением оптимизации процессуальной формы должно стать обеспечение состязательности и равноправия сторон, активная роль суда в определении юридически значимых обстоятельств, подлежащих доказыванию, внедрение примирительных процедур и широкое использование информационных технологий. Только таким образом можно рассчитывать на формирование эффективного и справедливого механизма рассмотрения и разрешения споров, связанных с оспариванием завещаний.

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 "О судебной практике по делам о наследовании" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.
4. Градинар Э.В., Гринь Е.А. Принцип объективной истины в гражданском судопроизводстве // Эпомен. 2019. № 27. С. 109-114.
5. Гринь Е.А. К вопросу об определении международной подсудности // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции. Краснодар: КубГАУ, 2019. С. 351-352.

Тарасова В.А.

**Формы взаимодействия органов внутренних дел
с институтами гражданского общества современной России**

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Россия, Абакан)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-400

Научный руководитель: Помогалов А.В.

Аннотация

В статье рассматриваются формы взаимодействия органов внутренних дел в институтах гражданского общества. Автор указывает, что данное взаимодействие носит многоаспектный характер и должно основываться на партнерской модели.

Ключевые слова: органы внутренних дел, гражданское общество, гражданское участие, полиция, формы взаимодействия.

Abstract

The article examines the forms of interaction of internal affairs bodies in civil society institutions. The author points out that this interaction is multidimensional and should be based on a partnership model.

Keywords: internal affairs bodies, civil society, civic participation, police, forms of interaction.

Вопросы деятельного взаимодействия органов внутренних дел с разнообразными институтами гражданского общества затрагиваются также в 10 ст. ФЗ «О полиции» [4], которая обладает правом использовать в законодательно установленном порядке некоторые возможности функционирующих институтов гражданского общества. Полиция должна в императивном порядке оказывать оптимальное содействие данным институтам гражданского общества по всевозможным вопросам, относящимся к ее компетенции, а помимо того устанавливается обязанность действующих институтов гражданского общества активно содействовать полиции в ходе выполнения ею собственных обязанностей.

Взаимодействие различных общественных объединений с работающими правоохранительными органами осуществляться может непосредственно (оба субъекта решают совместными усилиями общие задачи) либо опосредовано (правоохранительным органом учреждается структура, куда входят официальные представители от разных общественных объединений). Ключевыми формами взаимодействия правоохранительных органов с общественными объединениями, по мнению исследователя, является: обмен сведениями; участие общественных объединений в процессе принятия решений посредством совместного обсуждения, выработки определенных решений; правовое совместное просвещение граждан; добровольной общественной экспертизы разработанных проектов актов [1, с. 41]. Автор, очевидно, выявил не все реально используемые, возможные формы взаимодействия, ограничившись лишь «кабинетными» формами, хотя общественные объединения указанной деятельностью не ограничиваются. Они активно включаются в процесс практической деятельности: ищут потерявшихся, пропавших граждан, детей, патрулируют территории, где проживают, борются с распространением наркотических средств и прочее. Соответственно, согласиться с предложением Ф.П. Васильевым о закреплении в ст. 10 ФЗ «О полиции» лишь трех форм взаимодействия общественных объединений с полицией (правовое совместное просвещение граждан, обмен информацией, участие в принятии различных решений) нельзя [1, с. 42].

Под взаимодействием между органами власти необходимо понимать согласованные действия органов власти, направленные на совместное решение как общегосударственных, так и местных вопросов, а сотрудничество – деятельность по объединению усилий по достижению поставленных целей, на более глубокое понимание существующих проблем и установление необходимого уровня доверия между участниками взаимодействия. Отличие также заключается и в том, что сотрудничество предполагает, как правило, достижение результатов в позитивном русле (т.е. результат – положительный), в то время как результат взаимодействия может быть как положительный, так и отрицательный. В частности, необходимо отметить, что любое взаимодействие либо сотрудничество подразумевают некий обмен, характер которого полностью зависит от субъектов взаимоотношений, выражающийся во взаимном воздействии друг на друга, взаимной зависимости.

Сказанное позволяет охарактеризовать взаимодействие как более общее понятие по сравнению с сотрудничеством. По нашему мнению, перечисленные формы гражданского участия рассматривать в качестве форм взаимодействия нельзя, хотя они способны создавать предпосылки для взаимодействия. Например, полезную информацию могут содержать гражданские обращения к собственному депутату, которая будет депутатом воспринята, реализована, например, а разработанном законопроекте, а потом федеральном законе. Однако, вполне вероятно, никаких последствий данное обращение не повлечет.

Соответственно, взаимодействия не возникнет. Одновременно, такие формы как рабочие группы, совместные комиссии, группы разрешения конфликтов, куда входят официальные представители функционирующих общественных организаций, являются, безусловно, формами взаимодействия.

Стоит ли считать методом деятельного взаимодействия инициирование создания различных институтов гражданского общества? По мнению Н.В. Воронковой, инициативы от органов внутренних дел касательно установления максимально тесных контактов с населением, привлечения к процессу общественного порядка граждан при помощи вовлечения в общественные добровольные формирования правоохранительной направленности рассматривать можно как пример государственного участия в процессе становления такого общества [2, с. 50].

Н.В. Воронковой отмечается, что оригинальной особенностью гражданского общества в РФ считается то, что государство практически за всю отечественную историю играло роль непосредственного инициатора реформ в общественной жизни. По мнению исследователя, это является свидетельством стремления государства придать процессу деятельного развития общества новый толчок, чтобы его развитые институты способствовали укреплению самого государства [2, с. 51].

В различных теоретических исследованиях называются разнообразные формы: сотрудничество; совместные мероприятия, включая проверки; экспертные, общественные рабочие группы; обмен сведениями; общественные экспертизы разработанных правовых актов, решений; опросы граждан; совместная подготовка проектов правовых актов; публичные слушания, консультации, обсуждения; информационная, финансовая, организационная, иная поддержка общественных организаций; рекомендательные акты (заявления, хартии, декларации) [3, с. 12].

Однако несмотря на положительную динамику в сфере взаимодействия гражданского общества и полиции, существует ряд проблем, среди них – данная область является малоизученной и новой в юриспруденции; подрыв доверия к различным формам организации, этатизм общественного сознания негативно влияют на поиск форм и целей в отношениях полиции и гражданского общества; догматика права и правовой культуры объективно препятствуют самоорганизации гражданского общества; бюрократизация крупных структур гражданского общества; проблемы внутри полиции и др.

В целом надо отметить, что рассматриваемое нами взаимодействие получает многоаспектный характер, который обуславливается социальным неравенством граждан [5, 22]. На сегодняшний день полиция стремится укрепить в своей деятельности партнерскую модель отношений, в которой мнение населения, по сути, один из ключевых критериев в работе органов внутренних дел. Здесь имеется в виду гражданский контроль за деятельностью полиции, основывающийся на фундаментальных конституционных принципах, имеющих ярко выраженное значение. Данное значение непосредственное участие народа в управлении государством, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, поэтому ФЗ «О полиции» предусматривает проведение органами внутренних дел мониторинга общественного мнения о деятельности полиции и ее взаимодействии с институтами гражданского общества.

1. Васильев, Ф.П. Какая полиция нам нужна? // Российская Юстиция. – 2014. – № 6. – С. 41-42.
2. Воронкова, Н.В. Социально-политические аспекты взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества и населением в охране общественного порядка в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 12.00.14. – Уфа, 2017. – 180 с.
3. Новгородский, В. С. Криминалистика: учебно-методический комплекс по дисциплине: учебное пособие / В. С. Новгородский, О. Е. Тарасова. – Абакан, 2020. – 124 с.
4. О полиции: Федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. – 2011. – 08 февр.
5. Тарасова, О. Е. Гражданское общество: теория и практика: Учебно-методический комплекс по дисциплине / О. Е. Тарасова. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2012. – 72 с.

Токарев Р.Ю., Рябченко А.Г.

**К вопросу об организационно-правовых основах
деятельности российской полиции (1762-1782 гг.)**

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-401

Аннотация

В статье рассматриваются организационно-правовые основы деятельности российской полиции в период правления Екатерины II (1762–1782 гг.). Особое внимание уделено процессу формирования полицейских структур и их взаимодействию с государственными органами. Анализируются ключевые законодательные акты, например, «Учреждения для управления губерний» (1775) и «Устав благочиния» (1782), их влияние на развитие системы охраны общественного порядка и борьбу с преступностью. В ходе исследования выявлены проблемы неэффективности полицейской системы того времени, которые стали очевидными в условиях массовых беспорядков. Делается вывод о том, что реформы Екатерины II заложили правовые основы для дальнейших преобразований в полицейской сфере в XIX веке.

Ключевые слова: российская полиция, просвещённый абсолютизм, реформы, правоохранительные органы, правовая система.

Abstract

The article examines the organizational and legal foundations of the Russian police during the reign of Catherine II (1762-1782). Particular attention is paid to the process of forming police structures and their interaction with government agencies. Key legislative acts are analyzed, such as the "Institutions for Governance of the Provinces" (1775) and the "Charter of Decency" (1782), their impact on the development of the public order protection system and the fight against crime. The study revealed problems of inefficiency of the police system of that time, which became obvious in the context of mass riots. It is concluded that the reforms of Catherine II laid the legal foundations for further changes in the police sphere in the 19th century.

Keywords: Russian police, enlightened absolutism, reforms, law enforcement agencies, legal system.

Изучение организационно-правовых основ деятельности российской полиции в период правления Екатерины II (1762–1782 гг.) имеет большое значение для понимания формирования государственной системы управления правопорядком в Российской империи. Этот период характеризуется внедрением идей просвещённого абсолютизма и активными законодательными преобразованиями, которые, несмотря на ограниченные успехи, заложили правовые основы для дальнейших реформ в уголовно-правовой сфере. Полицейская система того времени была важным инструментом власти для поддержания общественного порядка, борьбы с преступностью и предотвращения социальных восстаний, таких как Пугачёвское. Осознание проблем и недостатков в её организации в XVIII веке помогает лучше понимать динамику развития правовых институтов в России, а также способствует анализу причин, по которым последующие реформы XIX века стали необходимыми.

В период правления Екатерины II, несмотря на сохранявшийся инквизиционный характер судопроизводства, именно тогда, под влиянием идей просвещённого абсолютизма, был принят ряд законодательных актов, которые не только систематизировали уголовно-правовую сферу, но и заложили правовые основы для будущих реформ 1860-х годов.

Сразу после вступления на престол Екатерина II в 1762 году издала указ, приостановивший назначение полицмейстеров в провинциальные города до будущего рассмотрения в губерниях. Это решение привело к прекращению полномочий Главной полицмейстерской канцелярии в отношении полицейских структур, ранее созданных в городах. В результате, хотя и постепенно, руководство местной полицией было передано губернским властям. Принятый указ можно рассматривать как действие скорее инерционного характера, чем результат тщательно продуманного плана императрицы. Вероятно, это было следствием решений, предложенных предшествующим правителем. В целом же, специальных законодательных актов, касающихся полицейской деятельности, в этот период было принято немного, что объясняется тем, что в первые годы своего правления Екатерина II уделяла внимание формированию концептуальных приоритетов своей политики.

Одним из первых шагов стала деятельность Уложенной комиссии, которая была созвана 30 июня 1767 года с целью разработки нового уложения. Императрица лично подготовила для неё знаменитый «Наказ», в котором были изложены основные принципы правовой политики и правовой системы [1]. Важно отметить, что «Наказ» демонстрировал двойственность подхода: с одной стороны, предлагались бюджетные средства для полиции Кронштадта и Шлиссельбурга, а для столичных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, предполагалось содержание полиции за счёт «квартирных денег» — налога на городскую территорию. Это свидетельствует о неудовлетворённости существующей полицейской системой, которая, вероятно, не устраивала ни одно сословие.

Одним из ключевых вопросов того времени оставалась организация полицейских структур, которые часто были недостаточно регламентированы. Не существовало чёткого понимания, какие именно подразделения должны заниматься возбуждением уголовных дел и расследованием преступлений, и кто должен обладать соответствующей квалификацией для следствия. Ситуация ещё более осложнилась в 1768 году с началом русско-турецкой войны, которая внесла изменения в структуру государственных учреждений. Екатерина II, осознавая нарастающие проблемы в области охраны правопорядка, приняла ряд дополнительных мер, в том числе указ «Об искоренении грабежей, разбоев и беспорядков в Москве» [2].

Следует отметить, что издание данного указа, предписывающего, в частности, создание патрулей из придворных слуг, можно считать чрезвычайной мерой, свидетельствующей о серьёзном кризисе в борьбе с преступностью. Очевидно, что необходимость полицейской реформы назрела, особенно после пугачёвского восстания, когда стало ясно, что правоохранительные органы не способны предотвратить массовые беспорядки и обеспечить защиту жизни и собственности граждан.

Важным этапом в реформировании полиции стало принятие в 1775 году «Учреждений для управления губерний», где были закреплены основы полицейской деятельности. Многие положения этих Учреждений впоследствии были включены в «Устав благочиния» 1782 года, что подчёркивает важность системного подхода к реформированию полиции. Городская и земская полиция находились под контролем наместника (губернатора), а на уровне уезда функции полиции возлагались на нижний земский суд. Этот суд был наделён как административными, так и судебными полномочиями.

Примечательно, что реформа предусматривала замену нижнего земского суда на воеводскую канцелярию, так как в сельской местности отсутствовали специализированные полицейские структуры. Полицейские функции исполнялись воеводской канцелярией в качестве дополнительных, и они не являлись её приоритетной задачей. Важно отметить, что объектами полицейского надзора стали не только крестьяне, но и представители дворянских семей, проживавших в уездах. Вся система функционировала в условиях двойного подчинения — нижний земский суд подчинялся и

наместническому управлению по вопросам полиции, и верхнему земскому суду по вопросам правосудия.

В городах создавались городские полицейские учреждения во главе с городничими, которые действовали по принципу единоначалия и подчинялись городскому магистрату. Несмотря на различие в организационной структуре городской и земской полиции, их функции были схожими и регулировались единым законодательством.

Полицейская система также подвергалась реформированию в столицах. В 1780 году была ликвидирована Главная полиция, что ознаменовало окончательный этап децентрализации полицейских структур. Однако, несмотря на проведённые реформы, эффективность этих изменений оставляла желать лучшего, что вскоре привело к необходимости дальнейших преобразований в полицейской сфере.

Таким образом, в период правления Екатерины II были заложены организационно-правовые основы для реформирования уголовного судопроизводства и полицейской деятельности. Эти преобразования сыграли ключевую роль в развитии российского права и сохранили своё значение до реформ середины XIX века.

Одной из ключевых проблем, отражённых в статье, является недостаточная эффективность организации полицейской службы в Российской империи в период правления Екатерины II, особенно в контексте борьбы с преступностью и охраной общественного порядка. На момент правления императрицы полиция функционировала без чёткой правовой базы и регламентов, что вело к неразберихе в полномочиях различных подразделений и неспособности своевременно и эффективно реагировать на общественные угрозы, такие как преступления и массовые восстания (например, Пугачёвское восстание).

Во-первых, Екатерина II предприняла попытки систематизировать управление полицейскими структурами через реформы, такие как введение «Учреждений для управления губерний» в 1775 году и «Устава благочиния» в 1782 году. Эти акты регламентировали деятельность полиции, разграничили полномочия между городской и сельской полицией, а также установили систему подчинённости, что позволило более эффективно управлять правоохранительными органами на местах.

Таким образом, решение проблемы заключалось в децентрализации управления полицией, создании более гибкой и подотчётной структуры, а также в предоставлении полицейским органам чётких правовых оснований для их деятельности. Однако, несмотря на эти усилия, эффективность реформ оставалась ограниченной из-за инертности бюрократической системы и сложностей, связанных с внедрением нововведений на практике. В период правления Екатерины II были заложены организационно-правовые основы для развития полицейской системы, что проявилось в принятии ряда ключевых законодательных актов. Эти акты регламентировали функции и структуру полиции, обеспечили её децентрализацию и установили основы для более эффективного управления на местах. Однако, несмотря на проведённые реформы, система правоохранительных органов оставалась недостаточно организованной и сталкивалась с серьёзными трудностями в борьбе с преступностью и массовыми беспорядками, что подчёркивает необходимость дальнейших преобразований, которые были реализованы только в середине XIX века.

1. Наказ ея императорского величества Екатерины Вторыя, самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб., 1891.
2. Рябченко А.Г. Правовой статус должностных лиц полиции, уполномоченных осуществлять дознавательно-следственную деятельность в Российской империи (конец XVIII – середина XIX века) // Общество и право. 2015. № 3(53). С. 18–21.
3. Рябченко А.Г. Особенности организационно-правовых основ деятельности российской полиции (1762-1782 гг.) // Общество и право. 2020. №4 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsionno-pravovyh-osnov-deyatelnosti-rossiyskoy-politsii-1762-1782-gg> (дата обращения: 18.10.2024).

Торосян А.Г.

**К вопросу о применении обеспечительных мер
в судебных спорах с участием акционерных обществ**

*Кубанский государственный аграрный университет
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-402

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена проблемой применения обеспечительных мер, которая очень часто становится предметом злоупотребления недобросовестных участников процесса и может повлиять на их экономическую деятельность. Целью работы является исследование существующего положения по вопросу применения обеспечительных мер в процессе с участием акционерных обществ. В работе рассматриваются проблемы, связанные с обеспечительными мерами в арбитражном процессе с участием акционерных обществ. Анализируются специальные обеспечительные меры и условия их применения при рассмотрении корпоративных дел с участием акционерных обществ. Также исследуются случаи злоупотребления обеспечительными мерами в указанных спорах и способы борьбы с ними. В результате мы приходим к выводу, что ВС РФ видит проблему и принимает меры к исключению злоупотреблений сторон.

Ключевые слова: арбитражный процесс, обеспечение иска, обеспечительные меры, злоупотребление правом, корпоративные споры, акционерные общества.

Abstract

The relevance of the study is due to the problem of the application of interim measures, which very often becomes the subject of abuse by unscrupulous participants in the process and can affect their economic activities. The purpose of the work is to study the existing situation on the issue of the application of interim measures in the process involving joint-stock companies. The paper discusses the problems associated with interim measures in the arbitration process involving joint-stock companies. Special interim measures and conditions of their application in the consideration of corporate cases involving joint-stock companies are analyzed. Cases of abuse of interim measures in these disputes and ways to combat them are also being investigated. As a result, we come to the conclusion that the Supreme Court of the Russian Federation sees the problem and takes measures to exclude the abuse of the parties.

Keywords: arbitration process, securing a claim, interim measures, abuse of law, corporate disputes, joint stock companies.

В судебных спорах с участием акционерных обществ существует яркая проблема, которая очень часто становится предметом злоупотребления недобросовестных участников процесса и может оказать существенное влияние на хозяйственную деятельность и функционирование акционерного общества – это применение обеспечительных мер.

Целью судебного разбирательства является установление истины. «Истина является для многих высшей нравственной ценностью, эталоном. Ее понятие синонимично искренности и правде» [1]. Суд разрешает конфликт и принимает справедливое судебное решение, и, соответственно, защищает законные права и интересы сторон.

Нередко возникают ситуации, когда с целью защиты интересов стороны спора может возникнуть необходимость в применении обеспечительных мер.

Обеспечительные меры, принимаемые арбитражным судом, являются ограниченными по времени мерами для обеспечения интересов стороны спора (п. 1 ст. 90 АПК РФ). Пунктом 2 статьи 90 АПК РФ установлено, что обеспечение исполнения

судебного акта или предотвращение причинения значительного ущерба заявителю является основной целью обеспечительных мер. «Правильное разрешение этого аспекта дает гарантию действия права на судебную защиту ..., что в последующем поможет избежать ошибки, которые могут привести к отказу от принятия иска» [2].

В соответствии с Определением ВС РФ от 27 декабря 2018 года № 305-ЭС17-4004, при подаче стороной спора заявления о принятии обеспечительных мер необходимо представить суду доказательства того, что их непринятие может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта.

В свою очередь Арбитражный суд дает оценку представленным доводам и принимает решение о принятии обеспечительных мер или в отказе в обеспечении иска [3].

Возможность обеспечения иска в арбитражном процессе может быть предоставлена на любой стадии процесса (п. 2 ст. 90 АПК РФ). Такая возможность может быть реализована даже с момента приостановления производства по делу до момента возобновления производства по делу (п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 01.06.2023 № 15).

В корпоративных спорах с участием акционерных обществ выделяются особые подходы к применению института обеспечения иска. Это обусловлено сутью корпоративных отношений и порядком осуществления корпоративных процедур, а также применяемыми нормами законодательства.

При рассмотрении корпоративных дел с участием акционерных обществ предусмотрены специальные обеспечительные меры. Согласно положениям ч. 1 ст. 225.6 Арбитражного процессуального кодекса РФ, в качестве обеспечения корпоративного иска могут быть в форме ареста на акции и долей в уставном капитале акционерных обществ, запрещение сторонам спора совершать определенные действия с акциями и долями в уставном капитале обществ, запрещение органам юридического лица принимать определенные решения либо совершать иные действия по вопросам, относящимся к предмету спора или непосредственно с ним связанным, запрещение юридическому лицу, органам юридического лица или его участникам, а также иным лицам выполнять решения, принятые органами юридического лица, запрещение держателю реестра владельцев ценных бумаг и/или депозитарию осуществлять записи по учету, переходу прав на акции и иные ценные бумаги, осуществлять другие действия связанные с размещением и/или обращением ценных бумаг. Перечень не является исчерпывающим [4].

Согласно ч. 3 ст. 225.6 АПК РФ меры обеспечения корпоративных исков дополняется судебной практикой. Кроме того, в Обзоре практики принятия арбитражными судами мер по обеспечению исков по спорам, связанным с обращением ценных бумаг, утвержденным информационным письмом Президиума ВАС РФ от 24.07.2003 № 72, упоминается запрет голосовать акциями на общем собрании акционеров по одному из вопросов повестки дня.

При этом, Постановлением Пленума ВС РФ от 10 октября 2001 г. № 12 и Постановлением Пленума ВАС РФ от 9 июля 2003 г. № 11 разъясняется, что принятые судом обеспечительные меры не должны ограничивать корпоративное управление и блокировать деятельность корпорации, например, нельзя запретить проведение общего собрания.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 (а до этого – Постановлением Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 55 «), разъясняет, что при принятии обеспечения иска в корпоративных спорах подлежат учету: разумность и обоснованность, соотношение запрашиваемой меры с предметом требования, а также вероятность причинения ущерба подателю заявления в случае, если требуемые меры не будут приняты, необходимо учитывать баланс интересов сторон спора, исключение нарушения публичных интересов и интересов других лиц.

Пунктом 14 Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 №15 разъясняется, что суд должен устанавливать основания для применения обеспечительных мер, суд определяет, взаимосвязь конкретной меры, истребуемой заявителем, с предметом самого требования, соразмерна ли эта мера и способна ли она обеспечивать реализацию целей принятия обеспечительных мер.

Ключевым элементом при рассмотрении заявления об обеспечении иска в корпоративных спорах является право арбитражного суда, предусмотренное ч. 7 ст. 225.6 АПК РФ, назначить судебное заседание для заслушивания позиции сторон относительно данного заявления, что позволяет суду соотнести испрашиваемую меру обеспечения иска с предметом спора и фактическими обстоятельствами дела. В качестве примера можно привести Постановление АС Западно-Сибирского округа от 22.02.2017 № Ф04-209/2017 по делу № А45-9954/2016.

Таким образом, обеспечительные меры, принятые определением Арбитражного суда предназначены именно для сохранения фактического положения отношений между сторонами корпоративного спора.

Несмотря на то, что обеспечительные меры в первую очередь призваны гарантировать реальное исполнение судебного решения, они могут становиться и предметом злоупотребления одной из сторон спора [5].

Суды относятся к обеспечительным мерам осторожно и применяют их нечасто в том числе в корпоративных спорах.

Обычно суды ожидают от заявителя доказательств, что другая сторона совершит или намерена совершить действие, о запрете которого ходатайствует сторона. Таких доказательств у заявителя обычно нет, поэтому суды часто отказывают в обеспечении.

Обеспечение может стать существенным средством воздействия на акционеров или само общество. Очень часто к обеспечению прибегают при рейдерских захватах. К сожалению, отмена таких мер редко позволяет восстановить права пострадавшей стороны.

Возможность злоупотребления обеспечительными мерами связана в первую очередь с самим порядком принятия определения о применении обеспечительных мер, так как судья в одиночку принимает решение о применении обеспечительных мер, и ответчик получает копию определения, фактически уже после вступления определения об обеспечительных мерах в силу и после получения заявителем исполнительного листа. Таким образом, ответчик утрачивает возможность представить свои возражения по вопросу применения обеспечительных мер. Единственное, что остается ответчику в таком случае, это обжаловать определение об обеспечительных мерах, которое уже исполняется.

Вопрос злоупотребления правом при принятии обеспечительных мер является очень важным и неоднократно был предметом рассмотрения ВС РФ и ВАС РФ.

В 2001 году ВС РФ давал разъяснения по вопросу рассмотрения дел об обжаловании решений органов управления и указал, что при рассмотрении таких дел нельзя ограничивать право на проведение общего собрания акционеров (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2001 г. № 12).

ВАС РФ так же разъяснил, что недопустимо устанавливать запрет акционерному обществу, органам юридического лица или его акционерам проводить общие собрания, так как это может повлиять на его хозяйственную деятельность. По тем же основаниям недопустимо вводить обеспечение, которое исключит возможность проведения собрания, составление списка акционеров, предоставление помещения для организации собрания, направления бюллетеней для голосования и подведение итогов голосования (п. 2 Постановления Пленума ВАС от 09 июля 2003 года № 11).

Правило о недопустимости запрещения голосования на общем собрании было закреплено п. 3 информационного письма Президиума ВАС от 24 июля 2003 г. № 72.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 продолжает борьбу со злоупотреблениями при обращении сторон с целью принятия обеспечительных мер.

В качестве борьбы со злоупотреблением можно рассматривать и увеличение с 9 сентября 2024 года государственной пошлины за обеспечительные меры в арбитражном процессе до 30 000 руб. (п. 17 ч. 1 ст. 333.21 НК РФ в ред. п. 47 ст. 1 Федерального закона от 08.08.2024 № 259-ФЗ). До 09.09.2024 сумма государственной пошлины составляла 3 000 руб.

Государственная пошлина за замену и отмену обеспечительных мер взимается по идентичным правилам и в подобном размере.

Один из способов защиты от злоупотребления обеспечительными мерами может быть иск о взыскании убытков, понесенных в результате применения обеспечительных мер.

Такой иск подается в суд, рассматривавший дело, в рамках которого применили обеспечительные меры (ч. 3 ст. 98 АПК РФ).

Суд должен установить размер компенсации с учетом характера нарушения, обстоятельств дела, применяя принцип разумности и справедливости. По корпоративным спорам сумма возмещения может достигать от 10 000 до 1 000 000 рублей (ч. 2 ст. 98 АПК РФ).

Верховный Суд также разъяснил, что ответчик имеет право требовать от заявителя обеспечительных мер компенсации убытков, в том числе за счет встречного обеспечения, если суд удовлетворил ходатайство заявителя о применении обеспечительных мер, а заявитель не подал иск в предусмотренный законом срок или суд отказал в удовлетворении искового заявления (ч. 10 ст. 99 АПК РФ, абз. 2 п. 51, п. 52 Постановления № 15).

Таким образом, несмотря на то, что обеспечительные меры призваны защищать интересы сторон, они нередко применяются с целью злоупотребления правом и ущемления одной из сторон спора. Имеющиеся меры и способы защиты пока далеки от идеала и не способны полноценно защитить добросовестную сторону от злоупотреблений при применении обеспечительных мер другой стороной.

Суды, к сожалению, редко пользуются своим правом, предусмотренным ч. 7 ст. 225.6 АПК РФ, назначить судебное заседание для заслушивания позиции сторон относительно заявления о применении обеспечительных мер при рассмотрении корпоративных споров с участием акционерных обществ.

Как следует из изложенного выше, ВС РФ и ВАС РФ видят проблему и принимают меры к исключению злоупотреблений сторон.

1. Градинар, Э. В. Принцип объективной истины в гражданском судопроизводстве / Э. В. Градинар, Е. А. Гринь // Эпомен. – 2019. – № 27. – С. 109-114. – EDN KSYOAN.
2. Гринь, Е. А. К вопросу об определении международной подсудности / Е. А. Гринь // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции, Краснода, 19 декабря 2019 года / Ответственный за выпуск А. Г. Кошаев. – Краснода: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. – С. 351-352. – EDN KVFTNC.
3. Куршаков, П. Г. Основания обеспечения иска в гражданском и арбитражном процессах / П. Г. Куршаков // Международный журнал «Вестник науки». – 2023. – № 6(63). – С. 525-529.
4. Петросян, М. Г., Данилова, А. А., Шумова, К. А. Актуальные проблемы процедуры рассмотрения заявлений об обеспечении иска в арбитражном процессе / К. А. Шумова // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5. – С. 1-4.
5. Старшинова, К. Я. Некоторые особенности рассмотрения корпоративных споров в арбитражном суде / К. Я. Старшинова // Вопросы российской юстиции – 2024. – № 30. – С. 508-519.

Торушпанова У.А., Устинов А.А.
Наследственный договор в российском гражданском праве

*НОЧУ ВО «МФПУ «Синергия»
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-403

Аннотация

В статье исследуется новая для гражданского права России правовая конструкция наследственного договора. Данный договор исследуется, как двусторонняя или многосторонняя сделка, исходя из этой данности, выводится авторское определение наследственного договора. Рассматриваются новые возможности для наследодателя, которые открываются в связи с применением положений о наследственном договоре, выработанные законодателем. Автор отмечает, что с появлением наследственного договора в законодательстве России, законодатель предоставил наследодателю большую свободу действий, чем это позволяет традиционное завещание, значительно расширив возможности по распоряжению наследственным имуществом, что способствует усовершенствованию существующего порядка наследования, а также позволяет обеспечить в обществе своего рода устойчивость и стабильность.

Ключевые слова: наследственный договор, сделка, наследодатель, наследник, имущество, неимущественный характер, завещательный отказ, завещательное возложение.

Abstract

The article examines a new legal structure of the inheritance contract for the civil law of Russia. This contract is examined as a bilateral or multilateral transaction, based on this fact, the author's definition of the inheritance contract is derived. New opportunities for the testator, which are opened in connection with the application of the provisions on the inheritance contract, developed by the legislator, are considered. The author notes that with the emergence of the inheritance contract in the legislation of Russia, the legislator has provided the testator with greater freedom of action than a traditional will allows, significantly expanding the possibilities for disposing of inherited property, which contributes to the improvement of the existing order of inheritance, and also allows for a kind of sustainability and stability in society.

Keywords: inheritance agreement, transaction, testator, heir, property, non-property character, testamentary refusal, testamentary assignment.

Масштабное реформирование института гражданского права [1], ознаменовалось появлением нового (третьего) основания наследования, помимо ранее двух существующих оснований (по завещанию и по закону), а именно наследования по наследственному договору [2], которым по существу открылись новые возможности по распоряжению наследственным имуществом.

Как отмечают многие исследователи, норма предусматривающая введение наследственного договора, является новой для российского гражданского права, что указывает на малоизученность данного явления [17, с. 36]. При этом стоит заметить, что хотя институт наследственного договора является новым, однако еще до революции 1917 г. о нем уже писали многие известные российские цивилисты [11, с. 368 - 369, 427 - 429].

В правовой литературе рассматриваются данные нововведения, прежде всего, с точки зрения возможностей наследников, относительно знаний, которые они приобретают о существовании такого договора еще до смерти наследодателя [16, с.41]. Например, к ним относится круг наследников и наследуемые доли, т.е. информация, которая становится известной еще при жизни наследодателя [9, с. 101].

Тем не менее новые возможности открываются и для наследодателя, которые заключаются в том, что последний при совершении наследственного договора получает

право по своему усмотрению определить не только судьбу имущества на основе соглашения, а также распределить доли наследников и определить их круг, но и установить условия, при выполнении которых потенциальный наследник сможет вступить в наследование (ст. 327.1, п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ).

В исследуемом договоре, может быть зафиксированы обязанности имущественного характера, например, о выплате наследнику определенных сумм в течение конкретного периода, или обязанности по содержанию (к примеру, оплата коммунальных платежей) и т.п. Помимо этого такой договор, может содержать обязанности неимущественного характера, к примеру, к ним относятся уход за могилой наследодателя, сохранение семейной реликвии (например, фамильной картины), оказание помощи конкретному лицу (например, пожилому родителю). В том числе может быть возложена обязанность на участвующих в наследственном договоре лиц по исполнению завещательных отказов или завещательных возложений.

К тому же, наследодателю предоставляется законом право в наследственный договор включить положения о правах и обязанностях лица, выступающего в качестве душеприказчика после смерти наследодателя [3]. Данную норму законодатель в преддверии принятия ст. 1140.1 ГК РФ, уже статуйровал в ранее принятой ст. 1134 ГК РФ, поименовав, душеприказчика исполнителем завещания. Отметим, что положения ГК РФ, касающиеся института душеприказчика, имели место и в дореволюционном праве Российской империи (Свод законов Российской империи (ст. 1084) [6], Проект ГУ (ст. ст. 96 - 115) [8]) и в советский период (ГК РСФСР 1922 г. (ст. 427) [7], ГК РСФСР 1964 г. (абз. 2 ст. 544, ст. 545) [5]).

Все обязанности лиц участвующих в наследственном договоре и их действия, предусмотренные таким договором не должны противоречить действующему законодательству.

Таким образом, посредством наследственного договора наследодатель может, не только определить судьбу подлежащего наследованию имущества, но и распределить между потенциальными наследниками определенные обязательства, что обеспечивает ему большую свободу действий, чем по завещанию.

Вышесказанное позволяет определить, что наследственный договор относится к двусторонней или многосторонней сделке, которая позволяет наследодателю определить условия перехода прав на его имущество к наследникам после его смерти.

Сделки в гражданском праве наиболее востребованная форма гражданского оборота. На современном этапе посредством тех либо иных, предусмотренных законодателем сделок, решается большое количество имущественных вопросов, благодаря их широкому распространению, поскольку они являют собой своеобразный социальный факт, появившийся в результате длительного развития общества. Следует отметить, что в целом регулирование общественных отношений посредством сделок и договоров гражданско-правового характера, как вида сделки, призвано обеспечивать реализацию принципа стабильности гражданского оборота. Сделка, совершенная по наследственному договору влечет за собой наступление обусловленных правовых последствий.

Однако в научной литературе существуют и иные точки зрения относительно правовой природы рассматриваемого договора. Так М.Ю. Осипов определяя, правовую природу данного договора, считает, что он по сути представляет собой разновидность завещания, хотя и производится в открытой форме [13, с.17]. По данному поводу у автора настоящего исследования имеются определенные возражения, которые состоят в следующем.

Для начала, завещание является односторонней сделкой, в отличие от наследственного договора, носящего как минимум двухсторонний характер.

Помимо этого, хотя к исследуемому договору и применяются положения главы 62 ГК РФ о завещании (п. 1 ст. 1118 ГК РФ), но по мнению автора настоящего исследования,

к нему не могут быть применимы правила ст. 1126 ГК РФ о закрытом завещании, поскольку в соответствии с п. 7 ст. 1140.1 ГК РФ данный договор в обязательном порядке должен быть нотариально удостоверен.

И хотя исследуемая договорная конструкция сохраняет в себе принцип тайны (ст. 1123 ГК РФ), но являясь сделкой выполненной в виде единого документа, заключаемого между наследодателем и всеми поименованными в нем наследниками, естественным образом подразумевает, что большее количество сторон, как участников наследственного договора, знают о его содержательной части. Но ни стороны данного договора, ни нотариус не вправе разглашать до открытия наследства сведения, содержащиеся в наследственном договоре третьим лицам (ст. 1113, ч. 1 ст. 1123, ст. 1126 ГК РФ; ч. 2 ст. 5 Основ законодательства РФ о нотариате [4]).

В случае если наследодатель все же хочет сохранить наибольшую конфиденциальность, то он вправе заключить несколько отдельных наследственных договоров с каждым наследником. Предметом такого договора будет являться условия вступления в наследование, связанного с определенным имуществом. Таким образом, каждый отдельно взятый наследник будет обладать информацией только касающейся той части имущества, которое по условиям конкретного договора должно перейти к наследнику после смерти наследодателя.

Такой подход законодателя, думается, обусловлен тем, что в некоторых случаях в отличие от завещания наследственные договоры создают правовые последствия с момента заключения договора, а не с момента смерти наследодателя. В свою очередь это предполагает начало выполнения обязанностей по договору еще во время жизни наследодателя, что обуславливает потребность в знании содержания данного договора потенциальным наследником, а также условий вступления в наследство.

Существенное отличие наследственного договора от завещания было заложено законодателем в связи с использованием им временного критерия для определения юридической силы данных документов, в случае наличия нескольких наследственных договоров или завещаний с разными лицами, но касающимися одного и того же имущества. Так согласно п. 2 ст. 1130 ГК РФ применению подлежит последнее завещание, в соответствии с п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ применяется первый наследственный договор.

Наследственный договор, как и любой другой гражданско-правовой договор, базируется на волеизъявлении сторон. При подписании договора потенциальный наследник обладает правом отказаться от его заключения.

В случае отказа такого наследника от его заключения, стороны вправе согласовать другие условия договора, которые устроили бы обе стороны. В случае же, когда стороны не смогли договориться, а договор между ними заключен не был, то у наследодателя появляется возможность перераспределить подлежащее наследованию имущество иным образом, например, пересмотреть список наследников и доли в наследстве.

Важно отметить, что после подписания договора, лицами в нем участвующими, любые его изменения или расторжение в период жизни наследодателя возможны лишь по соглашению сторон или в судебном порядке. При этом сторона прибегающая к судебному разбирательству должна доказать существенное изменение обстоятельств, т.е. возникновение непредвиденных ситуаций, которые кардинально меняют условия договора. Например, наследник может оказаться в тяжелом финансовом положении или утратить способность осуществлять обязанности по договору.

После открытия наследства, данный договор может быть оспорен в суде лишь лицом, чьи права были нарушены (п. 11 ст. 1140.1 ГК РФ).

Следует также подчеркнуть, что наследник обладает правом отказаться от принятия наследства после его открытия, т.е. он не обязан вступать в права наследования имущества, даже если наследственный договор им был подписан.

Однако, как отмечается в специальной литературе, и поддерживается автором настоящего исследования, «вненаследственные посмертные обязанности» должны быть сохранены в любом случае, как при принятии наследства, так и при отказе от него [12, с.608].

Так, например, если в наследственном договоре предусматриваются обязанности наследника, например, по уходу за престарелыми родителями наследодателя, или выплате денежных средств третьему лицу, то от таких обязательств нельзя отказаться, даже если наследник отказался от наследства.

Такие обязанности по наследственному договору неотчуждаемы и непередаваемы, т.е. наследник не может их передать другому лицу [15, с.227]. Представляется, что данные обстоятельства в полной мере следует отнести и к отказополучателям.

Поскольку законодатель не конкретизировал данные положения, то разрешению споров в этой ситуации, по-видимому, будет способствовать на первоначальном этапе судебная практика, которая судами в каждом конкретном случае будет толковаться отдельно, исходя из обстоятельств рассматриваемого дела.

Вывод. Сегодня можно констатировать, что с появлением наследственного договора, возможности по распоряжению наследственным имуществом значительно расширились, что способствует усовершенствованию существующего порядка наследования, а также позволяет обеспечить в обществе своего рода устойчивость и стабильность.

Наследственный договор в российском гражданском праве это двусторонней или многосторонней сделке, которая позволяет наследодателю определить условия перехода прав на его имущество к наследникам после его смерти, а также наложить на стороны по договору выполнение определенных обязательств, как имущественного, так и неимущественного характера, включая возложение исполнения завещательных отказов или завещательных возложений.

Таким образом, законодатель предоставил наследодателю большую свободу действий, чем это позволяет традиционное завещание.

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024)// «Собрание законодательства РФ», 03.12.2001, N 49, ст. 4552.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19 июля 2018 г. N 217-ФЗ // СЗ РФ. 2018. N 30. Ст. 4552.
3. Федеральный закон от 29.07.2017 N 259-ФЗ (ред. от 23.05.2018) «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 31.07.2017, N 31 (Часть I), ст. 4808.
4. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 01.07.2021) // «Ведомости СНД и ВС РФ», 11.03.1993, N 10, ст. 357.
5. «Гражданский кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 14.05.2001) // «Свод законов РСФСР», т. 2, с. 7.
6. Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. СПб., 1887. Т. 10. Ч. 1.
7. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // «СУ РСФСР», 1922, N 71, ст. 904.

Труфанова А.С., Маревичев П.А.

История появления акционерных обществ и особенность их функционирования в Российской Федерации

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-404

Научный руководитель: Яковлев В.И.

Аннотация

В статье исследована история создания первых акционерных компаний на территории России, рассмотрены особенности их функционирования на каждом отдельном этапе. Проведён анализ модернизации законодательства Российской Федерации об акционерных обществах в различные исторические периоды.

Ключевые слова: акционерные общества, компании, история, Россия, законодательство.

Abstract

The article examines the history of the creation of the first joint-stock companies in Russia, examines the features of their functioning at each individual stage. The analysis of the modernization of the legislation of the Russian Federation on joint-stock companies in various historical periods is carried out.

Keywords: joint-stock companies, companies, history, Russia, legislation.

На сегодняшний день акционерное общество является одной из наиболее распространённых организационно-правовых форм коммерческого юридического лица. В этой связи интерес представляет исследование истории образования данного вида коммерческого юридического лица, анализ особенностей его функционирования на территории Российской Федерации.

Итак, популярность данного вида коммерческой корпоративной организации обусловлена спецификой главной цели, преследуемой его учредителями, и особенностями, обеспечивающими функционирование рассматриваемого юридического лица. Целесообразным будет обратиться к нормам действующего законодательства Российской Федерации, чтобы определить понятие акционерного общества, его признаки и ключевую задачу, лежащие в основе деятельности исследуемой организационно-правовой формы коммерческого юридического лица и обуславливающие её востребованность.

Итак, Гражданский кодекс РФ в п. 1 ст. 50 закрепляет следующее: «Юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации)». Из упомянутой нормы следует, что акционерное общество, будучи коммерческой организацией, главной задачей своего существования ставит получение прибыли. Выведенная из законодательства особенность функционирования акционерного общества наглядно демонстрирует закономерность её распространённости среди прочих организационно-правовых форм юридических лиц.

Проведём анализ п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об акционерных обществах». Из данной нормы можно выявить ещё одно преимущество акционерного общества. Итак, в статье устанавливается: «Акционеры не отвечают по обязательствам общества и несут риск убытков, связанных с его деятельностью, в пределах стоимости принадлежащих им акций».

Приведённое законодательное положение демонстрирует сразу два преимущества. Во-первых, на учредителей акционерного общества возложена минимальная ответственность. Во-вторых, для акционеров банкротство организации если и сопровождается потерями, то угроза их наступления минимальна, если не равна нулю. Дело в том, что учредители, как правило, имеют риск потерь соразмерный стоимости своих акций.

Таким образом, из анализа некоторых норм законодательных актов и приведённых к ним выводов можно установить, что востребованность современного акционерного общества бесспорна.

Правовая доктрина содержит различные точки зрения относительно популярности акционерного общества. Нередко подобное объясняется уникальной историей становления и развития рассматриваемой организационно-правовой формы коммерческого юридического лица как независимого правового субъекта.

В подтверждение заявленному целесообразно обратиться к мнению Гормина А. А., который, анализируя специфику происхождения акционерного общества, заключает следующее: «Его появление было предопределено целым рядом экономических, политических, социальных и других обстоятельств, под влиянием которых возникла и

видоизменялась данная организационно-правовая форма, постепенно приобретая новые признаки, благодаря которым сегодня ее можно рассматривать как самостоятельный субъекта права».

Итак, мы выяснили, что окончательному оформлению акционерного общества сопутствовало развитие всех сфер человеческой жизни, начиная с экономики и заканчивая совершенствованием социальной среды. Подобное умозаключение вполне очевидно, потому как любой области общественной жизни свойственно меняться с течением времени. В этой связи крайне важно понимать, на какой исторический период времени пришлось появление того либо иного аспекта человеческой жизнедеятельности, без которого на текущий момент современный социум не видит своего существования.

Следует отметить, что относительно времени образования первого акционерного общества в доктринальных источниках точного мнения не сложилось. Ряд правоведов, исследовавших вопрос появления одной из наиболее распространённых организационно-правовых форм коммерческого юридического лица в России, имеют различные точки зрения по поводу того, в какой исторический период они впервые возникли в стране.

Так, например, Дрыгина Н. Н., основывая свой вывод на исследовании полного собрания законов Российской империи, указывает: «...первые шаги к созданию акционерных обществ в Российской империи были сделаны Петром I, что было закреплено в Указах от 27 октября 1699 года, 27 октября 1706 года, 2 марта 1711 года, 8 ноября 1723 года». Упомянутые акты содержали в себе определённого рода требования к купцам, которые в дальнейшем легли в основу образования в XVII, XVIII веках первых акционерных обществ в России.

Удостоиться звания самого первого акционерного общества, официально созданного в пределах Российской империи, может «Российская в Константинополе торгующая компания». Характерной чертой компании являлось формирование его капитала из долей учредителей. Уже тогда он носил именование совокупности акций. Лица, покупавшие акции общества, именуемые в то время билетами, наряду с правами приобретали также обязанности, одной из которых можно считать внесение взносов.

Итак, появление первых акционерных компаний на территории России быстро создало запрос в обществе на нормативное закрепление их деятельности. Впервые данным вопросом занялась Екатерина II. Именно за счёт её усилий законодательную фиксацию получили основы деятельности акционерных обществ. Введённые императрицей законодательные положения получили закрепление в Указе 1782 г. и регулировались манифестом «О даровании купечеству выгодах, отличиях, преимуществах и иных способах к распространению и усилению торговых предприятий».

Следующий весомый акт, определяющий деятельность акционерных обществ на территории России, был издан почти спустя столетие после опубликования Указа Екатерины II. В 1836 г. он получил название – «Положение о компаниях на акциях». Выделение указанного акта в качестве одного из важнейших в истории развития акционерных обществ объясняется появлением в содержании документа информации об уставах компаний. Итак, по новым правилам с 1836 г. на акционерные общества возлагалась обязанность по изданию внутреннего акта организации, обеспечивающего её функционирование. В частности, устав должен был содержать в своей структуре положения, касающиеся прав, обязанностей и ответственности учредителей, размера уставного капитала, особенностей распределения акций и дивидендов, специфики документирования деятельности органов управления, а также порядка закрытия и ликвидации общества.

Рост числа акционерных обществ, их стремительное развитие предопределили необходимость разработки к концу XIX века ряда новых проектов, призванных обновить устаревшее законодательство. Достижение данной задачи император видел в создании в 1894 г. специальной Комиссии, основной спецификой деятельности которой являлся пересмотр законодательства об акционерных компаниях.

Работа над созданием проекта Гражданского уложения пришлась на время оформления Комиссии. В доктрине Оленевой А. Н. высказывается следующее мнение: «Отличительной особенностью этого законопроекта было то, что в нем в отличие от всех иных проектов, предусматривавших отмену концессионной системы и введение в России явочного порядка учреждения акционерных компаний, предлагалось сохранить концессионную систему».

Однако же, важно отметить, что судьба проекта Гражданского уложения близка к ситуации с рядом иных законодательно оформлявшихся нововведений конца XIX – начала XX века. Большинство из разрабатывавшихся в данный исторический период нормативных актов так и не были приняты.

Однако в это же время, между Россией и рядом зарубежных стран устанавливается порядок взаимного признания и ограждения прав акционерных обществ. Регламентируются отношения с иностранными государствами в соответствующих конвенциях и соглашениях 1893 – 1904 гг.

Итак, в 1916 г. на территории России уже насчитывалось 295 611 акционерных компаний. Значительный рост числа обществ, существующих в стране, во многом объясняет интенсивный процесс разработки нормативных актов, регулирующих функционирование акционерных обществ, продлившийся вплоть до 1917 г.

Общеизвестным является тот факт, что Октябрьская революция оставила неизгладимый след в общемировой истории, существенным образом отразилась на политике России и даже некоторых зарубежных государств. В этой связи, очевидно, что функционирование российских акционерных обществ в виду революционных волнений в стране не оставалось прежним. События октября 1917 г. повлекли за собой прекращение существования значительной части компаний.

После революции Россия вновь обратилась к законодательному оформлению деятельности акционерных обществ в 1922 г. На этот год пришлось принятие Гражданского кодекса РСФСР, содержащего в своей структуре специальную главу, регламентирующую основы деятельности акционерных обществ. В это же время ВЦИК принимает постановление «Об основных частных имущественных правах». С изданием указанного акта связано наделение всего правоспособного населения страны правом заниматься организацией акционерных обществ.

Особый интерес среди прочих законодательных актов советского периода вызывает Положение об акционерных обществах, утверждённое Постановлением СНК СССР от 17 августа 1927 г. Объясняется уникальность упомянутого акта спецификой востребованности его норм по времени. Дело в том, что Положение не утратило своей актуальности вплоть до начала 1960-х гг. К слову, ГК РСФСР ещё в 1920-х гг. утратил своё значение в части, касающейся положений об акционерных обществах.

Модернизация нормативного регулирования деятельности акционерных обществ конца XX века связывалась с переходом компаний на полное самофинансирование. Общества, лишившиеся финансовой поддержки от государства, были вынуждены искать альтернативные источники для получения денег. В этой связи Совет Министров СССР идёт навстречу учредителям. Уже в 1988 г. принимается постановление «О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг». Иными словами, появляется выгодная для учредителей форма привлечения денежных средств населения – ценные бумаги, среди которых особая роль отведена акциям.

Скорее всего, оформление акционерных обществ в современной России заняло куда больше времени без принятия ст. 96-104 Гражданского кодекса РФ. С появлением указанным норм в российском законодательстве началась работа над Федеральными законами «Об акционерных обществах», «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», «О рынке ценных бумаг».

Таким образом, не одно столетие прошло, прежде чем в России окончательно оформился порядок деятельности акционерных обществ. В виду их стремительного

развития на законодателя возложена функция своевременного преобразования нормативных актов, касающихся деятельности акционерных обществ. Однако уже сейчас можно заключить, что акционерное общество на протяжении всего хода истории успело зарекомендовать себя как устойчивую и надёжную организационно-правовую форму коммерческого юридического лица. В этой связи оно до сих пор не остаётся одним из наиболее популярных видов коммерческого юридического лица.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант плюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.10.2024 г.).
2. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант плюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.10.2024 г.).
3. Гормин, А. А. Становление института акционерного общества: историко-правовой анализ // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2013. – № 73. – С. 133-136.
4. Дрыгина, Н. Н. История возникновения и деятельности акционерных обществ в России // Молодой ученый. – 2014. – № 4 (63). – С. 743-745. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/63/10079/> (дата обращения: 30.10.2024).
5. Оленева, А. Н. Этапы развития акционерных обществ в России // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2015. – № 6. – С. 29-76.

Труфанова А.С., Цуканов О.В.

Лишение родительских прав как мера защиты прав и интересов ребёнка

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-405

Аннотация

В представленной статье рассматриваются обязанности государства и родителей несовершеннолетних лиц по созданию условий, обеспечивающих благоприятное существование ребёнка в семье. Упомянуты средства защиты детей от ненадлежащего обращения с ними законных представителей. Предложены пути решения проблем, с которыми предстоит сталкиваться несовершеннолетним.

Ключевые слова: родители, ребёнок, дети, семья, законодательство.

Abstract

The article discusses the responsibilities of the state and parents of minors to create conditions that ensure a favorable existence of a child in the family. The means of protecting children from the improper treatment of their legal representatives are mentioned. The ways of solving the problems that minors will have to face are proposed.

Keywords: parents, child, children, family, legislation.

Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции РФ: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». В приведённой норме в рамках заявленной тематики исследования особый интерес представляет часть, закрепляющая за Россией статус демократического правового государства. Дело в том, что ни что так наглядно не демонстрирует уровень соблюдения прав, свобод, законных интересов граждан в стране, как наличие отлажено функционирующего механизма обеспечения надлежащими мерами защиты самой уязвимой категории населения – несовершеннолетних лиц.

В другой норме основного закона страны, а именно в ст. 2 Конституции РФ, содержится положение, в рамках которого провозглашается: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение, защита прав и свобод

человека и гражданина – обязанность государства». Согласно ст. 46 каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. В рамках ч. 1 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» отмечено: «Целями государственной политики в интересах детей являются: ... защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие».

Упомянутые нормы российского законодательства соответствуют принципам функционирования любой цивилизованной страны. На сегодняшний день в Российской Федерации брошены все средства на создание условий, обеспечивающих соблюдение законных прав и интересов всего населения. Будучи государством, в котором наивысшей ценностью объявлен человек, Россия обязуется провозглашать в качестве одной из важнейших своих задач защиту детей, как наиболее незащищённой категории населения.

Однако, стоит заметить, что функция по защите прав и законных интересов несовершеннолетних возложена не только на государство. Очевидно, что не последняя роль в обеспечении безопасных условий для жизни ребёнка возложена на его родителей. К подобному умозаключению может прийти любой ответственный человек, наделённый способностью оценивать риски при планировании семьи с детьми. Однако законодатель поступил разумно, нормативно закрепив упомянутое требование к родителям потому, как одной лишь моральной оценки действиям некоторых родителей недостаточно в случаях их ненадлежащего обращения с собственными детьми.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ: «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами».

Упоминание указанной нормы в российском законодательстве обязывает российских граждан, задумывающихся о создании семьи с ребёнком, взять на себя ответственность по воспитанию несовершеннолетнего лица в обстановке, отвечающей всем требованиям безопасности. К сожалению, существуют недобросовестные граждане, чьё обращение с собственными детьми в корне противоречит требованиям семейного законодательства. На такие случаи предусматривается лишение родительских прав, как гарантированное средство защиты несовершеннолетних лиц от пагубного влияния взрослого, который хоть и приходится членом семьи, но представляет угрозу для ребёнка.

Для создания наиболее полного представления об анализируемой в исследовании мере защиты прав ребёнка от деструктивного воздействия взрослых стоит обратиться к доктринальным источникам, в которых содержится определение лишения родительских прав.

Итак, Блиняева И. В., анализируя способы защиты законных прав и интересов детей при посягательстве на них родителей, отмечает в своей работе, что «Лишение родительских прав – строгая санкция, которая применяется к родителям и выражается в их противоправном поведении, как неисполнении, ненадлежащем исполнении родительских обязанностей».

Данная интерпретация однородна с законодательными положениями, касающимися лишения родительских прав. Статья 69 Семейного кодекса РФ указывает на обстоятельства, при которых родители (один из них) могут быть лишены родительских прав.

Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день законодателем уже сделан большой шаг на пути к преодолению проблемы нарушения прав детей на жизнь в благоприятной семейной обстановке. Формулирование исчерпывающего перечня действий родителей, за которые предписывается мера ответственности в виде лишения их прав на воспитание ребёнка, является прямым доказательством отлаженного механизма функционирования нормотворчества в пользу

защиты прав несовершеннолетних. Конечно, одно лишь нормативное закрепление запретов в для граждан, воспитывающих детей, не гарантирует повышение уровня жизни и благосостояния несовершеннолетних лиц, проживающих в дисфункциональных семьях. К сожалению, случаи домашнего насилия, унижения чести и достоинства, жестокого обращения с детьми едва ли возможно искоренить полностью. Кровное родство законного представителя с несовершеннолетним не способно гарантировать обстановку взаимного уважения и поддержки в семье. Хорошим подтверждением распространенности обозначенного явления может служить пример из судебной практики.

Так, в Краснодарском крае 29 апреля 2020 года Калининским районным судом было вынесено решение в пользу истицы, обвинявшей свою дочь в ненадлежащем исполнении ей родительских обязанностей в отношении собственного ребёнка. Суд удовлетворил иск бабушки, передав ей опеку над несовершеннолетним лицом. В отношении ответчицы, которая «не обеспечивает сына самыми необходимыми в жизни каждого человека вещами; не заботится о здоровье ребёнка; его физическом и психическом развитии; ограничена в правах; ранее проходила курс реабилитации от химической зависимости», суд принял решение о лишении родительских прав. Анализ акта проверки условий жизни ребёнка, бытовой характеристики и справки о регистрационном учёте в нарколого-психиатрическом диспансере позволяет заключить, что бабушка несовершеннолетнего ребёнка, оставшегося без попечения, станет лучшей опекуншей в сравнении с наркозависимой матерью, не способной удовлетворять жизненно необходимые потребности ребёнка.

Пример из судебной практики свидетельствует о том, что ответственность по заботе о детях, их физическом и нравственном благополучии в первую должна исходить от ближайшего окружения. Если этого не происходит, опеку целесообразнее передать лицам, которые лучше будут справляться с «родительскими» обязанностями по воспитанию ребёнка. Случай из судебной практики демонстрирует отлаженное функционирование судебной системы по лишению родительских прав лиц, ненадлежащим образом выполняющих свои обязанности по воспитанию несовершеннолетних детей.

Однако, к сожалению, не по всем судебным разбирательствам о лишении родительских прав выносится целесообразное решение, которое бы учитывало интересы ребёнка. В указанном примере из судебной практики ребёнок остался в безопасной среде благодаря усилиям бабушки, лишившей свою дочь родительских прав и ставшей опекуншей внуку.

Упомянутая в судебной практике ситуация демонстрирует, что на сегодняшний день в равной степени не защищены права детей, чьих законных представителей лишают родительских прав. Очевидно, что ребёнку, опеку над которым может взять взрослый член семьи, направление интернат угрожает в меньшей степени в сравнении с детьми, не имеющими близких родственников.

Из названной проблемы вытекает ещё одна, демонстрирующая в первую очередь пробелы в семейном законодательстве, призванном защищать права несовершеннолетних. Дело в том, что несовершеннолетнее лицо, столкнувшееся с ненадлежащим обращением с ним родителей, согласно п. 1 ст. 70 Семейного кодекса не имеет права самостоятельно обращаться в суд с исковым заявлением для защиты нарушенных прав. Следует понимать, что в отсутствие близких взрослых родственников ребёнку, оказавшемуся в тяжёлой жизненной ситуации, столкнувшемуся с физическим или психическим насилием от родителя, проблематично обратиться за помощью.

Стоит отметить, что в настоящее время со стороны Российской Федерации, как государства, провозглашающего себя правовым, принимаются все меры для обеспечения безопасности детей. Однако приведённые проблемы защиты прав несовершеннолетних,

чи родители лишены родительских прав, требуют детального рассмотрения от законодателя для последующего их решения.

Можно выделить следующие пути решения заявленных в исследовании проблем:

- 1) Оказание квалифицированной юридической и психологической помощи детям, родителей которых лишают родительских прав, повышает шансы на защиту законных интересов даже тех несовершеннолетних граждан, которые не могут рассчитывать на поддержку близких родственников.
- 2) Внесение в перечень лиц, которые могут выступать с иском о лишении родительских прав (п. 1 ст. 70 Семейного кодекса РФ), несовершеннолетних граждан обеспечит защитой детей, которым не к кому обратиться за помощью, а потому рассчитывать при подаче искового заявления они могут только на себя.

Не смотря на выявленные пробелы защиты прав несовершеннолетних, можно утверждать, что в области создания комфортных условий для жизни детей государством осуществляется строгая политика. Например, ранее уже упоминалось, что интересы несовершеннолетних возведены в приоритет в рамках законодательства. Не утрачивают своей значимости они и в ходе судебного разбирательства, в котором ребёнок вправе высказывать свою позицию относительно возникшего спора (ст. 57 Семейного кодекса РФ). Для улучшения общего благополучия каждого ребёнка в пределах своей семьи требуется совместное функционирование государственных механизмов на пути к этой цели.

Так, например, органы опеки и попечительства несут на себе ответственность по защите прав детей в ситуациях, когда их жизни или здоровью угрожает небезопасная семейная среда. Комиссия по делам несовершеннолетних обязуется брать под контроль несовершеннолетних лиц, которые ввиду тяжёлой жизненной ситуации, проблем с родителями, стали беспризорниками. Большая роль отведена деятельности уполномоченного по правам ребёнка, так как именно на него возложена функция по координации действий государственных органов, призванных защищать права детей.

Таким образом, на сегодняшний день Российская Федерация применяет все возможные средства для обеспечения абсолютной безопасности каждого ребёнка в пределах семьи. Слаженная работа органов, уполномоченных осуществлять контроль за благополучием детей, по решению заявленных в тексте проведённого исследования проблем, может привести к реализации одной из главных задач государства – создания комфортных условий жизни каждого ребёнка в обстановке принятия, взаимной любви и поддержки.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочная правовая система «Консультант плюс». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 26.10.2024 г.).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 1. – 01.01.1996. – ст. 16.
3. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N 124-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант плюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 26.10.2024 г.).
4. Решение № 2-390/2020 2-390/2020-М-38/2020 М-38/2020 от 29.04.2020 г. по делу № 2-390/2020 // Информационно-аналитическая система «Актофакт». [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (дата обращения: 27.10.2024 г.).
5. Блиняева, И. В. Понятие института лишения родительских прав // Молодой ученый. – 2021. – № 41 (383). – С. 213-215. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/383/84501/> (дата обращения 26.10.2024 г.).

Тур В.Г.

Судебная система в крымском ханстве в книге австрийского купца Н.Э. Клемана

*(ф) Российский государственный университет правосудия
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-406

Аннотация

В статье исследуется судебная система и судебный процесс в Крымском ханстве на рубеже XVII - XVIII веков. Учитывая ограниченность исторических источников автор вводит в научный оборот повествование австрийского купца и путешественника Н.Э.Клемана, который дает подробное описание своего путешествия в Крымское ханство, описание самого государства, системы управления, обычаев и законов, действующих на его территории. В том числе уделяет внимание и характеристике судебной системы и процесса. Основное внимание уделяется гражданско-правовым отношениям и спорам. Анализ материалов позволяет дополнить имеющиеся сведения о судебной системе в Крыму до его присоединения к Российской империи.

Ключевые слова: судебная система, Крымское ханство, Клеманово путешествие, гражданские споры, кадии.

Abstract

The article examines the judicial system and the judicial process in the Crimean Khanate at the turn of the XVII - XVIII centuries. Given the limited historical sources, the author introduces into scientific circulation the narrative of the Austrian merchant and traveler N.E. Cleman, who gives a detailed description of his journey to the Crimean Khanate, a description of the state itself, the management system, customs and laws in force on its territory. In particular, he pays attention to the characteristics of the judicial system and the process. The main focus is on civil law relations and disputes. The analysis of the materials allows us to supplement the available information about the judicial system in Crimea before its accession to the Russian Empire.

Keywords: judicial system, Crimean Khanate, Clement's journey, civil disputes, cadias.

Исследование истории государственного устройства и судебной системы различных регионов, вошедших в XVIII - XIX вв. в состав России, не потеряло свою актуальность. В частности, не смотря на наличие ряда публикаций, в полной мере не освещена тема судебного устройства и процесса, характерного для Крымского ханства. Проблема состоит в том, что фактически не сохранилось этнических источников, которые могли бы должным образом осветить данную тему и исследователи опираются, прежде всего, на аналогичную судебную систему Османской империи, характерную для мусульманских теократических государств и труды европейских путешественников посетивших Крымское ханство до его включения в состав Российской империи. Бесспорно это правильно, так как большинство мусульман Османской империи, как и Крымского ханства относятся к одной ветви суннитов ханифитского масхаба, определяющего основы самого учения и трактовки основных источников права Корана и Сунны. Тем не менее, не нарушая основных принципов учения, региональные этнические обычаи накладывают свои особенности на осуществление судебного процесса. И именно их фиксируют мемуары иностранных путешественников.

В числе последних публикаций, касающихся истории и описания судебной системы и процесса в Крымском ханстве XVII-XVIII вв. следует отнести статьи крымских исследователей Ф. А. Аметки, Д. Р. Хаваджи [1; 2], Э. С. Ваниева [3], а также коллективную монографию "Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов" [4]. В целом эти труды отражают в полной мере особенности формирования судебной системы и осуществления правосудия в Крымском ханстве,

опираются не только на духовные источники, но, прежде всего, дореволюционные публикации ряда зарубежных и отечественных авторов [6 - 11]. При этом следует отметить, что в большинстве этих дореволюционных публикаций характеристика судебной системы и процесса в Крымском ханстве дана в общих чертах. Исключением можно считать монографию Н.Торнау, но он исследовал мусульманские институты Северного Кавказа, которые в целом хоть и близки Крыму, но находились под влиянием целого ряда сектантских учений и этнических обычаев местных народов. При этом он уделяет внимание, прежде всего, характеристике собственно учений и основных принципов ислама, касаясь вопросов судебной системы вскользь. Более детально данный вопрос раскрыт в труде французского автора Ш. де Пейссоннеля, который, опять же, исследуя Крымское ханство и подконтрольные ему орды, хоть и дает характеристику судебной структуре, формированию и функциям судебных институтов, не особо вдаваясь в детали судебных процессов [8]. Что касается М. Литвина, посла Великого княжества литовского в Крымском ханстве, и его восторженных отзывов о судебной системе ханства, опираться на них особо не стоит. Он фактически не разъясняет сформировавшуюся в Крыму судебную систему, а использует упоминание о ней как повод к критике законов и судов в Литве [7].

В то же время, на наш взгляд, совершенно несправедливо забыт хорошо известный историкам труд австрийского купца и путешественника Николауса Эрнста Клемана, переведенный на русский язык и изданный в 1783 г. в Санкт-Петербурге под названием "Клеманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и ногайских татар и во весь Крым, с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах" [5]. Ценность данной публикации в том, что купечество Австрии и Германии искало новые рынки и торговые пути. Поэтому основная цель Клемана сводилась не столько к торговой операции, сколько к подробному изучению государств, народов, их быта, законов и обычаев, которые могли бы быть полезны при организации последующих торговых экспедиций. Бесспорно путешественника интересовали и особенности судебной системы, тем более если учесть, что пострадав от воров и мошенников ему лично пришлось в Крыму обратиться за судебной защитой [5, с. 93-102].

Аметка Ф.А. и Хаваджи Д.Р., рассматривая судебную структуру Крымского ханства выделяют три инстанции: первая - суды кадии, вторая - кадиааскер или Диван бейлика и третья высшая - Диван хана [1, с. 11]. Учитывая наш случай с Клеманом, у которого украли не только имущество, деньги, но и документы (подорожная и рекомендательные письма), он не смог без документов обратиться за справедливостью к кадию Карасубазара и был вынужден по рекомендации секретаря консульства Франции прибыть с жалобой непосредственно к каймакану, который на тот момент исполнял обязанности скончавшегося хана и одновременно муфтия Крымского ханства. По его распоряжению обидчик был схвачен и доставлен. Таким образом, дело австрийского купца, как иностранного подданного рассматривалось в высшей судебной инстанции. Как отмечает сам путешественник: "... в Крыму дела гражданские и криминальные решаются весьма скоро, не имея нужды во многом письмоводстве так как в стряпчем и апелляции. Все приговоры выходят или от самого хана, или от тех особ, коим препоручается ему чинить доклад" [5, с. 225]. Действительно, не смотря на запутанность обстоятельств и отсутствие свидетелей, имея только поручителей от дипломатической французской миссии и четырех правоверных мусульман, дело Клемана было рассмотрено быстро, без особых затруднений. Расследование велось непосредственно в суде. Бесспорно, сыграло роль, что обидчик, некий Кириаос был и ранее неоднократно замечен в воровстве и обмане. Несмотря на попытки обвиняемого оправдаться и даже обвинить заявителя в насилии, под угрозой наказания и выяснив, что Клеман не требует применения к нему каких-либо мер наказания, кроме возврата похищенного, Кириаос признался в хищении и обмане. Что же до документирования результатов судебного заседания, то как отмечает

Клеман, он получил копию судебного приговора (хадир) и письма ко всем кадиям крымским, аге Карасубазара и паше Кефайскому, где, как оказалось, спрятал его имущество осужденный. В своей книге Клеман дословно приводит содержание приговора. Когда же по прибытии в Карасубазар виновный вновь отказался выполнить решения суда, Клеман был вынужден обратиться к кадию Карасубазара. Кириаκος после попытки вновь обмануть уже кадия был заключен в "железа" и понуждаемый плетью в сопровождении охранника доставил все похищенное пострадавшему.

В своем описании судебного процесса в Крымском ханстве Клеман мало внимания уделяет уголовному суду, ограничиваясь лишь упоминанием о том, что судья (кади) обязан выслушивать "ссоры" и решить вопрос после так называемых "сильных" доказательств. При этом важными свидетелями являются только мусульмане. Перечисляет и суровые меры наказания: штраф, удушение, повешение, сажание на кол. В отношении родовых беев, мурз и лиц из числа дворянства суд осуществляет Диван и сам хан. Кроме того он отмечает, что подданные Османской империи - турки, даже если установлена их вина, никогда публично не наказываются.

Значительно больше внимания он обращает на разбирательство гражданских исков в судах. Бесспорно для купца это было более интересно. В частности он пишет: "В случае долгов, контрактов и прочих затруднений, бывающих в купечестве, проситель должен представить свое право судье ясно и в коротких словах; почему он приказывает позвать перед себя одному из приставов защитителя, которому и дает аудиенцию. Ежели должник отрицается от долга от него требуемого, то заимодавец представляет своих свидетелей. Ежели оные свидетели достойны, чтоб им верить, это свидетельство их объявляется сильным, ежели тому противное, то оно отвергается. Когда оказывается он точно должным, то должник, отпирающийся от долга, тотчас за неправильную свою божбу наказывается палочными ударами. В случае же если истец приносит ложную жалобу, то равному подвергается наказанию, и осуждается заплатить защитителю такую же сумму, какую от него требовал. С другой стороны, когда должник признается должным, но представит сильные причины, что не в состоянии заплатить в назначенный срок, а постарается сколько можно заимодавца удовлетворить, то не должен опасаться никакого наказания; однакож, чтобы он в суде назначил точно срок, к которому обязуется заплатить. Сей срок никогда не должен быть долог, но и не менее продолжаться должен как год, и сверх того отсрачивают ему еще неделю или две. Ежели несмотря на сие не сдержит он своего обязательства и заимодавец вновь приносить станет жалобу судье, то он посылает к нему некоторых из своих приставов для конфискации как его дома, так товаров, уборов и других пожитков, равно как в его лавке вещей, которые выносятся по частям на улицу, оценивают. Ежели что за продажу довольно будет, чтоб заплатить долг, то оставшееся имение отдаются должнику обратно. Когда напротив того сумма недовольна к удовлетворению заимодавца, то он должен требовать более.

Судейские убытки таковых тяжб, платимые судье, называются рессим, и простираются до десяти процентов за сто, из которых денег небольшая часть дается приставам за их труды.... В случае, если должник не имеет ни дому, ни другого какого имения, то позволяется заимодавцу посадить его в тюрьму на хлеб и воду и держать в оной три месяца. По прошествии сего наказания должно ему обязаться клятвою заплатить сей долг так скоро, как найдет себя в состоянии. Ежели он получит сие счастье, но не сдержит своего слова, то дозволяется заимодавцу отнять у него все то, что он имеет, даже и платье, которое он может с него снять" [5, с. 226-227].

Клеман считает, что столь жесткие судебные меры препятствуют торговцам быть должниками. Аналогично осуществляются судебные процессы и в иных случаях, касающихся наследства или развода. При этом кадию предписывается действовать точно по закону и воздерживаться от всякого рода истолкования. Обратим одновременно внимание на то, что нигде в качестве имущества не упоминаются основные средства производства т.к. обязательства по долгам личные, а, например, земля принадлежит всей

родовой общине. Если проанализировать дело самого Клемана, то он обратился в суд в связи с хищением имущества. Следует отметить, что наказание за кражу в мусульманском праве исследуемого времени было достаточно жестоким. Но мы видим, что после определения виновного, судья предоставляет право самому истцу определять судьбу виновного: либо ограничиться возвратом украденного и простить, либо передать судье для принятия решения. Таким образом, решение о наказании виновного определяет сам пострадавший. Еще один момент представляет интерес. Аметка Ф.А. и Хаваджи Д.Р. в упомянутой статье цитируют М.Литвина: "Судьи (кади) не имели права требовать вознаграждения у сторон за свое дело..." [7, с. 37]. Как мы видим из описания Клемана это утверждение спорно ибо он упоминает, что за рассмотрение дела о долгах вполне официально предусмотрено вознаграждение 10% от суммы, которую выплачивает должник.

Еще один аспект судебного процесса в Крымском ханстве, который заинтересовал Клемана - дела о наследовании. Он пишет: "... когда идет дело о наследстве, то делают реестр пожиткам, оставшимся после умершего, оценивая каждую вещь. Когда кадий узнает, что в сем случае ищут покорыстоваться, то он объявляет свой приговор, последуя тому, чего требует справедливость. Наследство отдается одному, который и разделяет всем тем имеющим на оное право. Вообще сказать, тот из наследников, который желая к себе оное присвоить подарками кадию, получает лучшую часть наследства"[5, с. 228]. Если исходить из мусульманского законодательства кадий не обязан заниматься такими вопросами и делает это в случае опасности несправедливости в среде родственников умершего. Его роль состоит лишь в том, чтобы из них назначить лицо, которое будет делить имущество. Это должен быть совершеннолетний, мусульманин, в полном разуме, справедливый и благочестивый человек, пользующийся общим уважением. Причем лицо это за свою услугу получает вознаграждение от каждого из наследников. Но как мы видим, по свидетельству Клемана не всегда выдерживалось это требование и право на распределение получал тот, кто задобрил кадия подарками.

Итак, австрийский купец-путешественник Николаус Эрнст Клеман в 1668-1670 гг., с целью налаживания торговых связей с Крымским ханством совершил сложное по тем временам путешествие, оставив нам подробное описание своего пути и самого татарского государства, акцентируя внимание на те особенности государственного устройства, быта, обычаев, включая описание судебной системы и процесса, с которыми последующие за ним австрийские и немецкие купцы могут столкнуться во время экспедиций на полуостров. При этом особо интересным является повествование и о его собственном опыте участия в судебном процессе. Повествование, на которое не обратили внимание современные исследователи судебной системы в Крымском ханстве, не вносит каких-либо принципиальных корректив, но ввиду скудости источников дополняет их и заслуживает введения в научный оборот. Что нового мы можем выделить из публикации Клемана:

- без предоставления документов, удостоверяющих личность, кадии (судьи) не рассматривали какие-либо заявления или жалобы. В данном случае требовалось обращение в высшую судебную инстанцию с присутствием свидетелей, которые могли бы подтвердить личность заявителя;
- при даче свидетельских показаний важную роль играло наличие свидетелей-мусульман, а также приоритетом пользовались показания лиц, заслуживающих доверия и уважения в обществе;
- рассмотрение заявлений о совершенных преступлениях или иски пострадавших рассматривались судами в течение суток и в дневное время. Обвиняемые, не желавшие прибыть добровольно, доставлялись в суд помощниками кадия (приставами);

- заявителю, если дело решалось в его пользу предоставлялась копия судебного приговора (хадир), который позволял ему восстановить справедливость;
- при рассмотрении дела о хищении имущества, пострадавший определял судьбу виновного: либо ограничивался возвращением своего имущества и давал прощение, либо виновный подлежал наказанию в соответствии с мусульманским законодательством;
- лица, не желающие выполнять решения суда могли быть по распоряжению кадия "заключены в железо", наказаны кнутом и принуждены выполнить предписания суда. Те, кто давал ложные показания в суде или вопреки доказательствам отрицали, например, долг, публично наказывались битьем палками;
- должники, которые оказались объективно неспособны по решению суда погасить долг займодавцу, но согласились это сделать частично, освобождались от наказания при условии, что они установят окончательную дату выплаты, но не более одного года. В случае невыполнения данного обязательства подлежали заключению в тюрьму на три месяца с последующим возмещением долга. Если этого не происходило, займодавец мог самостоятельно забрать любое имущество должника, вплоть до личной одежды на нем;
- нигде в перечне имущества, подлежащего конфискации, Клеман не упоминает основные средства производства, включая землю. Таким образом следует предположить, что к началу XVIII века земля была в пользовании, но являлась собственностью государства, мечетей (вакуф) и родовых общин. Это обстоятельство в последующем привело к длительным тяжбам после присоединения Крыма к России, когда возникла необходимость по Российскому законодательству закрепить землю за собственниками;
- в отличие от иных источников, Клеман упоминает о том, что при рассмотрении дел о долговых обязательствах, должник оплачивал суду 10% от долговой суммы. Также он пишет о получаемых кадиями подарках от желающих получить право распределения наследства между родственниками.
- касаясь суда по уголовным преступлениям Клеман упоминает следующие виды наказания: штраф, удушение, повешение и сажание на кол;
- турки, подданные Османской империи, даже если были осуждены за совершение преступлений, не подлежали публичному наказанию.

Таким образом, исследования труда Н.Э. Клемана позволяют нам дополнить представление о судебной системе и процессе в Крымском ханстве на рубеже XVII - XVIII веков.

1. Аметка Ф.А., Хаваджи Д.Р. Историко-правовые аспекты организации и осуществления судебной власти в Крымском ханстве (первая половина XV - вторая половина XVIII вв.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 6(71). № 4. С.9-15.
2. Аметка Ф. Судебная власть в Крымском ханстве // Авдет. URL: <https://web.archive.org/web/20190328192154/https://avdet.org/ru/2018/07/19/67131/> (дата обращения 05.20.2024).
3. Ваниев Э.С. Особенности осуществления правосудия в Крымском ханстве // Крымское историческое обозрение. 2022. Т.9, № 2. С.40-50.
4. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Симферополь: Элиньо. 2009. 432 с.

5. Клеман Н.Э. Клеманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджакских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах, с приобщением описания достопамятностей Крымских. Переведенное с немецкого на французский, а с оного на русский язык Государственной Военной Коллегии Секретарем Иваном Одинцовым. СПб, 1783 г. 250 с.
6. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения / Ф.Ф. Лашков // ИТУАК. № 21. 1894. С. 59–89;
7. Литвин М. В нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин / Пер. с лат. Шестакова С. М., 1845. 77 с.
8. Пейссоннель Ш. де. Записка в состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии / Ш. де Пейссоннель. М., 1755. 73 с.
9. Попов А. И. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай / А. И. Попов. Симферополь: Таврическая Губернская Типография, 1888. 131 с
10. Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 280 с.
11. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения / Н. Торнау. СПб : Типогр. 2 отделения Собственной Э.И.В. Канцелярии, 1850. 475 с.

Умярова Л.Р., Балашова А.А.

Злоупотребление правом на отвод судьи в гражданском судопроизводстве

Саратовская государственная юридическая академия

(Россия, Саратов)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-407

Научный руководитель: Соловьева Т.В.

Аннотация

В статье рассматривается важный аспект гражданского процесса - институт отвода судьи, обеспечивающий справедливость и объективность судебного разбирательства. Также анализируется понятие злоупотребления правом, которое, несмотря на отсутствие законодательного закрепления, может быть определено как деятельность сторон, направленная на нарушение процессуальных прав лица на справедливое и разумное судебное разбирательство.

Ключевые слова: институт отвода судьи, злоупотребление правом, справедливость, гражданский процесс, процессуальные права, добросовестность.

Abstract

The article considers an important aspect of the civil process - the institution of recusal of a judge, which ensures the fairness and objectivity of the trial. The concept of abuse of law is also analyzed, which, despite the lack of legislative consolidation, can be defined as the activity of the parties aimed at violating the procedural rights of a person to a fair and reasonable trial.

Keywords: the institution of recusal of a judge, abuse of law, justice, civil procedure, procedural rights, integrity.

Институт отвода судьи является важным элементом гражданского процесса, обеспечивающим справедливость и объективность судебного разбирательства. Все участники судебного разбирательства обязаны использовать свои процессуальные права добросовестно. Под добросовестностью понимается правильное и честное поведение, предполагающее выполнение своих обязательств. Добросовестное поведение способствует улучшению судопроизводства и положительно влияет на его качество и результативность. Однако в некоторых случаях данный институт может быть использован для злоупотреблений, что подрывает основы правосудия. Если одна из сторон начинает злоупотреблять своими правами, выходя за рамки допустимого в судебном процессе и не исполняя своих обязанностей, то такое поведение не может считаться добросовестным.

Понятие злоупотребление правом законодательно не закреплено, однако в ч. 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации сказано, что стороны должны быть добросовестными в исполнении своих обязанностей [1].

Злоупотребление правом - деятельность сторон, направленная на нарушение процессуальных прав лица на справедливое и разумное судебное разбирательство.

В настоящее время суд сильно ограничен в возможностях влияния на недобросовестное поведение стороны, что позволяет заинтересованному лицу разными способами затягивать разбирательство дела, препятствовать принятию неблагоприятного для себя судебного решения и совершать иные противоправные действия в сфере гражданского судопроизводства.[2]

Злоупотребление правом может проявляться в любом институте гражданского-процессуального права, исключением не будет и институт отвода судей.

Понятие института отвода судей включает в себя процесс, который позволяет сторонам в судебном разбирательстве (например, истцу или ответчику) требовать отстранения судьи от рассмотрения дела по определённым основаниям.

Основаниями для отвода судьи, в частности, являются:

- его участие при предыдущем рассмотрении дела в качестве судьи, прокурора, помощника судьи, секретаря судебного заседания, представителя, эксперта, специалиста, переводчика или свидетеля;
- родственные связи судьи и лица, участвующего в деле или его представителя;
- наличие у судьи заинтересованности в исходе дела или иных обстоятельств, которые могут вызвать сомнение в его объективности и беспристрастности.

Кроме того, отвод должен быть мотивирован и заявлен до начала рассмотрения дела по существу. Заявление отвода в ходе дальнейшего рассмотрения дела допускается только в случае, если основание для отвода стало известно лицу, его заявляющему, после начала рассмотрения дела по существу. Вопрос об отводе, заявленном судье, рассматривающем дело единолично, разрешается тем же судьей [3].

ГПК РФ не предусматривает специальных процедур проверки обоснованности сделанного заявления, сбора доказательств и пр. В таких условиях, когда возможности для познавательной деятельности суда и других участников процесса минимальны, недобросовестно действующее лицо также может рассчитывать на то, что его злоупотребление достигнет цели.

Заявление об отводе и подача подтверждающего материала отличаются односторонностью, поскольку возможности по заявлению возражений со стороны прочих лиц, участвующих в деле, существенно снижены. Сам суд не обладает правом высказывать свои возражения против заявленного отвода, поскольку он не должен вступать в какую-либо полемику с участниками процесса. Суд лишь высказывает свое согласие либо несогласие с изложенными заявителем доводами.

Очевидно, когда имеются основания полагать, что отвод судье заявлен с недобросовестной целью, в удовлетворении такого ходатайства должно быть отказано. В законе целесообразно закрепить, что если заявление об отводе в отношении состава суда или отдельного судьи сделано повторно и лицо, заявившее отвод, не привело каких-либо новых оснований отвода, оно утрачивает право на заявление отводов составу суда или отдельному судье. Если в действиях лица усматриваются признаки неуважения к суду, обратившись к ч. 3 ст. 159 ГПК РФ суд применяет меры ответственности, предусмотренные законом. Лишение лица права на заявление отводов не лишает его права делать другие заявления или ходатайства[1].

Так, при рассмотрении Палласовским районным судом Волгоградской области гражданского дела представителем ответчика Л. был заявлен отвод судье из за того, что судья долго находилась в совещательной комнате при разрешении ходатайства о

принятии встречного искового заявления (очевидно с кем то совещалась). Заявление об отводе оставлено без удовлетворения, поскольку при указанных обстоятельствах не имелось оснований для таких выводов.[4]

В другом примере, ответчиком заявлен отвод судье Красноармейского районного суда г. Волгограда при рассмотрении гражданского дела по тем основаниям, что он является знакомым ответчицы А., что прямо или косвенно свидетельствует о заинтересованности судьи в исходе дела, вызывает сомнения в беспристрастности и объективности при его рассмотрении. Определением судьи в удовлетворении отвода отказано, оснований для отвода, предусмотренных ст.16 ГПК РФ, не имеется. Перечисленные основания по настоящему гражданскому делу к председательствующему по делу судье не относятся. Также не установлено иных обстоятельств, дающих основания полагать, что судья прямо или косвенно заинтересован в исходе дела[4].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, чтобы судебное разбирательство не затягивалось надолго, нужно приводить только достоверные факты, чтобы заявить ходатайство об отводе судьи. Злоупотребление правом на отвод судьи негативно сказывается на правосудии в целом. Кроме затягивания процесса, оно приводит к увеличению судебных расходов для сторон, теряющих время и ресурсы в ожидании разрешения споров. Важно помнить, что предотвращение с злоупотреблениями правом на отвод судьи является необходимым условием для обеспечения честного и справедливого судебного процесса.

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. От 25.01.2024) // "Собрание законодательства РФ", 18.11.2002, N 46, ст. 4532.
2. Ахатова, Е. В. Злоупотребление процессуальными правами в современном российском гражданском судопроизводстве / Е. В. Ахатова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 48 (286). — С. 183-185. — URL: <https://moluch.ru/archive/286/64468/> (дата обращения: 28.09.2024).
3. Официальный сайт прокуратуры г. Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/activity/legal-education/explain?item=25097061 (дата обращения: 29.09.2024).
4. Официальный сайт Совета судей Волгоградской области [Электронный ресурс] // URL: <http://vgg.ssrf.ru/dokumenty/obzory/33391> (дата обращения: 30.09.2024).

Умярова Л.Р., Балашова А.А.

Уважительные причины и форс-мажор в гражданском процессе

*Саратовская государственная юридическая академия
(Россия, Саратов)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-408

Научный руководитель Соловьева Т.В.

Аннотация

В статье авторы анализируют такие оценочные категории, как «уважительные причины» и «форс-мажор» в гражданском процессе. Данные понятия не имеют закрепления в гражданском процессуальном кодексе, поэтому предлагается обозначить гибкий перечень обстоятельств с возможностью расширения.

Ключевые слова: уважительные причины, форс-мажор, процессуальный срок, неявка, обязанность, обстоятельства.

Abstract

In the article, the authors analyze such evaluation categories as "valid reasons" and "force majeure" in civil proceedings. These concepts are not fixed in the Code of Civil Procedure,

therefore, it is proposed to designate a flexible list of circumstances with the possibility of expansion.

Keywords: valid reasons, force majeure, procedural period, non-appearance, obligation, circumstances.

В настоящее время определенный интерес вызывает применение таких категорий как «уважительные причины» и «форс-мажор» при выяснении причин неявки лиц участвующих в деле в судебное заседание или разрешения вопроса о восстановлении процессуальных сроков.

Если обратиться к Гражданскому кодексу Российской Федерации, то в п. 3 ст. 401 имеется определение категории «форс-мажор», как «чрезвычайные и непредотвратимые при конкретных условиях обстоятельства, делающие невозможным надлежащее исполнение обязательств»[1]. Зачастую юристы форс-мажорные обстоятельства раскрывают через понятие «обстоятельства непреодолимой силы», которые могут носить как временный, так и постоянный характер. Гражданский процессуальный кодекс РФ закрепляет понятие «уважительные причины» и уточняет, что относится к данной категории обстоятельств, но без раскрытия понятия как такового. Это связано с непрерывным развитием общественных отношений и появлением новых причин, которые могут препятствовать реализации процессуальных прав и обязанностей при рассмотрении и разрешении дел в судах[2].

Гражданское процессуальное законодательство налагает на лиц, участвующих в деле, определенные обязанности, одной из которых является извещение суда о причинах неявки и предоставление доказательств уважительности этих причин (ст. 167 ГПК РФ). Конкретизируется данное понятие в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции», как исключаящие или препятствующие совершению определённого процессуального действия обстоятельства субъективного или объективного характера, а также обстоятельства, связанные с несоблюдением норм процессуального законодательства. Сообщение об уважительной причине оформляется ходатайством, в котором указываются причины неявки, и содержится просьба процессуального характера (например, отложить заседание, рассмотреть дело в отсутствие). К ходатайству прикладываются документы (медицинское заключение, справка лечебного учреждения, больничный лист, копия свидетельства о смерти родственника; копия приказа о командировании, справка из МЧС, МВД и пр.). При этом ни один законодательный акт не содержит перечня оснований, которые судья обязан признать как уважительные. Судья в каждом отдельном случае самостоятельно объективно обязан проверить всю совокупность обстоятельств.

Если обратиться к судебной практике, можно отметить, что суды зачастую признают уважительными такие причины как: болезнь истца, ответчика, их представителя, несвоевременное вручение письма о вызове в суд, служебные командировки и так далее. При этом основание, касаемое болезни, не является абсолютным, поскольку не любая болезнь признается уважительной для причины неявки (в основном берётся во внимание стационарное лечение).

Если рассматривать уважительные причины пропуска процессуального срока, то согласно ч. 1 ст. 112 ГПК РФ, лицам, пропустившим установленный федеральным законом процессуальный срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен. В судебной практике, как правило, суды не признают в качестве уважительной причины занятость представителя ответчика в другом судебном процессе, так как это не свидетельствует о наличии объективных причин. Также у данного явления есть иная сторона, если определённые причины неоднократно являются основой ходатайств об отложении, тогда данное поведение участников судебного заседания может расцениваться как затягивание процесса и злоупотребление

процессуальными правами. Если лицо не направит ходатайство или представленная причина будет расценена судом, как неуважительная, то это может привести к одному из таких неблагоприятных последствий, как проведение судебного заседания в отсутствие лица, что лишает их возможности изложить суду позицию в отношении спорного правоотношения, реализовать иные процессуальные права.

Все вышеперечисленные случаи связаны с личностью определённого субъекта, но могут также рассматриваться обстоятельства, имеющие процессуальный характер, которые связаны с опечатками работников аппарата суда, поздними отправками извещений, сопроводительных писем, копий судебных постановлений. Одним из таких нарушений является изначальное извещение судом лица, участвующего в деле, по неверному адресу.

«Форс-мажор» и «уважительные причины» во многих случаях разграничиваются правоприменителями, поскольку уважительная причина может быть связана с личными обстоятельствами лица, в то время как форс-мажор – это непредотвратимые объективные обстоятельства, имеющие непреодолимый и чрезвычайный характер. В законе нет конкретного перечня форс-мажорных обстоятельств, но в приложении к постановлению Правления торгово-промышленной палаты РФ № 173-14 от 23.12.2015 г. к ним относятся: стихийные бедствия и пожары, массовые заболевания (эпидемии), забастовки, санкции, военные действия, несчастные случаи (авария) и др. Такие обстоятельства должны объективно препятствовать добраться до суда. Например, если при снежных заносах истец живет в шаговой доступности от здания суда, то погодные условия не признаются уважительной причиной его неявки на заседание. Также данный вопрос был актуален в период пандемии COVID-19, когда граждане ввиду нахождения на карантине или самоизоляции не могли явиться на судебное заседание.

Для более быстрого разъяснения ситуаций, препятствующих явке на судебное заседание, необходимо внедрить специальные механизмы обращения, способствующих экономии временных и материальных ресурсов судов. Для этого могут использоваться электронные письма с определенной пометкой или быстрая доставка почты до сотрудников аппарата суда. В Саратове в 2024 году уже предприняты данные попытки с помощью запуска суперсервиса «Правосудие онлайн», что позволяет перевести электронное правосудие на качественно новый уровень путем внедрения систем дистанционной подачи и получения процессуальных документов, а также дистанционного участия в судебном процессе[3].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что такие категории, как «уважительные причины» и «форс-мажор» могут сыграть немаловажную роль в реализации сторонами гражданского судопроизводства своих процессуальных прав и обязанностей. Действительно, законодателю достаточно сложно обозначить исчерпывающий перечень случаев, подпадающих под данные категории, но можно список обстоятельств сделать гибким с возможностью расширения по взаимной договоренности сторон.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994 - № 32 - ст. 3301.
2. Соловьева, Т. В. Уважительные причины при рассмотрении и разрешении дел в гражданском судопроизводстве в период пандемии 2020-2021 гг / Т. В. Соловьева // Гражданское право, гражданское и административное судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 30 апреля 2021 года / Под редакцией Н.В. Корниловой. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. – С. 123-127. – EDN EOEIQV.
3. Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrfl.ru/press_center/news/32662/ (дата обращения: 15.10.2024).

Упоров И.В.

**Местная власть в новейшей истории России:
основные тенденции развития (правовой аспект)**

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-409

Аннотация

Когда распался Советский Союз (1991 г.), в постсоветской России (то есть, в новейший период истории) стала создаваться государственность, значительно отличавшаяся от СССР, в том числе это относится и к институту местной власти, которую стали представлять не местные Советы, а органы местного самоуправления. При этом статус института местного самоуправления за прошедшие уже более чем три десятилетия заметно изменился. В статье представлен анализ основных изменений этого статуса в постсоветской России, общий вектор которых заключается в том, что полномочия местной власти суживаются. Однако такое положение не следует расценивать как однозначно негативное, поскольку вытекает из реальных возможностей органов местного самоуправления, которые, как показывается в статье, еще не соответствовали поставленным перед местной властью задачам.

Ключевые слова: местная власть, Россия, конституция, публичная власть, государство, закон, законопроект, общество.

Abstract

When the Soviet Union collapsed (1991), in post-Soviet Russia (that is, in the modern period of history) a statehood began to be created that was significantly different from the USSR, including the institution of local government, which began to be represented not by local Councils, but by local government bodies. At the same time, the status of the institution of local government has changed significantly over the past three decades. The article presents an analysis of the main changes in this status, the general vector of which is that the powers of local government are narrowing. However, this situation should not be regarded as unambiguously negative, since it follows from the real capabilities of local government bodies, which, as shown in the article, have not yet met the tasks set before local government.

Keywords: local government, Russia, constitution, public authority, state, law, bill, society.

В последние годы функционирования советского государства, и прежде всего в 1990 г., властью было заявлено о серьезном реформировании института местной власти, главный вектор при этом заключался в расширении самоуправленческой составляющей на местном уровне и отграничении полномочий органов местной власти (местного самоуправления) и полномочий органов государственной власти и, соответственно, упразднении иерархической соподчиненности, что имело место при прежней системе местных Советов народных депутатов. Начало было положено принятием Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990 г.), где местное самоуправление трактовалось широко и включало в себя местные Советы, референдумы, собрания, сходы граждан, территориальное общественное самоуправление. Однако местные Советы еще не были выведены из общей властной вертикали, а соединение местных Советов с общественными структурами под названием «местное самоуправление» во многом было искусственным.

Более решительно действовали законодатели РСФСР (как известно, тогда имело место противостояние союзной власти во главе с М.С. Горбачевым и российской власти во главе с Б.Н. Ельциным, при этом первой олицетворял постепенность реформа в рамках социализма, второй выступал за активное внедрение институтов других развитых стран в

направлении деидеологизации советского общества [1; 2]) Не удивительно поэтому, что в Законе РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» (1991 г.) институт местного самоуправления подвергнулся существенным организационным преобразованиям, в частности, предусматривалось принятие уставов местного самоуправления, проведение референдумов, обращения в суд, расширение гласности, вместо прежних коллегиальных исполкомов местных Советов, состоявших из местных депутатов, вводился институт местной администрации, глава которой избирался всенародно; но при этом местная администрация, как и ранее исполкомы, также подчинялась вышестоящим органам государства. Здесь российский законодатель воспринял ряд европейских элементов.

В Конституции России 1993 г., в начальной ее редакции [3], принятой после распада СССР, осуществлялась дальнейшая демократизация публично-властных отношений, в частности, в ст. 12 указывается, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», в ст.130-133 определялись основные направления самостоятельной деятельности местного самоуправления. Тем самым органы местного самоуправления впервые оказались вне административного соподчинения с вышестоящими властными государственными структурами регионального и федерального уровней, но одновременно на органы местного самоуправления, как на самостоятельные публично-властные структуры, возлагалась ответственность за состоянием дел в районах, городах, поселках, селах. И тогда такой подход получил одобрение довольно широкой «демократической общественности». И это объяснялось прежде всего тем, что, что на местах ведь виднее, как и что нужно делать, вот пусть органы местного самоуправления, формируемые населением, сами и решают вопросы местного значения, без административного подчинения органам государственной власти субъектов Федерации.

Затем в первом федеральном муниципальном законе ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (1995 г.) [4] конституционные основы нашли свое развитие. Этим законом местному самоуправлению предоставлялся едва ли не организационно-правовой карт-бланш в решении вопросов местного значения (в формировании структуры органов местного самоуправления, создании в городах «внутренних» муниципальных образований и др.), а в финансовой сфере (ст. 17, 40), указывалось, что «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законом обеспечивают муниципальным образованиям минимальные местные бюджеты путем закрепления доходных источников для покрытия минимально необходимых расходов местных бюджетов» [4]. А в ч. 5 ст. 15 данного акта указывалось, что «осуществление местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами не допускается» [4].

Однако довольно скоро реальная политика, правоприменительная практика стали показывать, что картина в действительности весьма далека от красивых демократических деклараций. Правящая элита России того периода (конец 1990-х гг.) явно переоценила потенциал местного самоуправления, полагая, что жители муниципальных образований уже готовы к самостоятельному решению чрезвычайно сложных вопросов на местах (здравоохранение, образование, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и т.д.), не учитывали, что если уж раньше, при государственной поддержке всех уровней, эти вопросы решались с трудом, то почему новоявленные муниципалитеты, не имевшие вообще практики самостоятельного публичного управления территорией, смогут это сделать лучше? Не было учтено и то обстоятельство, что большинство субъектов Федерации (края, области), только-только получившие этот статус, также не имели достаточной практики самостоятельного государственного управления. Не удивительно, что отмеченный выше закон 1995 г., предоставивший, по сути, карт-бланш как субъектам Федерации в регулировании местного самоуправления (а у них такого опыта не было, ведь они стали субъектами Федерации только в 1993 г., а до этого сами были «местной

властью»), так и муниципалитетам, очень быстро перестал отвечать реальности. Такое положение изменило государственную стратегию развития местного самоуправления.

И уже с начала 2000-х гг. де-факто был взят курс на последовательную централизацию (огосударствление) местного самоуправления при сохранявшейся де-юре самостоятельности. Так, в новом, и пока действующем, ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003 г.) [5] были заметно сужены полномочия местного самоуправления, равно как и субъектов Федерации в этой сфере, и в дальнейшем законодатель в многочисленных поправках как к этому закону, так и в других нормативно-правовых актах последовательно развивал этот подход (в частности, так, в 2011 г. полномочия органов местного самоуправления в области здравоохранения были переданы на региональный уровень; в 2014 г. был введен институт перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Федерации; в 2015 г. стало возможным избирать главу муниципального образования представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией, половину состава которой определяет губернатор, то есть, по сути, у губернатора существенно расширилась возможность продвигать на эту муниципальную должность «своего» кандидата). Ситуацию усугубляло еще и то обстоятельство, что при сужении полномочий органам местного самоуправления добавлялись все новые и новые предметы ведения (вопросы местного значения), часто заведомо невыполнимые. Так, если в законе 1995 г. количество вопросов местного значения было тридцать (для всех видов муниципальных образований, виды которых определялись не этим законом, а в субъектах Федерации), то в настоящее время в действующем еще ФЗ 2003 г. их численность свыше сорока.), тенденция все чаще стала именоваться в литературе как «вертикализация» власти [6; 7; 8]. Очень сложным было финансовое положение абсолютного большинства муниципальных образований, существенной была (и остается) кадровая проблема в сфере муниципальной службы.

Одновременно чиновники разного уровня, и прежде всего губернаторы, прямо высказывались, что существующая система местного самоуправления не дает им достаточных возможностей влиять на положение дел в регионе, так как должностные лица местного самоуправления административно не подчиняются губернатору. И вот эта устойчивая тенденция в 2020 г. обрела некую законченную форму с принятием известных конституционных поправок, касающихся местного самоуправления, и прежде всего в ст. 131 и 132 Конституции России. Конституционные поправки показывают, что изначально выбранная в начале 1990-х гг. европейская модель местного самоуправления для России в предложенном виде оказалась неприемлемой по многим аспектам. Конституционные поправки-2020 изменили дальнейшее стратегическое развитие института местного самоуправления, в частности, расширены полномочия субъектов Федерации, позволяющие решать организационно-кадровые и иные вопросы, относящиеся к сфере местного самоуправления. Разумеется, это не означает отказа от института местного самоуправления. Но это означает необходимость постепенного внедрения самоуправленческих начал по мере готовности самого гражданского общества, ибо в начале 1990-х гг. взятая планка оказалась явно завышенной.

В 2001 г. в ГД ФС РФ был внесен проект нового федерального муниципального закона [9], который должен заменить пока еще действующий и выше отмеченный федеральный закон 2003 г. Это проект вызвал неоднозначную реакцию в литературе. На наш взгляд, проект закона в целом отражает реально складывающуюся в России ситуация в системе публично-властных отношений, имея в виду местную власть, которая в силу разных причин (недостаточное финансирование, кадровая проблема и др.) не могла эффективно осуществлять свои полномочия. Этот законопроект отразил продолжение ранее выявленной тенденции, связанной с определенным ограничением полномочий местного самоуправления и, соответственно, расширением полномочий органов государственной власти субъектов Федерации по вопросам местного значения. Очевидно,

что это следует расценивать как вынужденное решение. Оно показывает, что тогда, в начале 1990-х гг., для института местного самоуправления была поднята слишком высокая планка ожиданий от его введения. Не было учтено, что в России еще нет достаточного опыта местного самоуправления (в понимании властной структуры), оказался неверным и расчет на источники финансирования этого института.

Вместе с тем нельзя согласиться с концепцией законопроекта в той части, согласно которой поселения как вид муниципального образования не предусмотрены вообще. Как представляется, местное самоуправление нужно сохранить на первичных территориях (села, поселки, небольшие города, микрорайоны в крупных городах). А вот на уровне городских округов и районов местное самоуправление целесообразно трансформировать в государственное управление, тем более, что де-факто это уже происходит.

Подытоживая, следует отметить, что процесс формирования института местного самоуправления – это долгосрочный процесс, и здесь не нужно принимать поспешные решения. Органы местного самоуправления, которые сейчас учреждены, должны набрать достаточный опыт, показать свою эффективность, и только потом, по мере своего «взросления», они будут получать более широкие полномочия и в большей степени отражать публичную власть на местном уровне.

1. Волгин Е.И. Перестройка Горбачева и Ельцина: общее и особенное // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 2. С. 32-36.
2. Вячеславова А.А. Перестройка и распад СССР // IN SITU 2023. № 6. С. 28-32.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, принятыми Законом РФ от 14.02.2020 г. и одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 04.08.2024).
4. Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 1 сентября.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № ФЗ-131 (ред. 08.08.20024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 30.08.2024).
6. Зазулина М. Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7. № 3. С. 275-284.
7. Колесников А.В. Толкование категорий "система" и "структура" органов местного самоуправления: теория и практика // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. № 3. С. 42-61.
8. Слатино В.Б., Меркулова К.Г. Погружение в «Вертикаль»: трансформация статуса и кадрового состава глав административных центров регионов Черноземья в условиях «Малой» муниципальной реформы // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 5. С. 122-130.
9. Законопроект № 40361-8 "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" // СОЗД ГАС «Законотворчество» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 24.06.2024).

Упоров И.В.

**Местное самоуправление и охрана общественного порядка:
проблема наделения полномочиями**

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-410

Аннотация

После распада советского государства в 1991 г. в Российской Федерации стала формироваться обновленная государственность, при этом был заявлен вектор ориентирования опыта европейских стран. Это касалось и организации местной власти – вместо ранее функционировавших местных Советов народных депутатов была

сформирована система местного самоуправления, что нашло отражение в Конституции России 1993 г. В контексте этой концепции на органы местного самоуправления возлагалась функция охраны общественного порядка на территории своего муниципального образования (имелись в виду только городские округа и муниципальные районы), и на этот счет были изданы президентские указы, а также федеральные законы о наделении органов местного самоуправления необходимыми для этого полномочиями. Однако на деле в течение всех прошедших уже более чем тридцать лет даже начать практическую реализацию этой функции так и не удалось. Более того, конституционными поправками-2020 функция охраны общественного порядка была исключена из Конституции России, но сохраняется в пока еще действующем ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В статье рассматриваются организационно-правовые аспекты появления и попыток решения этой важной для общества проблемы.

Ключевые слова: Россия, государственность, органы местного самоуправления, власть, закон, конституция, охрана общественного порядка, законопроект.

Abstract

After the collapse of the Soviet state in 1991, a renewed statehood began to form in the Russian Federation, and the vector of orientation of the experience of European countries was declared. This also concerned the organization of local government - instead of the previously functioning local Councils of People's Deputies, a system of local self-government was formed, which was reflected in the Constitution of Russia of 1993. In the context of this concept, local government bodies were entrusted with the function of protecting public order on the territory of their municipality (meaning only urban districts and municipal districts), and presidential decrees were issued on this account, as well as federal laws on granting local government bodies the powers necessary for this. However, in fact, over the past more than thirty years, it has not even been possible to begin the practical implementation of this function. Moreover, by the constitutional amendments of 2020, the function of protecting public order was excluded from the Constitution of Russia, but is retained in the still valid Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". The article examines the organizational and legal aspects of the emergence and attempts to solve this important problem for society.

Keywords: Russia, statehood, local government bodies, power, law, constitution, protection of public order, draft law.

Ранее, в советском государстве, не было проблемы в том, на какой уровень публичной власти возлагать функцию охраны общественного порядка – разумеется, на государственную, поскольку вся без исключения публичная власть являлась государственной. Однако после 1991 г. согласно Конституции России [1] появилось разграничение: публичная государственная власть на федеральном и региональном уровнях и публичная местная (муниципальная) власть – на местном (муниципальном) уровне (ст. 11, 12), при этом, как указывается в ст. 12, «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». В сфере охраны общественного порядка в начальной редакции Конституции России [1] в ч. 1 ст. 132 указывалось, что органы местного самоуправления «осуществляют охрану общественного порядка». Вместе с тем в Конституции России имелась некоторая неопределенность. Дело в том, что «охрана общественного порядка» согласно п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции России представлена также как функция и Правительства Российской Федерации, которое является органом публичной власти федерального уровня. Но если Правительство России эту функцию реализует в полной мере (в виде деятельности МВД России и других правоохранительных структур), то местное самоуправление так и не приступило к охране общественного порядка, хотя для этого были, казалось бы, созданы необходимые

предпосылки, в частности, соответствующие нормы были включены в федеральное муниципальное законодательство.

Так, уже первом российском законе о местном самоуправлении, принятом в самом конце существования СССР – в 1991 г. (Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» [2]) согласно ч. 2 ст. 15 подлежали обязательному включению в повестку дня сессии Совета предложения главы местной администрации, касающиеся укрепления общественного порядка, охраны прав и свобод граждан. В соответствии с п. «а» и «ж» ст. 31 глава местной администрации «разрабатывает схему управления отраслями местного хозяйства, социальной сферой, а также организации охраны общественного порядка и прав граждан ... вносит по представлению начальника соответствующего органа внутренних дел на утверждение Совета кандидатуру начальника отдела (управления) внутренних дел, утверждает в должности и освобождает от нее начальника милиции общественной безопасности (местной милиции)» [2]. Согласно ст. 54 поселковая, сельская администрация «утверждает в должности участковых инспекторов милиции, контролирует их работу, оказывает содействие органам милиции, ГАИ, пожарной охраны в осуществлении их функций» [2]. В ст. 65, 76 указывалось, что районная (городская) администрация «руководит районными органами внутренних дел; создает за счет собственных и привлеченных средств дополнительные подразделения милиции общественной безопасности (местной милиции)» [2].

Следует заметить, что эти полномочия местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка являлись самыми широкими за всю историю законодательного регулирования института местного самоуправления. Однако этот закон так и не стал реальностью. Сейчас, очевидно, можно говорить о том, что ошибкой было одномоментная передача на уровень местного самоуправления слишком широкого объема полномочий в разных сферах социально-экономической жизни, и самостоятельно управлять силовым блоком в городах и районах местные администрации еще не были готовы.

Тем не менее эта направленность сохранялась. Так, в принятом в 1995 г. в развитие конституционных норм первом постсоветском полномасштабном муниципальном законе федерального уровня - ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 г.[3] по-прежнему на местное самоуправление возлагалась охрана общественного порядка. Например, в числе вопросов местного значения в п. 8 ч. 1 ст. 6 определялось: «охрана общественного порядка, организация и содержание муниципальных органов охраны общественного порядка, осуществление контроля за их деятельностью» [3]. Однако в действительности данный вопрос местного значения не был реализован (не было даже начальных шагов) ввиду того, что не было ясно, каким образом разграничивать полномочия между федеральными и муниципальными правоохранительными структурами (в ФЗ 1995 г. этого не было сделано), а также по причине того, что муниципальные бюджеты были не в состоянии финансировать местную милицию (подразделения по охране общественного порядка).

В результате функция местного самоуправления оказалась без движения – в законе есть, а в практике нет [4]. Федеральная власть решила предварительно исследовать данный вопрос. Сначала был издан Указа Президента России от 3 июня 1996 г. «О поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка», где предписывалось (Правительству России) разработать проекты законов, предусматривающие комплексный подход к решению задач, связанных с формированием муниципальных органов охраны общественного порядка вне системы МВД России, включая статус и структуру таких органов, формы и методы их взаимодействия с ОВД и т.д. Во исполнение этого указа в 1996 г. был разработан проект ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка в Российской Федерации» [5, с. 164]. Было также решено на этой основе провести эксперимент, и он был проведен в конце 1990-х гг. в ряде регионов (в десяти субъектах

Федерации) России по исполнению органами местного самоуправления конституционной функции, связанной с охраной общественного порядка. Однако эксперимент в итоге показал отрицательный результат, признанный в Указе Президента России от 2 июня 2000 г. «О завершении эксперимента по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления», в литературе назывались причины этого [6; 12].

В целом и сам ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" 1995 г. оказался далеким от реальности, и в 2003 г. был принят новый закон с тем же названием [7]. Здесь применительно к муниципальным районам и городским округам в рассматриваемой сфере общественных отношений были закреплены два вопроса местного значения: «организация охраны общественного порядка» (эту функцию должна выполнять муниципальная милиция) и «создание условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка соответственно в поселениях и городских округах». Однако при этом законодатель в части муниципальной милиции сделал очень серьезную оговорку о том, что реализацию вопроса местного значения об охране общественного порядка органы местного самоуправления могут осуществлять только после принятия федерального закона о муниципальной милиции.

Но такого закона так и не было принято, поскольку предлагаемые его концепции и проекты не находили необходимой поддержки у специалистов, ученых, депутатов и в целом у общественности. В частности, в 2011 г. депутат Государственной Думы ФС РФ А.Г. Назаров предложил дать субъектам Федерации полномочия создавать муниципальную милицию [8]. В 2016 г. полномасштабный проект о муниципальной милиции был внесен в ГД ФС РФ политической партией «Справедливая Россия» [9]. Но законопроекты не были поддержаны. Так, по последнему проекту предполагалось в состав муниципальной милиции включить дежурные части, подразделения патрульно-постовой службы, по исполнению административного законодательства, участковых уполномоченных, инспекции по делам несовершеннолетних и другие подразделения, осуществляющие охрану общественного порядка. Основаниями отклонения законопроекта стали следующие основные замечания: не решен вопрос об источниках финансирования; не разграничены должным образом полномочия полиции и муниципальной милиции; не был предусмотрен переходный период и эксперимент по созданию муниципальной милиции в пилотных регионах [9]. Указывалось также на то, что опыт учреждения и деятельности муниципальной милиции в некоторых муниципальных образованиях показал низкую эффективность [10, с. 11].

Между тем продолжавшееся углубление кризиса местного самоуправления стало одной из причин известных конституционных поправок-2020 [15], которые привнесли новые направления в дальнейшее стратегическое развитие российского общества и государства. В частности, конституционными поправками были расширены полномочия органов госвласти, позволяющие решать организационно-кадровые и иные вопросы, относящиеся к сфере местного самоуправления. Этими же поправками из ч. 1 ст. 132 Конституции России функция охраны общественного порядка была вообще исключена. Однако такое решение вызывает неоднозначную оценку.

Дело в том, что охрана общественного порядка - это неотъемлемая функция публичной власти общей компетенции всех публично-территориальных образований (Российская Федерация как единое государство, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования). Кроме того, акцентированное включение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти и повышенные конституционные права органов госвласти (и прежде всего субъектов Федерации) в части воздействия на решение вопросов местного значения, казалось бы, по логике вещей, должны, напротив, предполагать более активное продвижение функции охраны общественного порядка органами местного самоуправления с точки зрения ее реализации. Но, как мы видим, этого не произошло. Кроме того, в действующем ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" функция охраны общественного порядка для муниципального района, муниципального округа и городского округа по-прежнему сохраняется, на что обращается внимание в литературе [11, с. 10].

На основе указанных выше конституционных поправок-2020 был разработан проект нового федерального муниципального закона под названием «Об общих

принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [12] внесенном в российский парламент в декабре 2021 г. и принятие которого оттягивается по ряду причин, в том числе ввиду многих дискуссионных вопросов в связи с заметным уменьшением самоуправленческих начал в системе местного самоуправления и, соответственно, расширением полномочий органов государственной власти по решению вопросов на местном уровне. Как представляется, в целом законопроект отражает объективно складывающуюся в России ситуацию, при которой органам госвласти субъектов Федерации приходится все чаще вторгаться в сферу местного самоуправления – с тем, чтобы не допустить положения, когда, например, конституционные права граждан, обеспечение которых зависит прежде всего от местной власти, жители не могут реализовать. Однако по ряду аспектов, на наш взгляд, более эффективным представляются иные подходы.

Это касается и вопроса об организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления. Прежде всего отметим, что с правовой точки зрения отсутствие этой функции в Конституции России не исключает его появления в текущем законодательстве. Далее, охрана общественного порядка как вопрос местного значения, нуждается, очевидно, в более определенном механизме реализации, учитывающим реальное положение дел на местах. И в этом контексте мы не можем согласиться с тем, что согласно законопроекту местное самоуправление должно осуществляться только в городских и муниципальных округах (мы не берем в расчет муниципальные образования в городах федерального значения как не характерные для всей России), соответственно законопроектом исключаются поселения и внутригородские районы как виды муниципальных образований. Между тем в городских и муниципальных округах очень затруднительно сформировать муниципальный коллектив, который мог бы реализовать инициативы жителей по вопросам местного значения. Поэтому в городских и муниципальных округах целесообразно формировать государственную власть субъекта Федерации (исполнительную структуру) с ее гораздо большими ресурсами (например, главу округа назначает губернатор).

Соответственно функция охраны общественного порядка на этих территориях будет осуществляться государственными органами полиции. При этом местное самоуправление целесообразно сохранять в поселениях и внутригородских районах. Количество вопросов местного значения у них должно быть значительно снижено - с тем, чтобы их выполнение было реальным. Поэтому именно на уровне поселений (внутригородских районов) целесообразно передать частично функцию по охране общественного порядка, и такой переход должен осуществляться поэтапно. Сначала, очевидно, можно передать в ведение органов местного самоуправления полномочия, не связанные с применением силовых методов деятельности, то есть, речь идет об участковых уполномоченных, а также подразделениях по делам несовершеннолетних. В дальнейшем, по мере обретения опыта, возможна передача и других подразделений.

В литературе также высказываются о целесообразности сохранения функции охраны общественного порядка у органов местного самоуправления. Так, Р.Р. Файзуллин пишет, что «эта функция в реализуемой компетенции местного самоуправления помогает обеспечивать правопорядок совместно с населением, и важно обеспечить качественную реализацию данного полномочия местного самоуправления» [13, с. 200]. Интересные суждения в этом же направлении предлагают Д.М. Гаджиев [14], А.В. Мазеин [15] и другие авторы. Добавим, что при этом не следует торопить события, поскольку такого рода социальные и организационно-правовые процессы требуют много времени, и счет может идти на десятилетия.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Закон РСФСР от 06.07. 1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. N 29. Ст. 1010.
3. Федеральный закон от 28.08.1995 N 154-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Российская газета. 1995. 1 сентября.

4. Корыц С.И., Сургутсков В.И., Филиппов О.Ю. Полномочия муниципальных органов по охране общественного порядка: в поисках золотой середины // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 192-199.
5. Попов В.А., Виноградов М.Ю. К вопросу о законодательном закреплении института муниципальной милиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 162-167.
6. Мухтаров М.Г. Эксперимент в муниципальных образованиях Российской Федерации // Вопросы структуризации экономики. 2001. № 8 С. 44-48.
7. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.08.2024).
8. Законопроект № 634752–5 от 23.11.2011 О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности / <https://sozd.duma.gov.ru/bill/634752-5> (дата обращения: 11.06.2024).
9. Законопроект № 385–7 от 05.10.2016 «О муниципальной милиции в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности / <https://sozd.duma.gov.ru/bill/385-7> (дата обращения: 11.06.2024).
10. Бекетов О.И., Шухман Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2024).
11. Мироненко, С. С. Обеспечение общественного порядка органами местного самоуправления: проблемы и перспективы в свете конституционной реформы 2020 года// Новый юридический вестник. 2023. № 3 (42). С. 7-14.
12. Законопроект № 40361-8 "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" // СОЗД ГАС «Законотворчество» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 11.07.2024.).
13. Файзуллин Р.Р. Охрана общественного порядка в компетенции местного самоуправления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11. С. 199-201.
14. Гаджиев Д. М. Формы, методы и оценка деятельности представительных и исполнительных органов местного самоуправления по предупреждению преступлений в муниципальных образованиях Республики Дагестан // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 125-133.
15. Мазеин А. В. Правовое регулирование публичного администрирования в сфере обеспечения общественной безопасности на местном уровне // Муниципалитет: экономика и управление. 2023. № 3. С.68-76.

Уповор И.В.

Регулирование статуса местной власти в Конституции СССР 1977 года

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-411

Аннотация

С образованием СССР были приняты три союзные Конституции – 1925, 1936 и 1977 гг. В каждой из них определялись основы устройства и полномочия органов публичной власти, включая местный уровень этой власти (местные Советы народных депутатов). В течение этого периода статус местных Советов народных депутатов некоторым образом видоизменялся, и наиболее четко он был отрегулирован в «брежневской» Конституции СССР 1977 г. В статье представлен анализ норм этого акта, характеризующих статус местных Советов народных депутатов в виде областных, краевых, районных, городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов, которые в совокупности составляли местную власть; делаются также ссылки на научные труды, в которых затрагивается заявленная тема. Отмечается, в частности, что в Конституции СССР находил отражение новый этап развития советского общества, и ставилась цель построения коммунизма, и в этом существенная роль отводилась общественному самоуправлению в виде прежде всего местных Советов. Местным органам государственной власти в Конституции СССР посвящена Глава 19. В целом местным Советам народных депутатов были предоставлены широкие полномочия. Однако при этом исполкомы местных Советов народных депутатов имели

административное подчинение вышестоящим органам государственной власти, а местные депутаты избирались на безальтернативной основ. При таких обстоятельствах, с учетом монопольно правящей КПСС, местные Советы являлись в основном органами, исполняющими решения вышестоящих советско-партийных инстанций, то есть, их самостоятельность как органов местной власти в реальности была значительно меньше, чем определенная в Конституции СССР.

Ключевые слова: местная власть, советское государство, социализм, Советы, депутаты, полномочия, исполкомы, власть.

Abstract

With the formation of the USSR, three Union Constitutions were adopted - 1925, 1936 and 1977. Each of them defined the foundations of the structure and powers of public authorities, including the local level of this authority (local Councils of People's Deputies). During this period, the status of local Councils of People's Deputies was modified in some way, and it was most clearly regulated in the "Brezhnev" Constitution of the USSR of 1977. The article presents an analysis of the provisions of this act, characterizing the status of local Councils of People's Deputies in the form of regional, territorial, district, city, settlement and village Councils of People's Deputies, which together constituted the local government; references are also made to scientific works that touch on the stated topic. It is noted, in particular, that the Constitution of the USSR reflected a new stage in the development of Soviet society and set the goal of building communism, and in this a significant role was assigned to public self-government in the form of primarily local Councils. Chapter 19 of the USSR Constitution is devoted to local bodies of state power. In general, local Councils of People's Deputies were granted broad powers. However, at the same time, the executive committees of local Councils of People's Deputies had administrative subordination to higher bodies of state power, and local deputies were elected on an uncontested basis. Under such circumstances, given the monopoly ruling CPSU, local Councils were mainly bodies implementing decisions of higher Soviet-Party authorities, that is, their independence as bodies of local power in reality was significantly less than that defined in the USSR Constitution.

Keywords: local government, Soviet state, socialism, Soviets, deputies, powers, executive committees, power.

Конституция СССР 1977 г. неформально часто именуется «брежневской», и прежде всего в том контексте, что была принята в годы исторического периода СССР, определяемого историками как «застой». Однако как сам пафос этой Конституции СССР, так те цели, которая ставятся в ней, к тому времени уже не соответствовали реальному положению советской экономики, где действительно имели место застойные явления, недостаток товаров народного потребления, невыполнение планов по многим позициям, что в итоге привело к «горбачевской» перестройке (1985-1991 гг.), закончившейся распадом советского государства [7; 8]. В этих условиях местные Советы народных депутатов были поставлены в сложное положение, но подробно данный аспект здесь не рассматривается. В довольно пространной преамбуле Конституции СССР 1977 г. [4] указывалось, что сложившее советское общество – это «общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает эффективное управление всеми общественными делами, все более активное участие трудящихся в государственной жизни», и далее, в завершение преамбулы, указывалось, что данная Конституция СССР: «закрепляет основы общественного строя и политики СССР, устанавливает права, свободы и обязанности граждан, принципы организации и цели социалистического общенародного государства» [4].

В ст. 7 Конституции СССР констатировалось возрастание роли общественных организаций в управлении обществом, тем самым, подчеркивалось стремление к развитию народовластия. Конституция закрепила широкие права за депутатами Советов,

составляющими «политическую основу СССР». При этом местные Советы народных депутатов представляли собой нижнее звено единой госвласти. Закрепляя полномостный характер Советов народных депутатов на соответствующей территории, Конституция СССР определяла, что местные Советы народных депутатов не только решают все вопросы местного значения (согласно ст. 146 Конституции СССР), но и участвуют в обсуждении вопросов республиканского и общесоюзного значения, и тем самым предоставлялись дополнительные возможности для более эффективного взаимодействия субъектов всех уровней публично-властных отношений. Система местных Советов народных депутатов формировалась в соответствии с административно-территориальным делением и охватывала краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы народных депутатов.

В этом контексте районные Советы народных депутатов в союзных республиках, имевших областное деление, выступали как связующее звено между органами власти областей (краев) и населенных пунктов; в остальных союзных республиках районные Советы народных депутатов являлись высшим звеном системы местных органов власти. Городские советы народных депутатов являлись органами госвласти в городах. По подчиненности они подразделялись на городские советы городов республиканского (союзной республики и АССР), краевого, областного, окружного (автономных округов) и районного подчинения. Районные в городах Советы народных депутатов являлись органами власти внутригородских территориальных единиц. Советы народных депутатов автономных округов являлись органами власти национально-административных образований, населенных малыми народностями. При этом имел место подход, когда союзные органы госвласти определяли полномочия и важнейшие направления нижестоящих органов госвласти и руководили ими, то есть, функционировала «вертикаль» власти.

Так, в ст. 73 Конституции СССР указывается, что ведению Союза ССР подлежит «установление общих начал организации и деятельности республиканских и местных органов государственной власти и управления» [4]. Следует заметить, что такой подход воспринят и действующей Конституцией России 1993 г. Однако, в отличие от современного положения, тогда, в Конституции СССР 1977 г., в системе Советов народных депутатов «сверху до низу», то есть, от Верховного Совета СССР до сельского Совета народных депутатов, действовал принцип административной соподчиненности нижестоящих и вышестоящих Советов.

В этом смысле система Советов народных депутатов являлась ведущим звеном государственной власти и управления на всех уровнях публично-властных отношений. Так, согласно ст. 146 Конституции СССР местные Советы народных депутатов решали все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории Совета народных депутатов, проводят в жизнь решения вышестоящих государственных органов [4]. Данное положение детализировалось в республиканских законах о местных Советах народных депутатов применительно к органам государственной власти различных звеньев.

При этом нужно иметь в виду, что под «местными Советами народных депутатов» подразумевались представительные органы власти, состоявшие из местных депутатов, избираемых формально вполне демократично, то есть, на прямых выборах гражданами, хотя фактических в то время альтернативных выборов не было, а кандидаты в депутаты предварительно еще проходили процедуру одобрения в местных партийных организациях; вместе с тем, несмотря на такую заформализованность, местными депутатами становились достойные граждане (статус местных депутатов исследован, в частности, в работе А.А. Фоминой [6]). А Советы народных депутатов, в свою очередь, формировали из числа депутатов исполнительные комитеты, которые считались органами государственного управления (ст. 149 Конституции СССР). Однако, по мнению А.И.

Казанника, «разделение функций местных Советов на представительские функции и функции государственного управления было условным» [2, с. 16].

Согласно ст. 146 Конституции СССР «местные Советы народных депутатов руководят на своей территории государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством; утверждают планы экономического и социального развития и местный бюджет; осуществляют руководство подчиненными им государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями; обеспечивают соблюдение законов, охрану государственного и общественного порядка, прав граждан; содействуют укреплению обороноспособности страны» [4]. Как видно, местные Советы народных депутатов представляли собой публичную власть общей компетенции на нижнем уровне публично-властных отношений.

Следует далее заметить, что в связи с принятием Конституции СССР 1977 г. был обновлен ранее принятые акты о Советах народных депутатов, в частности, речь идет о новой редакции Закона СССР «О статусе народных депутатов в СССР» [9]. Этот закон определял статус народных депутатов всех уровней, включая местный. В ст. 5 закона устанавливалось, что депутат осуществлял свои полномочия, не порывая с производственной или служебной деятельностью, соответственно это делалось безвозмездно. Такой подход, вероятно, предполагал отсутствие у депутатов привилегированного положения, его непосредственную связь с избирателями. Но, с другой стороны, возникает вопрос: насколько качественно депутат мог выполнять свои обязанности по совместительству [10, с. 68]. Этот вопрос в последующем, имея в виду современную Россию, нашел следующее решение: депутаты федерального уровня осуществляют свою деятельность на профессиональной основе, а депутаты регионального и муниципального уровня - на общественных началах, но с возможностью для части депутатов исполнять свои полномочия также на профессиональной основе. Специальный раздел рассматриваемого закона был посвящен деятельности депутата в Совете (раздел 2). Указывалось, в частности, что «Депутат обязан присутствовать на каждой сессии Совета и активно участвовать в ее работе» (ст. 11). Далее излагались права депутата во время его работы в Совете (ст. 12-17), в частности, указывалось, что депутат; пользуется решающим голосом по всем вопросам, рассматриваемым советом на сессии, имеет право избирать и быть избранным в органы Совета; вправе предлагать вопросы для рассмотрения Советом, вносить предложения по повестке дня сессии, порядку рассмотрения и существу обсуждаемых вопросов и др. Согласно ст. 20 депутат местного Совета не реже двух раз в год обязан был отчитываться о своей работе и работе Совета перед избирателями и перед коллективами и общественными организациями, выдвинувшими его кандидатом в депутаты. Отчет депутата мог быть проведен в любое время по требованию коллективов и общественных организаций, выдвинувших его кандидатом в депутаты, либо по требованию собраний избирателей по месту их жительства. Согласно ст. 25 «депутат обязан стоять на страже советских законов, активно участвовать в борьбе с правонарушениями, в воспитании трудящихся в духе высокой сознательности, исполнения гражданского долга, неуклонного соблюдения социалистической законности» [9]. Еще одна особенность Закона о статусе депутата заключалась в том, что он восполнил пробелы, имевшиеся в нормотворческой практике по регулированию депутатской деятельности, в нем учтены многие новеллы, имевшиеся в законодательной практике союзных республик. В этом смысле данный закон представлял собой акт кодификационного характера.

Помимо союзного Закона о статусе депутата, несколько позже (в августе 1979 г.) были приняты в новой редакции акты республиканского характера, в которых некоторым уточнялся статус народных избранников, и прежде всего речь шла о местных депутатах. Так, в РСФСР изменились редакции законов «О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР» [11], «О районном Совете народных депутатов РСФСР» [12], «О городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся РСФСР» [13]. Эти акты,

развивая положения Конституции СССР 1970 г. и Конституции РСФСР 1978 г. [14]), стали правовой основой для деятельности местных Советов применительно к условиям советского общества конца 1970-х - первой половины 1980-х годов [15, с. 398]. В этом ряду новым был Закон РСФСР «О порядке отзыва депутата местного Совета народных депутатов РСФСР» [16], который основаниями отзыва народного избранника устанавливал следующие: неоправдание доверия избирателей; совершение действия, не достойного звания депутата.

Если иметь в виду структурное построение норм о местных Советах в Конституции СССР 1967 г., то в отличие от прежних общесоюзных конституций, регулирование вопросов деятельности местного управления стало более лаконично. Однако в Конституции РСФСР 1978 г. и конституциях других союзных республик, принятых на основе союзной Конституции СССР 1977 г., объем регулирования достаточно большой. Так, согласно ст. 143 Конституции РСФСР [3] «местные Советы народных депутатов, осуществляя руководство деятельностью нижестоящих Советов, имеют право отменять акты нижестоящих Советов в случае несоответствия этих актов законодательству» [3], то есть, имела место «государственная» теория местного самоуправления с неперемной для советского государства вертикалью власти снизу доверху.

Вместе с тем имеется и новелла, которая заключается в том, что отмена решений нижестоящих Советов народных депутатов может быть только «в случае несоответствия этих актов законодательству» - ранее такой оговорки не было. На наш взгляд, тем самым институт советского местного самоуправления пусть не быстро, но все же эволюционировал в сторону «общественной» теории местного самоуправления. В ст. 141 Конституции РСФСР впервые был введен институт исключительной компетенции местных Советов. Более развернуто исключительные полномочия местных Советов определялись в текущем законодательстве. Так, в 1979 г. были утверждены в новой редакции Законы РСФСР «О поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР» и «О районном Совете народных депутатов РСФСР»; эти акты, наряду с конституционными нормами, стали правовой основой для деятельности местных Советов применительно к условиям советского общества конца 1970-х – первой половины 1980-х гг.

Помимо этого, республиканские конституции более четко определяли соотношение функций и полномочий исполкомов с компетенцией избравших их Советов народных депутатов. В целом в Конституции СССР 1977 г. был акцент сделан на развитии демократических основ и расширении полномочий местных Советов народных депутатов [1, с. 17]. Так, согласно ст. 147 местные Советы «обеспечивают комплексное экономическое и социальное развитие на их территории; осуществляют контроль за соблюдением законодательства расположенными на этой территории предприятиями, учреждениями и организациями вышестоящего подчинения; координируют и контролируют их деятельность в области землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения» [4].

Как отмечается в этой связи в историко-правовой литературе, «функция руководства комплексным экономическим и социальным развитием по Конституции СССР 1977 г. стала принадлежать всем местным Советам, в том числе поселковым и сельским, что ранее не было им свойственно по закону» [5, с. 58]. Следует подчеркнуть, что закрепленная в Конституции СССР 1977 г. система местных органов власти, основу которых составляли местные Советы народных депутатов, функционировала практически до конца существования СССР (1991 г.).

Но и после распада СССР фактически местные органы власти уже в постсоветской России, во всяком случае, в первой половине 1990-х гг., формировались на основе прежних местных Советов народных депутатов, прежнего кадрового состава и

наработанного местными Советами народных депутатов опыта решения вопросов местного значения. Более того, элементы системы местных Советов народных депутатов спустя уже более тридцати лет после распада СССР в определенной степени вновь стали востребованы, о чем свидетельствуют известные конституционные поправки-2020, которыми, в частности, внесены изменения в ст. 131, 132 действующей Конституции России, в части взаимодействия органов публичной власти разных уровней. Это говорит о том, что следует внимательно и бережно относиться к конституционной истории нашей страны, какие бы повороты в ней не случались.

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: РЮИД, «Сашко», 2000. 528 с.
2. Казанник А. И. Координация в системе функций местных Советов. - Томск: ТГУ, 1980. 250 с.
3. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. N 15. Ст. 407.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // ВС СССР. 1977. N 41. Ст. 617.
5. Москалев А.В. Проблемы совершенствования местных Советов народных депутатов. - Свердловск: УГУ, 1988. - 173 с.
6. Фомина А.А. Характеристика института местных Советов народных депутатов в Конституции СССР 1977 г. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 5. С. 88-90.
7. Шаблинский И.Г. Два застоя: политико-правовые аспекты // Труды по Россияведению: сб. научн. тр. Вып. 6. М.: ИНИОН, 2016. С. 174-185.
8. Губанов С.И. «Косыгинская реформа»: итоги и уроки // Экономический портал // <http://institutiones.com/personalities/672-kosiginskaya-reforma.html> (дата обращения - 18.08.2024).
9. Закон СССР от 20.09.1972 г. (ред. 19.04.1979 г.) «О статусе народных депутатов в СССР» // Законы СССР и РСФСР о местных Советах народных депутатах. - М.: Политиздат, 1982. С. 3-12.
10. Комментарий к закону о статусе народных депутатов в СССР / А.И. Лукьянов и др. -М.: Юрич. лит-ра, 1987. 285 с.
11. Закон РСФСР от 19.07.1968 г. (ред. 03.08.1979 г.) «О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2024).
12. Закон РСФСР от 29.07.1971 г. (ред. 03.08.1979 г.) «О районном Совете депутатов трудящихся РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения - 12.02.2024).
13. Закон РСФСР от 29.07.1971 г. (ред. 03.08.1979 г.) «О городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения -12.02.2024).
14. Конституция (Основной закон) РСФСР (Принята Постановлением Верховного Совета РСФСР от 12.04.1978 г.) // Ведомости ВС РСФСР. № 15. Ст. 407.
15. Сырых В. М. История государства и права. Советский и современный периоды. М.: Юрист, 1999. 484 с.
16. Закон РСФСР от 27.10.1960 г. (ред. от 12.12. 1979 г.) «О порядке отзыва депутата местного Совета народных депутатов РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения - 12.02.2024).

Упов И.В.

**Структура и содержание законов о местном самоуправлении
в СССР, РСФСР, Российской Федерации: краткий историко-правовой обзор**

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-412

Аннотация

Институт местного самоуправления в современном его понимании стал формироваться на исходе известной горбачевской «перестройки» (1985-1991 гг.), закончившейся, как известно, распадом СССР. Тогда система функционировавших ранее местных Советов народных депутатов не получила поддержки реформаторов и пошел процесс их трансформации в систему местного самоуправления. Основным вектор этой трансформации заключался в том, чтобы органы местного самоуправления, в отличие от местных Советов народных депутатов, получали большую самостоятельность,

организационно отграничивались от органов государственной власти, и приобретали право издавать нормативно-правовые акты по многим сферам социально-экономической жизни. В статье представлен краткий обзор общегосударственных законодательных актов, которыми регулировался институт местного самоуправления, при этом акцент делается на освещении их структуры, содержания, особенностях законодательной техники. Соответственно анализируются Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990 г.), Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» (1991 г.), федеральные законы с одинаковым названием «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (1995 и 2003 гг., причем закон 2003 г. пока еще является действующим); рассмотрен также проект нового федерального муниципального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (2021 г.). Делаются авторские обобщения, в частности, указывается, что законы о местном самоуправлении отражают особенности социально-правового развития российского общества, в том числе это связывается с постепенным ограничением самостоятельности местного самоуправления, что является вынужденным решением.

Ключевые слова: закон, местное самоуправление, СССР, РСФСР, Российская федерация, публичная власть, полномочия, конституция, общество.

Abstract

The institution of local self-government in its modern understanding began to form at the end of the famous Gorbachev "perestroika" (1985-1991), which ended, as is known, with the collapse of the USSR. Then the system of previously functioning local Councils of People's Deputies did not receive the support of the reformers and the process of their transformation into a system of local self-government began. The main vector of this transformation was that local government bodies, in contrast to local Councils of People's Deputies, received greater independence, organizationally delimited themselves from state authorities, and acquired the right to issue normative legal acts in many areas of socio-economic life. The article provides a brief overview of national legislative acts that regulated the institution of local self-government, with an emphasis on highlighting their structure, content, and features of legislative technique. Accordingly, the following are analyzed: the Law of the USSR "On General Principles of Local Self-Government and Local Economy in the USSR" (1990), the Law of the RSFSR "On Local Self-Government in the RSFSR" (1991), federal laws with the same name "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" (1995 and 2003, with the 2003 law still in force); the draft of the new federal municipal law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" (2021) is also considered. The author's generalizations are made, in particular, it is indicated that the laws on local self-government reflect the peculiarities of the socio-legal development of Russian society, including this is associated with the gradual limitation of the independence of local self-government, which is a forced decision.

Keywords: law, local government, USSR, RSFSR, Russian Federation, public authority, powers, constitution, society.

Первым законодательным актом, в котором была предпринята попытка реформировать институт местной власти в виде системы местных Советов народных депутатов, которая функционировала к тому времени уже более семидесяти лет, стал союзный Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», принятый в 1990 г. [1]. В этом акте местные Советы народных депутатов структурно еще сохраняются, но одновременно впервые на законодательном уровне провозглашается институт местного самоуправления, в который, помимо местных Советов народных депутатов, включались и другие составляющие. В преамбуле данного акта концепция местного самоуправления, необходимость в котором стала проявляться

буквально в последние два года существования советского государства как следствие проводимой в то время горбачевской «перестройки», определялась следующим образом: «Местное самоуправление в СССР является частью социалистического самоуправления народа и призвано обеспечить реализацию прав и свобод граждан, их самостоятельность в решении вопросов социального и экономического развития территории, охраны окружающей среды» [1].

Далее (ст. 1) следовало определение местного самоуправления – «самоорганизация граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения, исходя из интересов населения и особенностей административно-территориальных единиц, на основе законов и соответствующей материальной и финансовой базы» [1]. В целом союзный закон сравнительно небольшой по объему – в нем 27 статей (26 000 знаков с пробелами). Структурно закон состоял из 4 разделов (без деления на главы): 1) Понятие, система и принципы местного самоуправления; 2) Экономическая основа местного самоуправления; 3) Финансовая основа местного самоуправления; 4) Гарантии местного самоуправления.

Такой подход – в структурном плане – в целом будет выдерживаться и во всех последующих законах о местном самоуправлении. Это касается и таких фундаментальных принципов организации местного самоуправления, как выборность органов местного самоуправления, гласность, добровольность участия в их работе, наделение собственной компетенцией и др. В содержательном плане специфика понимания местного самоуправления состояла в том, что этим актом местные Советы народных депутатов еще не были выведены из системы органов госвласти, и в нем находила отражение распространенная в советском обществе теория, согласно которой Советы народных депутатов воплощали два начала: органов государственной власти и местного (народного) самоуправления [2, с. 82]. При этом в ст. 3 указывалось, что основным звеном в системе местного самоуправления являются местные Советы народных депутатов, а также другие звенья: органы территориального общественного самоуправления (советы и комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, домовые, уличные, квартальные, поселковые, сельские комитеты и другие органы), местные референдумы, собрания, сходы граждан, иные формы непосредственной демократии [1].

Как видно, единой организованной структуры местного самоуправления еще не было. И соединение властных структур (местных Советов народных депутатов) с общественными структурами под названием «местное самоуправление» во многом было искусственным. В РСФСР, как известно, к концу существования СССР, наблюдались более радикальные подходы российской политической элиты к общественно-государственному устройству, чем на союзном уровне. Это касалось и института местного самоуправления, что видно по Закону РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» 1991 г. [3]. В этом законе российский законодатель воспринял ряд европейских элементов в организации местного самоуправления, в частности, ограничивал представительные органы местного самоуправления (те же местные Советы в лице их сессий) от исполнительных структур – таковыми объявлялись местные администрации, причем глава местной администрации, который руководил администрацией на принципах единоначалия, впервые в российской истории избирался всенародно.

Также впервые предусматривался устав местного самоуправления, имелся еще ряд новелл. Однако сохранялась указанная выше и присущая советскому государству административная соподчиненность исполнительных структур (ст. 29): «Местная администрация подотчетна соответствующему местному Совету, а также вышестоящим исполнительным и распорядительным органам в пределах их компетенции» [3]. Структурно закон состоял из 7 разделов и 11 глав. Разделы были следующими: 1) Общие положения; 2) Структура и организационные основы деятельности местных органов власти и управления; 3) Экономическая основа местного самоуправления; 4) Финансовая основа местного самоуправления; 5) Компетенция местных Советов и местной

администрации; 6) Территориальное общественное самоуправление населения; 7) Гарантии местного самоуправления. Объем текста составлял 147 000 знаков. Местное (территориальное) самоуправление определялось как «система организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических, национально - этнических и иных особенностей, на основе Конституции РСФСР и законов РСФСР, конституций и законов республик в составе РСФСР»[3].

Указывалось также, что местное самоуправление должно было осуществляться в границах районов, городов, районов в городах, поселков, сельсоветов, сельских населенных пунктов. Законодательную базу местного самоуправления составляли Конституция РСФСР, Закон 1991 г., другие законодательные акты РСФСР, конституции и законы республик в составе РСФСР, а также актами Союза ССР по вопросам, переданным ему РСФСР. Как видно, регулирование осуществлялось только на законодательной основе. Однако на уровне краев (областей), в отличие от республик в составе России, законодательного регулирования еще не было, поскольку края (области) еще не являлись полноценными субъектами Федерации, более того, еще недавно они сами имели статус местных Советов, и только с принятием Конституции России 1993 г. края (области) обретут статус полноценных субъектов Федерации.

В принятой в 1993 г. Конституция России был существенно изменен статус местного самоуправления, отграничив этот институт от государственной власти (ст. 12, глава 8 Конституции России). Затем в развитие конституционных норм был принят первый постсоветский полномасштабный муниципальный закон федерального уровня - ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 г. [4] (ФЗ 1995 г.). Структурно этот закон состоял из восьми глав: 1) Общие положения; 2) Территориальные основы местного самоуправления; 3) Органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления; 4) Формы прямого волеизъявления граждан и другие формы осуществления местного самоуправления; 5) Финансово-экономическая основа местного самоуправления; 6) Гарантии местного самоуправления; 7) Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, контроль за их деятельностью; 8) Заключительные и переходные положения. Объем текста ФЗ 1995 г. составил 65 000 знаков. В ст. 2 определялось и понятие местного самоуправления: «признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций»[6].

При этом в той же статье указывалось, местное самоуправление является «выражением власти народа». В ФЗ 1995 г. появляются ставшие привычными такие категории, как «муниципальное образование», «вопросы местного значения», «выборное должностное лицо местного самоуправления», «глава муниципального образования», «муниципальная служба» и др. Достаточно четко выделяются полномочия федерального центра и полномочия субъектов в сфере местного самоуправления; формулируется перечень вопросов местного значения (компетенция) местного самоуправления, причем этот перечень открытый; раскрываются основные формы реализации населением права на местное самоуправление. Законодатель предоставил местному самоуправлению наиболее широкие полномочия за всю историю местного самоуправления в России, что было своеобразным карт-бланшем для местной власти. Однако, как показала практика, нормы ФЗ 1995 г. оказались весьма далеки от реальных возможностей и способностей муниципалитетов самостоятельно решать все вопросы местного значения (недостаточное финансирование, кадровая проблема, отсутствие опыта самоуправленческой деятельности в силу особенностей исторических традиций и др.).

По указанным причинам ФЗ 1995 г. действовал недолгое время. В 2003 г. был принят следующий, и пока еще действующий ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5] (далее – ФЗ 2003 г.). Этот акт более совершенен с точки зрения юридической техники. Структурно он состоит из 12 глав: 1) Общие положения; 2) Принципы территориальной организации местного самоуправления; 3) Вопросы местного значения; 4) Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями; 5) Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления; 6) Органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления; 7) Муниципальные правовые акты; 8) Экономическая основа местного самоуправления; 9) Межмуниципальное сотрудничество; 10) Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, контроль и надзор за их деятельностью; 11) Особенности организации местного самоуправления; 12) Переходные положения. Объем текста Закона 2003 г. (в начальной редакции) составлял 224 000 знаков, в дальнейшем, после внесения изменений, объем расширился.

Структурно ФЗ 2003 г. схож с ФЗ 1995 г., но значительно превышает по объему. Законодатель по иному трактует понятие местного самоуправления (ст. 1): «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, - законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций» [5]. В законе жестко определяются виды муниципальных образований и соответствующие им закрытые перечни вопросов местного значения, чего не было в предыдущем законе.

В дальнейшем ФЗ 2003 г. множество изменений, направленность которых отражает последовательный процесс «огосударствления» местного самоуправления, когда полномочия местного самоуправления сужаются, а полномочия органов госвласти субъектов Федерации в части регулирования местного самоуправления расширяются, причем это происходило вынужденно, поскольку, как отмечалось, органы местного самоуправления не могли самостоятельно, без поддержки органов госвласти, решать должным образом возложенные на них вопросы местного значения.

Кризисное положение, в которое попало местное самоуправление, стало причиной известных конституционных поправок-2020 [6], которые широко освещены в литературе, и здесь не комментируются. На основе этих поправок, касающихся местного самоуправления, был разработан проект нового федерального муниципального закона под названием «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенный в Государственную Думу ФС РФ в конце 2021 г. [7]. Данный законопроект во многом повторяет основные положения ФЗ 2003 г. (с последними изменениями). Структурно законопроект состоит из 11 глав: 1) Общие положения; 2) Территориальные основы организации местного самоуправления; 3) Организационные основы местного самоуправления; 4) Функциональные основы организации местного самоуправления; 5) Непосредственное осуществление населением местного самоуправления и участие населения в осуществлении местного самоуправления; 6) Муниципальные правовые акты; 7) Экономическая основа местного самоуправления; 8) Межмуниципальное сотрудничество; 9) Международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления; 10) Особенности организации местного самоуправления; 12) Заключительные и переходные положения. Объем текста составляет 232 000 знаков.

В литературе законопроект вызвал противоречивые оценки – в основном критические, что связывалось с заметным уменьшением самоуправленческих начал

местного самоуправления [8; 9 и др.]. Так, понятие местного самоуправления вновь меняется (ст.1): «признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации форма самоорганизации граждан в целях самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией Российской Федерации настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами» [7]. Вместо восьми видов муниципальных образований, как было в ФЗ 2003 г., остаются только три, при этом основными являются городской округ и муниципальный округ. Глава субъекта Федерации получает право прямо предлагать кандидатуры глав городского и муниципального округов, налагать на них дисциплинарные взыскания и др.

Как представляется, в целом законопроект отражает объективно складывающуюся в России ситуацию, при которой органам госвласти субъектов Федерации приходится все чаще вторгаться в сферу местного самоуправления – с тем, чтобы не допустить положения, когда, например, конституционные права граждан, обеспечение которых зависит прежде всего от местной власти, жители не могут реализовать (в этой связи нужно заметить, что ожидания реформаторов в начале 1990-х гг. не оправдались, что, впрочем, и неудивительно, учитывая специфику исторического развития России). И в этом, концептуальном смысле, законопроект заслуживает поддержки. Вместе с тем в нем, на наш взгляд, ошибочно закрепляется позиция, согласно которой местное самоуправление будет осуществляться только в городских и муниципальных округах, а ведь на такого рода больших территориях (фактически, крупный город, район) невозможно сформировать муниципальный коллектив, который мог бы реализовать свои инициативы по вопросам местного значения (мы опускаем еще один вид муниципального образования, предусмотренный для городов федерального значения, как нехарактерный для всей России). При обсуждении проекта в контексте будущего института местного самоуправления в России в литературе высказываются разные точки зрения [10; 11; 12; 13 и др.]. На наш взгляд, в городских и муниципальных округах целесообразно формировать государственную власть субъекта Федерации (исполнительную структуру) с ее гораздо большими ресурсами, а местное самоуправление целесообразно сохранять в поселениях и внутригородских районах. При этом количество вопросов местного значения в муниципальных образованиях должно быть значительно снижено - с тем, чтобы их выполнение было реальным, а полномочия определять вопросы местного значения должны быть переданы субъекту Федерации. По нашему убеждению, именно в сравнительно небольших муниципальных образованиях как раз и появятся возможности для практического развития местного самоуправления, повышения гражданской активности населения, чего так не хватает современной России.

1. Закон СССР от 09.04.1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 267.
2. Краснов М. А. Местное самоуправление: государственное или общественное? // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 81-83.
3. Закон РСФСР от 06.07. 1991 № 1550–1 «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. N 29. Ст. 1010.
4. Федеральный закон от 28.08.1995 N 154-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Российская газета. 1995. 1 сентября.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.08.2024).
6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения – 22.08.2024).
7. Законопроект № 40361-8 "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" // СОЗД ГАС «Законотворчество» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 23.08.2024).

8. Гармонено Д., Родин И. Местную власть в результате реформы обнулят и упразднят: По проекту Клишаса–Крашенинникова муниципальные выборы до 2028 года разрешаются только в городах // Независимая газета. 16.12. 2021 г. / https://www.ng.ru/politics/2021-12-16/1_8329_reform.html (дата обращения: 09.06.2024).
9. Зикеев В. Технократизация местного самоуправления // Издательская группа "Закон". 17.12. 2021 г. / https://zakon.ru/blog/2021/12/17/tehnokratizaciya_mestnogo_samoupravleniya (дата обращения: 12.05.2024).
10. Григонис В.П., Немова Н.Ю., Зубарев Н.В., Матюшичева Е.А. Местное самоуправление и публичная власть // Аграрное и земельное право. 2023. №11. С. 66-70.
11. Михеева Т. Н. К вопросу о преемственности в организации местного самоуправления // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2023. Т. 9. № 3. С. 232-240.
12. Лаврентьев А.Р. Изменения в законодательстве о местном самоуправлении: резервы исчерпаны // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 455-459.
13. Ермолаев В.О. Взаимодействие государственной власти и местного самоуправления: характеристика, основы, особенности // Право и государственность. 2024. № 1. С. 33-38.

Федорук Д.А.

Проблемы нарушения авторских прав в цифровой среде

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-413

Научный руководитель: Власова У.А.

Аннотация

Статья поднимает действительно важный вопрос защиты авторских прав в цифровой среде. С развитием технологий и распространением интернет-ресурсов вопрос защиты интеллектуальной собственности становится все более сложным.

Несмотря на существующее законодательство в этой области, существующие подходы зачастую неэффективны, фрагментированы и сложны для реализации на практике. Отсутствие целостной, постоянной правовой базы делает защиту авторских прав в Интернете очень сложной.

Проблемы могут возникнуть при попытке идентифицировать или привлечь к ответственности правонарушителей. Сложность обеспечения соблюдения прав особенно очевидна на международном уровне, где цифровое пространство пересекает национальные границы с различными правовыми системами.

Ключевым фактором является необходимость улучшения правовой базы и четкого и эффективного механизма защиты онлайн-прав. Это может включать в себя улучшение механизмов мониторинга нарушений, а также укрепление сотрудничества между государственными учреждениями, частными компаниями и пользователями сети.

Ключевые слова: авторское право, защита авторских прав, авторские права в Интернете, интеллектуальная собственность, исключительное право.

Abstract

The article raises a truly important issue of copyright protection in the digital environment. With the development of technology and the spread of Internet resources, the issue of intellectual property protection is becoming increasingly complex.

Despite existing legislation in this area, existing approaches are often ineffective, fragmented and difficult to implement in practice. The lack of a coherent, consistent legal framework makes copyright protection on the Internet very difficult.

Problems can arise when trying to identify or prosecute offenders. The complexity of enforcing rights is especially evident at the international level, where the digital space crosses national borders with different legal systems.

A key factor is the need for an improved legal framework and a clear and effective mechanism for protecting online rights. This may include improved mechanisms for monitoring violations, as well as stronger cooperation between government agencies, private companies and Internet users.

Keywords: copyright, copyright protection, copyright on the Internet, intellectual property, exclusive right.

С развитием цифровых технологий и Интернета закон об авторском праве сталкивается с новыми вызовами и проблемами. Цифровая среда предлагает огромные возможности для обмена контентом, будь то информация, музыка, фильмы, программное обеспечение или другие произведения искусства и науки. Однако с ростом таких прав резко возросло и количество нарушений авторских прав. В этом контексте управление инфраструктурой становится все более сложным, а защита интеллектуальной собственности требует новых подходов [4].

Цифровой ландшафт сильно отличается от традиционных каналов распространения, и это создает некоторые проблемы для обеспечения соблюдения законов об авторском праве. Во-первых, в Интернете права могут быть легко и незаметно для правообладателя нарушены. Контент можно скопировать и загрузить на миллионы устройств за считанные секунды, а нарушителей зачастую сложно выявить и привлечь к ответственности, особенно если нарушение происходит в другой стране.

Основные проблемы нарушения авторских прав в цифровой среде можно разделить на несколько категорий: Одним из наиболее распространенных видов нарушений является копирование и незаконное распространение произведений через торрент-сайты, файлообменники и платформы потокового видео. Пользователи могут легко скачивать фильмы, музыку, книги или программы без разрешения правообладателя. Это наносит большой ущерб, особенно кино- и музыкальной индустрии, поскольку владельцы авторских прав теряют коммерческие доходы [3].

Несмотря на международные и национальные законы, такие как Бернская конвенция и DMCA (Закон об авторском праве в цифровую эпоху) в США, меры безопасности часто по-прежнему не работают должным образом в цифровой среде. Трудно обеспечить анонимность пользователей и отсутствие единых правовых стандартов между странами.

В Интернете международные границы размыты, что затрудняет защиту авторских прав на международном уровне. Многие продукты, нарушающие авторские права, могут находиться вне контроля владельца авторских прав, и борьба с такими нарушениями требует международного сотрудничества и координации многосторонних усилий.

Основной причиной нарушения авторских прав в цифровой среде является легкость доступа к контенту и его распространения. Интернет позволяет мгновенно копировать файлы и отправлять их в любую точку мира. Еще одним фактором является недостаточная осведомленность пользователей о правовых последствиях нарушений.

Многие люди считают, что, поскольку информация находится в свободном доступе в Интернете, ее можно использовать без ограничений. Кроме того, действующие правила часто устаревают из-за быстрого технического прогресса. Авторы и правообладатели сталкиваются с тем, что существующие правовые механизмы не обеспечивают адекватной защиты от нарушений, особенно когда нарушения происходят за рубежом [1].

В последние несколько лет вопрос защиты авторских прав в цифровой среде стал предметом многочисленных судебных разбирательств в Российской Федерации. В условиях быстрого роста цифрового контента и распространения услуг через Интернет в российских судах все чаще сталкиваются с делами о нарушении авторских прав в цифровом пространстве [6].

Дело 1: «Группа компаний ООО «1С» vs. «1С»; торрент-трекер» Одним из самых громких дел 2021 года стал судебный процесс между корпоративной группой ООО «1С» и владельцами одного из популярных торрент-трекеров. ООО «1С», будучи известным в России разработчиком программного обеспечения, подала иск о защите своего программного обеспечения, которое незаконно распространялось через этот сайт.

Суть дела — нарушение прав на программы «1С:Бухгалтерия» и «1С:Управление предприятием», которые пользователи торрент-трекера могут скачать бесплатно. В суде выяснилось, что администраторы торрент-трекера знали об установке нелегальных копий программного обеспечения и не предприняли никаких действий по их удалению.

В результате суд вынес решение в пользу ООО «1С» и обязал заблокировать доступ, а также взыскать с ответчиков существенный ущерб. Это дело стало прецедентом и подчеркнуло готовность российских судов защищать права владельцев цифровых авторских прав.

Дело 2: «Издательский дом «Эксмо» против ИД «Эксмо». Интернет-магазин цифровых книг» В 2022 году Издательство «Эксмо» подал иск в суд на один из ведущих интернет-магазинов по продаже цифровых книг. Поводом для иска стало размещение на сайте несанкционированной публикации, права на которую принадлежали «Эксмо».

Проблема усугублялась тем, что магазин не только распространял пиратские экземпляры, но и зарабатывал на продаже книг по сниженным ценам. В ходе суда представители «Эксмо» представили доказательства по ряду вопросов нарушения авторских прав. Суд поддержал позицию издателя и обязал интернет-магазин выплатить компенсацию за незаконное использование. Это дело стало важным шагом в борьбе с электронным пиратством и подчеркивает необходимость ужесточения контроля над онлайн-продажами цифровых товаров.

Дело 3: «Роскомнадзор против ресурса VK.com» В 2023 году Роскомнадзор возбудил уголовное дело против социальной сети VK.com за нарушение правообладателями размещенных пользователями музыкальных произведений, не допустивших возможности. Это не первый случай, когда «ВКонтакте» сталкивается с проблемами пиратства, и этот случай продолжает борьбу за контроль над авторскими правами на крупнейшую российскую социальную сеть.

Суть дела заключалась в том, что пользователи соцсети без разрешения выкладывали музыкальные композиции, а администраторы сайта ничего не предпринимали для их удаления, несмотря на просьбы правообладателей. Следовательно, суд постановил, что ВКонтакте должен ввести строгую политику по мониторингу и удалению пиратского контента, а также выплатить компенсацию за предыдущие нарушения.

Дело № 4: Warner Bros. против стримингового сервиса» Одним из самых острых вопросов 2023 года является судебный процесс между Warner Bros. и российским вещателем, предоставляющим несанкционированный доступ к пиратским фильмам и сериалам.

Был подан иск против Warner Bros. после того, как была попытка пиратского распространения данных, без уведомления компании Warner Bros.

Компания теряла доход, в том числе от деятельности стриминговых площадок, поэтому была вынуждена подать в суд. Российский суд постановил, что имеется факт нарушения авторских прав со стороны стриминговой площадки, но посчитал требования компании Warner Bros. завышенными, поэтому отказал в выплате большей части компенсации. Стоит отметить, что это дело привлекло значительное внимание и усилило интерес к цифровым сервисам, предоставляющим видеоконтент.

Исследование судебной практики РФ в 2021–2023 годах показывает, что российские суды все активнее реагируют на нарушение авторских прав в цифровой среде. Одной из ключевых тенденций является готовность правообладателей защищать свои

интересы в судебном порядке, а не просто блокируя Роскомнадзору доступ к пиратским сайтам.

Кроме того, важно отметить рост числа случаев, связанных с незаконным распространением программного обеспечения и цифровых публикаций. Эта тенденция отражает не только расширение цифрового рынка, но и возросшую заботу правообладателей о защите своих интересов в случаях пиратства.

Особо стоит выделить твердую позицию российских судов по делам, связанным с социальными сетями и стриминговыми платформами. По мере увеличения числа пользователей этих услуг растет и количество нарушений, что требует ужесточения контроля и использования современных технологий для отслеживания и удаления пиратского контента.

Судебная деятельность по делам о нарушении авторских прав в цифровой среде в России за 2021–2023 годы свидетельствует о постепенном формировании правовой базы защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет.

Успешные издания, такие как ООО «1С», Издательский дом «Эксмо» и Warner Bros. подчеркивает важность правоприменительных законов и необходимость внедрения более эффективных механизмов защиты авторских прав. Однако остаются проблемы, связанные с фрагментарностью правил и сложностью проверки трансграничных нарушений.

Для полноценной защиты авторских прав в цифровой среде необходимы дальнейшее развитие правовой системы, международное сотрудничество и современные технологии по отслеживанию и борьбе с пиратством. Защита авторских прав в цифровой среде требует разработки и внедрения сложных методов и технологий [2].

Закон об авторском праве должен адаптироваться к цифровой среде. Существует необходимость принятия международно-правовых мер для защиты прав авторов независимо от страны, в которой происходит нарушение. Такие технологии, как системы водяных знаков и управления цифровыми правами (DRM), уже существуют, чтобы помочь управлять использованием контента.

В будущем подобные технологии должны получить значительное и широкое развитие. Важно уведомить пользователей о том, что загрузка и распространение несанкционированного контента является незаконным и обходится авторам в разумные деньги.

Компании могут запускать образовательные кампании и улучшать культуру цифровых продуктов. Вопрос защиты авторских прав в цифровой среде не может быть решен на уровне одной страны. Важно, чтобы государства предпринимали согласованные усилия по борьбе с нарушениями, обменивались информацией о нарушителях и вместе работали над преследованием преступников. Важно не только наказать нарушителей, но и предотвратить доступ к пиратскому контенту, заблокировав сайты, файлы и платформы незаконного распространения.

Проблемы нарушения авторских прав в цифровой среде представляют собой вызов современному обществу и правовой системе. Без эффективной защиты авторских прав страдают как авторы, так и правообладатели, а также потребители, которые приобрели и лицензировали высококачественный контент.

Решение этой проблемы требует согласованных усилий на международном уровне, совершенствования законодательства, использования передовых технологий и повышения правовой грамотности пользователей. Это единственный способ обеспечить защиту авторских прав в быстро развивающейся цифровой среде.

На основании вышеизложенного поднимается ряд проблем с защитой авторских прав. В частности, в первую очередь следует отметить слабую правовую защиту контента в цифровой среде. Кроме того, из-за отсутствия инструкций по авторскому праву и ответственности (за исключением видеохостинга YouTube) он не подходит для защиты авторских прав.

Закон, несмотря на его недостатки, предполагает, что ни один закон как таковой не может явно регулировать отношения защиты авторских прав в цифровом контексте. В результате отмечается также, что в настоящее время широкое судебное разбирательство по защите авторских прав не ведется, причиной является боязнь автора акцентировать внимание на проблеме [8, с. 75].

В целом следует отметить, что сегодня культура уважения брендов в цифровой среде только начинает формироваться, поэтому ее защита не идеальна.

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ.– 2006.– № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 12.03.2014 N35-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160073/.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
6. Приказ Роскомнадзора от 12.08.2013 N912 (ред. от 13.05.2015) «О порядке функционирования Информационной системы взаимодействия» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155083/.
7. Ваклирный С.С. Актуальные проблемы защиты авторских и смежных прав в интернет-среде // BUSINESS. EDUCATION. LAW. BULLETIN OF VOLGOGRAD BUSINESS INSTITUTE.– 2018.– № 3. – С. 335–339.
8. Гайсин Ф.Ф. Проблема защиты авторских прав // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки».– 2017.– № 3 (11). – С. 73–79.

Федоскин Н.Н., Комиссарова Е.А.

Теоретические вопросы правовой культуры

*(ф) Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Смоленск)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-414

Аннотация

В статье анализируются вопросы понятийного аппарата правовой культуры, уровни, формы и функции. Нормы права, ограничивающие и ориентирующие поведение гражданина, обеспечивающие законный порядок в обществе лежат в основе правосознания. Отмечается, что ключевую роль в формировании правосознания гражданина играет правовая культура, формирующаяся на основе взаимодействия многочисленных факторов при ключевой поддержке государства. В правовой культуре человека отражаются элементы ее логической структуры, понятийный аппарат. Восприятие права человеком, правовое поведение базируются на правовых знаниях, оценках и дефинициях понятийного аппарата правовой культуры. Исследования юристов-правоведов в данной сфере помогают сформировать не только теоретическую базу, но и способствовать правовому просвещению населения, формированию основ правового поведения и культуры.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, правовое просвещение, функции правовой культуры, механизм правового поведения.

Abstract

The article analyzes the issues of the conceptual apparatus of legal culture, levels, forms and functions. The norms of law that restrict and orient the behavior of a citizen and ensure legal

order in society are the basis of legal awareness. It is noted that the key role in the formation of a citizen's legal consciousness is played by the legal culture, which is formed on the basis of the interaction of numerous factors with the key support of the state. The elements of its logical structure and conceptual apparatus are reflected in the legal culture of a person. Human perception of law and legal behavior are based on legal knowledge, assessments and definitions of the conceptual apparatus of legal culture. The research of legal experts in this field helps to form not only a theoretical basis, but also to promote legal education of the population, the formation of the foundations of legal behavior and culture.

Keywords: legal awareness, legal culture, legal education, functions of legal culture, mechanism of legal behavior.

Юридическая или правовая культура является значимым компонентом общечеловеческой культуры, включающим в себя «различные явления правовой сферы общества, как материальные, так и нематериальные, идеальные» [1, с.42].

Отличительной чертой правовой культуры является всеобъемлющий комплекс представлений человека о правовых нормах, вопросах реализации права, о деятельности государственных органов, должностных лиц, поведении индивидов в правовой среде.

Под правовой культурой понимается прежде всего качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания субъекта, «степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека» [2, с.25].

Большинство исследователей выделяют личную и общественную стороны правовой культуры. Личная правовая культура уделяет внимание личностным свойствам и качествам, а общественная - функционированию всего общественного и социального механизма.

Правовая культура гораздо шире понятия правосознание, т.к. дополняет наше восприятие юридически значимым поведением. Культурные нормы всегда неразрывно связаны с обществом, выполняя ключевую роль в координации и организации действий индивидов. Основным средством координации выступает институционализация отношений и поведения, которая проявляется через нормативность, установленные государством и обществом правила поведения. Правовую культуру рассматривают через присущие ей признаки, прежде всего «уровень совершенства законодательства, существующего в данном обществе; правовую активность населения; уровень развития в государстве юридических норм, образования; соотношение в нормах права национального и общечеловеческого начал; качество и эффективность работы правоприменительных органов государства» [3, с. 33-34].

Можно рассмотреть правовую культуру через связанные между собой блоки. Первым блоком будет теоретическое представление человека о праве, его месте в жизни государства, общества, в его собственной жизни. Второй блок – это правовые чувства, которые охватывает как эмоциональную сферу, так и различного рода правовые традиции, носителем которых является человек, а третьим блоком будет творческое отношение человека к правовой действительности.

Необходимо обратить внимание и на аксиологическую составляющую правовой культуры. Правовая культура включает в себя оценку ценностей правовых институтов, явлений и общественно-юридических процессов, характеризующих правовые ценности общества и прогрессивные достижения в данной сфере. Правовая культура обладает значительной самостоятельностью и отделенностью в рамках общественной культуры, т.к. характеризует исключительно правовой аспект общественного развития, отличаясь, например, от духовной и других форм культуры данного общества.

Среди различных разновидностей общественной культуры правовая культура наиболее близка к нравственной культуре, так как она в основном зависит от уровня нравственности, сложившихся ценностей и нравственности тех людей, которые

осуществляют правотворческую и правоприменительную деятельность в конкретном государстве.

Анализ правовой культуры больших социальных групп всегда позволяет выявить качественное состояние права, правоприменения, а также условий соблюдения законности и правопорядка. Формирование правовой культуры происходит только в результате целенаправленного воздействия системы культурного и правового воспитания. «Ее развитие и укрепление требует усиления правового просвещения, повышения юридической грамотности граждан, а также создание условий для формирования правовой сознательности среди населения» [4, с. 73].

Правовая культура личности представляет собой важную составляющую современного общества, которая представляет совокупность знаний, навыков и ценностей, связанных с правом и его применением, т.е. служит основой для правомерного поведения и соблюдения законов. Гражданин, обладающий высокой правовой культурой, способен защищать свои права и интересы, а также участвовать в правовых процессах, будь то обращение в суд, участие в общественных слушаниях или другие правовые процедуры.

Правовая культура социальных групп является важным аспектом развития общества и гарантией соблюдения прав и свобод каждого его члена. Правовая культура охватывает понимание и уважение правовых норм, осознание гражданами своих прав и обязанностей, а также готовность соблюдать законы и участвовать в правовой жизни общества.

Однако, в зависимости от социальной группы, правовая культура может различаться. Каждая социальная группа имеет свои особенности и интересы, которые могут повлиять на отношение к праву и законам.

Например, представители бизнес-сообщества обычно ориентируются на защиту своих экономических интересов и стремятся к созданию благоприятной бизнес-среды. Их правовая культура может быть направлена на обеспечение соблюдения прав собственности, защиту интеллектуальной собственности, а также минимизацию рисков и конфликтов в сфере бизнеса.

Социальные группы, связанные с образованием, характеризуются особой правовой культурой, ориентированной на обеспечение доступа к качественному образованию и защиту прав образовательных учреждений.

Однако, правовая культура социальных групп также может иметь отрицательные аспекты. Некоторые группы могут злоупотреблять своей властью или использовать правовые нормы в своих интересах, игнорируя права других членов общества. Такие действия противоречат основным принципам правовой культуры и угрожают справедливости и равноправию.

Ключевым фактором является формирование правовой культуры социальных групп, для реализации концепции справедливого и гармоничного общества. Взаимное понимание и уважение прав и свобод каждого члена общества, а также готовность соблюдать законы и участвовать в правовой жизни, способствуют стабильности и процветанию общества в целом.

Правовая культура базируется на принципах законности, человечности, права и справедливости. Законность предполагает обязательное соблюдение нормативно-правовых актов как основных правил поведения в обществе. Человечность подразумевает уважение к правам и свободам каждого человека, а также защиту его достоинства. Право является гарантом соблюдения и защиты этих прав и свобод, а справедливость - основой для решения конфликтов и разрешения споров.

Правовая культура формируется и развивается через систему правового образования, а также через участие граждан в общественной жизни и правовых отношениях. Развитие правовой культуры требует не только знания законов и правил, но

и их понимания, умения аргументировано отстаивать собственные права, а также уважительного отношения к правам и свободам окружающих.

Важным компонентом правовой культуры выступает гражданская ответственность, заключающаяся в осознании не только своих прав, но и обязанностей перед обществом, соблюдении законов и непосредственно их исполнении.

Особое значение имеют принципы прозрачности и открытости в правовой культуре общества. Граждане имеют право быть осведомленными о деятельности государственных органов и передвигаться в рамках правового поля, что способствует формированию доверия к власти и позволяет конструктивно влиять на принятие важных решений.

Таким образом, правовая культура общества играет важную роль в формировании гражданского самосознания, укреплении социальной справедливости и гарантировании прав и свобод каждого индивида. Ее развитие требует постоянного внимания и усилий со стороны государства, общественных организаций и каждого гражданина. «Для достижения этих целей необходимы целенаправленные государственные усилия, четкая государственно-правовая идеология, которая учитывала бы лучшие достижения отечественной и в том числе зарубежной правовой мысли и практики» [5, с. 90].

1. Сидорова Л.Н. Правовая культура как условие развития гражданского общества // Журнал гражданского права. 2023. Т. 9. № 2. С. 40-48.
2. Карпов А.П. Правовая культура и развитие гражданского общества // Журнал правовой науки. 2023. Т. 7. № 1. С. 25-32.
3. Волков В.А. Правовая культура и правовое образование: проблемы теории и методики // Журнал Российского права. 2021. № 3. С. 30-39.
4. Ермолаева И.Г. Правовая культура как фактор правоприменения в России: проблемы и перспективы // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. Т. 5. № 2. С. 70-85.
5. Комиссарова, Е. А. Правосознание и правовое воспитание как составные части правовой культуры / Е. А. Комиссарова, Н. Н. Федоскин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 3-1(90). – С. 87-90. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-3-1-87-90. – EDN ZHZBIC.

Федоскин Н.Н., Шерашенкова Е.А.

Вопросы административной ответственности в здравоохранении

*(ф) Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Смоленск)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-415

Аннотация

В статье анализируются проблемные вопросы административной ответственности за правонарушения в системе здравоохранения. Исследование темы и правоприменительная практика определила наличие проблемы в области административно-правового регулирования, что обусловило необходимость разработки механизма защиты общества и государства от коллизий и пробелов в области охраны здоровья граждан и здравоохранения в целом. Авторы отмечают, что при реализации законодательства, необходимо обратить внимание и на организационно-правовые вопросы. Одной из проблем административно-правовых отношений в области медицины является правовая регламентация. Авторы приходят к выводу, что решение назревших проблем позволит внести соответствующие поправки в законодательство об оказании медицинских услуг населению, способствовать качественному и всестороннему медицинскому обслуживанию.

Ключевые слова: медицинское право, административная ответственность, правоприменительная практика, оказание медицинских услуг, надзорные полномочия.

Abstract

The article analyzes problematic issues of administrative responsibility for offenses in the healthcare system. The study of the topic and law enforcement practice identified the existence of a problem in the field of administrative and legal regulation, which necessitated the development of a mechanism to protect society and the state from collisions and gaps in the field of public health and healthcare in general. The authors note that when implementing legislation, it is necessary to pay attention to organizational and legal issues. One of the problems of administrative and legal relations in the field of medicine is legal regulation. The authors conclude that solving the urgent problems will make it possible to make appropriate amendments to the legislation on the provision of medical services to the population, to promote high-quality and comprehensive medical care.

Keywords: medical law, administrative responsibility, law enforcement practice, provision of medical services, supervisory powers.

Вопросы оказания качественной медицинской помощи указывают на уровень развития государства в экономической и социальной сфере, на приоритеты в определении актуальной политики в долгосрочной перспективе. Многоаспектность выполнения данной задачи позволяет улучшать показатели сокращения смертности, продолжительности жизни, демографии, оказывать влияние на уровень жизни населения и многое другое.

Важнейшая роль в данном процессе отводится органам государственной власти. Они решают вопросы правового регулирования, обеспечивают материально-техническую сторону, оснащают оборудованием медицинские учреждения, решают кадровые проблемы. Именно к органам власти, медицинским учреждениям особые требования за некачественно предоставленные услуги. Главой 6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ предусмотрена ответственность за правонарушения в области охраны здоровья граждан [1].

Правонарушения связаны прежде всего с действиями медицинских учреждений, организаций и органов власти с предоставлением некачественных медицинских услуг, медицинской техники и лекарственных препаратов, не отвечающих установленным стандартам.

КоАП РФ содержит правонарушение, при котором медицинский работник, не являющийся должностным лицом может нанести вред здоровью гражданина. Нормами ст. 6.32 «Нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности», предусматривается ответственность за «нарушение требований о получении добровольного информированного согласия гражданина на осуществление медицинского вмешательства, а также за нарушение сроков, установленных законодательством при искусственном прерывании беременности». Анализ административных актов свидетельствует, что органы власти уделяют внимание пресечению правонарушений, связанных с охраной здоровья граждан, и ее экономической составляющей, практически не уделяя внимания недоброкачественному или недобросовестному оказанию медицинских услуг.

Исходя из проблемы, ещё в 2016 году был представлен Проект федерального закона № 1093620-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования административной ответственности в сфере здравоохранения», который предполагал «применять административную ответственность за несоблюдение ряда нарушений в соответствии с законодательством, которые нарушают права граждан в области охраны здоровья и могут причинить вред жизни и здоровью гражданина или создать такую угрозу». Среди новелл фигурировала административная ответственность за отказ в оказании бесплатной медицинской помощи в коммерческой организации, вводилась административная ответственность за нарушение и отказ в выборе лечащего врача, за отказ в получении

сведений о своем здоровье, т.н. выписка. Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 7 созыва от 4 июля 2018 г. N 4357-7 ГД [2] данный проект был отменен.

Качество медицинских услуг остается ведущим направлением не только для медицинских учреждений, но и для органов власти ответственных за данную услугу. КоАП РФ предусматривает ответственность медицинских учреждений за обширный перечень правонарушений. Основным законом, регулирующим предоставляемые медицинские услуги, является Федеральный Закон от 21.11.11 № 323 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] и еще целый ряд нормативно-правовых актов. Анализ действующего законодательства устанавливает круг надзорных органов, имеющих право привлечения к административной ответственности субъектов, отвечающих за охрану здоровья и благополучие населения, от специализированных Федеральных служб и прокуратуры, до органов исполнительной власти федерального и местного уровня. Поводом возбуждения административного производства служит составление протокола уполномоченными лицами в случае обнаружения административного правонарушения медицинским учреждением или должностными лицами, сведения из правоохранительных органов или органов государственной власти о наличии состава административного нарушения со стороны должностных лиц или общественный резонанс, вызванный неправомерными действиями.

Имеющаяся судебная практика по привлечению к административной ответственности субъектов медицинской деятельности довольно обширна, но далеко неоднозначна. В большинстве случаев, граждане обращаются за нарушенным правом в органы надзора [4, с.131]. Жалобы на грубость, невнимательность, неквалифицированную помощь со стороны сотрудников и администрации медицинских учреждений. Например, городской суд Республики Марий Эл было рассмотрено административное дело в отношении индивидуального предпринимателя, который предоставлял медицинские стоматологические услуги с нарушением санитарно-эпидемиологического обслуживания. Прием осуществлялся на дому, с нарушением норм, предусмотренных СанПиН, что создавало угрозу жизни и здоровью граждан. Некачественная уборка кабинета, плохая стерилизация инструментов могли привести к инфицированию пациентов.

Рассмотрев материалы дела суд пришёл к выводу, что в отношении ИП имеется состав административного правонарушения на основании ст.6.4 КоАП РФ.

Суд отметил, что при назначении наказания, а именно вида его и размера было принято во внимание то, что нарушение санитарного законодательства может привести к ухудшению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, что создаст угрозу жизни и здоровью населения. Суд посчитал целесообразным приостановление деятельности стоматологического кабинета на 80 дней для устранения выявленных нарушений (ст. 6.4 КоАП РФ) [5].

Из существующих проблем существенной является и организация документооборота, заполнение медицинских карт. Зачастую врач не успевает за часы приёма правильно заполнить карты, а это сказывается на качестве оказываемой услуги, так как пациенту на осмотр отводится меньше времени, чем на заполнение амбулаторной карты. В связи с этим медицинское учреждение попадает под действие административного законодательства.

Примером может служить Решение Арбитражного суда Республики Карелия от 13 апреля 2021 г. по делу № А26-1252/2021 [6] вынесенное по результатам внеплановой документальной проверки Росздравнадзора в медицинском учреждении. Проверкой были выявлены грубые нарушения лицензионных требований, незаконное занятие предпринимательской деятельностью и т.д.

Таким образом при анализе статистических данных о правонарушениях в медицинских организациях и рассмотрении судебной практики необходимо отметить, что сфера здравоохранения достаточно часто привлекается к административной

ответственности. Современному государственному управлению в области охраны здоровья населения требуется дальнейшее совершенствование как нормативной базы, так и в правоприменительной практики. Важнейшим шагом в развитии современного правового и социального государства будет соблюдение и обеспечение прав человека на качественное медицинское обслуживание населения.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024)//Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст.1
2. Постановление ГД ФС РФ от 04.07.2018 N 4357-7 ГД "О проекте федерального закона N 1093620-6 "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части совершенствования административной ответственности в сфере здравоохранения"// "Собрание законодательства РФ", 16.07.2018, N 29, ст. 4300
3. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024)//Собрание законодательства РФ, 28.11.2011, N 48, ст. 6724.
4. Шмелев, Е. В. Проблемы применения законодательства об ответственности за совершение административных правонарушений в сфере охраны здоровья / Е. В. Шмелев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 12 (459). — С. 130-133. — URL: <https://moluch.ru/archive/459/101030/> (дата обращения: 13.09.2024).
5. Постановление Йошкар-Олинского городского суда (Республика Марий Эл) - Административное № 5-3/2020 5-586/2019 от 16 января 2020 г. по делу № 5-3/2020//sudact.ru
6. Решение Арбитражного суда Республики Карелия от 13 апреля 2021 г. по делу № А26-1252/2021: sudact.ru

Хайсарова А.Р., Круль А.С.

Проблемы регулирования патронатного воспитания

*Башкирский государственный аграрный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-416

Аннотация

В статье анализируются проблемы регулирования патронатной формы воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Патронатная семья реализуется только в тех субъектах России, где приняты соответствующие нормативные акты. Утверждается, что отсутствие законодательного закрепления патронатной семьи на федеральном уровне не позволяет создать единые стандарты механизма реализации передачи несовершеннолетних в данную форму устройства семьи.

Ключевые слова: патронат, патронатное воспитание, патронатная семья, государственное регулирование патронатного воспитания.

Abstract

The article analyzes the problems of legal regulation of the foster care form of raising orphans and children left without parental care. Foster care is implemented only in those regions of Russia where the relevant regulations have been adopted. It is argued that the lack of legislative recognition of foster care at the federal level does not allow the creation of uniform standards for the mechanism for implementing the transfer of minors to this form of family arrangement.

Keywords: foster care, patronage, foster family, state regulation of foster care.

Институт семьи следует рассматривать как стратегический приоритет в развитии человеческого капитала. Поддержка семьи включено в перечень национальных целей в Указе Президента России [1].

Данная приоритетность учитывается в стратегических документах: Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года, Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., реализуются национальные проекты.

Одним из основных вопросов, относящимся к государственной политике в интересах детей, является защита прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В России существуют несколько семейных форм устройств детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Значительное внимание уделяется формированию и реализации государственной семейной политики на региональном уровне. Субъекты РФ заинтересованы в решении проблем в области поддержки и защиты семьи, увеличении рождаемости [2]. Институт патронатной семьи в региональном законодательстве рассматривается как форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, согласно договору о патронатной семье. Патронатная семья в стране начала формироваться в 90-е годы. Так, к примеру, патронат как новая форма устройства детей в Республике Башкортостан появился в 1999 году, в 2006 года был принят Закон "О патронатном воспитании в Республике Башкортостан".

В некоторых регионах правовые акты, регулирующие патронатное воспитание, были отменены в связи с противоречием с федеральным законодательством. Так, прокурор Кемеровской области обратился в Кемеровский областной суд с заявлением о признании недействующим закона Кемеровской области от 05.04.2008 года №13-ОЗ «О патронатном и гостевом воспитании детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ссылаясь на то, что базовые статьи документа противоречат требованиям Семейного кодекса РФ и Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [3]. 26 ноября 2009 года данный закон Кемеровской области утратил силу.

В региональном законодательстве нет единого подхода по срокам, количеству несовершеннолетних для передачи в патронатную семью. Более того, существуют различия и в отношении сторон, заключающих договор о патронатном воспитании [4]. Так, в Москве договор о патронатном воспитании заключается между уполномоченным органом в сфере опеки, попечительства и патронажа, патронатным воспитателем и организацией по патронатному воспитанию. В Республике Башкортостан, Ставропольском крае, Калининградской области патронатная семья образуется на основании решения органа опеки и попечительства и договора о патронате, заключаемого только между органом опеки и попечительства и патронатными воспитателями.

В Ульяновской области договор о патронатной семье подписывается между организацией, исполняющей обязанности по содержанию, воспитанию, образованию и защите прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и патронатными воспитателями.

Патронатное воспитание, как форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей не получила широкого распространения в регионах. Уполномоченные по правам ребенка в субъектах России в ежегодных докладах отмечают о статистике передачи в семейные формы устройства. Институт уполномоченного по правам ребенка способен использовать достаточно широкий набор правовой помощи [5]. В 2022 году в патронатную семью было передано в Республике Башкортостан 7 детей, в Забайкальском крае и Калининградской области – 1, в Волгоградской области – 8.

Особое значение при устройстве детей-сирот имеет подготовка граждан принятию детей семьей. В Республике Башкортостан Министерству семьи, труда и социальной защиты населения переданы полномочия от органов местного самоуправления по подготовке граждан, пожелавших принять детей-сирот на семейные формы устройства [6]. В 2022 году по итогам обучения свидетельства о прохождении подготовки получили 916 человек, при этом количество отрицательных результатов составило 14 [7].

В Мурманской области сопровождение замещающих семей осуществляет Координационный центр содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Всего в Мурманской области функционируют 10 служб [8].

Школы приемных родителей действуют в Рязанской области. В регионе осуществляется комплексная профессиональное сопровождение замещающих родителей специалистами. Сопровождение включает в себя подготовку кандидатов в потенциальные родители и преследует главную цель – недопущение возвратов детей-сирот в государственные учреждения, а также эффективное осуществление процесса формирования и развития приемных семей.

Регионы способны стимулировать развитие семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также поощрения лучших опекунов, приемных и патронатных семей, осуществляя организацию конкурсов. Победители получают денежные премии от глав субъектов страны.

Еще одно значимое направление – патронатная семья предполагает наличие уполномоченных организаций, оказывающих профессиональную поддержку. Значимая роль отмечается патронатного воспитателя в социальном воспитании, образовании несовершеннолетнего, и в успешной интеграции в общество.

В ГОУ Детский дом № 19 «Центр патронатного воспитания» г. Москвы имеется большой опыт по устройству детей в патронатные семьи. Центр оказывал необходимую юридическую защиту, помощь специалистов. При этом предусматривалась и дополнительная материальная поддержка патронатной семье. Фонд оплаты труда позволял оплачивать ставки на всех специалистов, зарплату патронатным воспитателям [9].

Профессиональная составляющая возможно могла быть использована при определении категории воспитанников сиротских учреждений для данной формы устройства в семью [10]:

- дети старшего школьного возраста;
- «трудные дети»;
- подростки с отклонениями в поведении;
- социальные сироты.

Обратим внимание на то, что патронатная семья как форма устройства несовершеннолетних имеет широкие возможности получения помощи, консультации, поддержки специалистов, сопровождение со стороны органов опеки и попечительства.

Таким образом, российское законодательство предоставляет право решения вопросов по патронатной семье регионам самостоятельно. Необходимо закрепление патронатного воспитания на федеральном уровне, которое позволит стандартизировать механизмы взаимодействия органов опеки и попечительства, государственных образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с населением.

1. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «Консультант Плюс».
2. Валиева, А. Р. Государственная семейная политика: Учебно-методическое пособие / А. Р. Валиева ; Министерство сельского хозяйства РФ, Башкирский государственный аграрный университет. – Уфа : Башкирский государственный аграрный университет, 2018. – 55 с.
3. Определение Верховного суда Российской Федерации по делу №81-Г09-10 от 05.08.2009 [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=272626
4. Валиева, А. Р. К вопросу о государственном регулировании патронатной семьи / А. Р. Валиева, Д. Х. Носова, Э. А. Залилова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2024. – № 5(179). – С. 154-158.
5. Valieva, A. R. Legal Aspects of the Activities of the Commissioner for Children's Rights / A. R. Valieva // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – No. 93-5. – P. 183-186.

6. Приказ Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан «Об утверждении административного регламента предоставления органами опеки и попечительства Республики Башкортостан государственной услуги "выдача заключения о возможности гражданина быть опекуном, попечителем, усыновителем, приемным родителем, патронатным воспитателем в отношении детей, оставшихся без попечения родителей"» от 22 июня 2021 г. № 399-о [Электронный ресурс]. URL: // <https://mintrud.bashkortostan.ru/documents/active/371522/>
7. Доклад Уполномоченного по правам ребенка в Республике Башкортостан о соблюдении и защите прав, свобод и законных интересов ребенка в Республике Башкортостан в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: // <https://upr.bashkortostan.ru/presscenter/lectures/1721/>
8. Доклад «О деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Мурманской области и о соблюдении прав и законных интересов детей в 2022 году» [Электронный ресурс]. URL: // <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/235>
9. Терновская М. Ф. Мы должны помогать каждому ребенку найти семью и обеспечивать потребности его развития [Электронный ресурс]. URL: // http://index.org.ru/nevol/2007-14/12_ternovskaya2_n14.html
10. Резяпова Г.Ф. Перспективы введения в Российской Федерации патроната как правового института // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 75-82

Цыгулева Ю.Р.

**К вопросу об особенностях правового регулирования труда
осужденных к лишению свободы**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-417

Научный руководитель Алейникова В.А.

Аннотация

Статья посвящена проведению правового анализа особенностей правового регулирования труда осужденных к лишению свободы. В статье обращается внимание, что правовое регулирование труда осужденных имеет межотраслевой характер. Трудовое законодательство к отношениям, связанным с выполнением труда осужденными, применяется факультативно, то есть в той части, в которой это предусмотрено законом.

Ключевые слова: труд осужденных, осужденные к лишению свободы, правовое регулирование труда.

Abstract

The article is devoted to the legal analysis of the peculiarities of the legal regulation of the labor of persons sentenced to imprisonment. The article draws attention to the fact that the legal regulation of convict labor has an intersectoral character. Labor legislation applies to relations related to the performance of labor by convicts optionally, that is, to the extent provided for by law.

Keywords: labor of convicts, sentenced to imprisonment, legal regulation of labor.

Актуальность исследования правового регулирования труда осужденных к лишению свободы связана с тем, что право на труд является всеобщим правом. Между тем, лица, осужденные к лишению свободы, имея правовой статус лица, привлечённого к уголовной ответственности и отбывающего реальный срок уголовного наказания в виде лишения свободы, в условиях изоляции от обществ утрачивают возможность трудиться в тех формах, как это предусмотрено трудовым законодательством Российской Федерации [4, с. 203]. Целью настоящей статьи является выявление проблемных аспектов правового регулирования труда лиц, осужденных к лишению свободы.

Трудовое законодательство Российской Федерации, с одной стороны, основывается на единстве системы принципов трудового права, главным принципом из которых является запрещение дискриминации в сфере труда. (ст. 3 ТК РФ) [1]. Суть

данного принципа сводится к тому, что не допускается ограничение реализации права на труд по каким бы то основаниям, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. С другой стороны, в нормах трудового права имеется дифференцированный подход к определению категорий лиц, в отношении которых нормы трудового права не распространяются (п. 8 ст. 11 ТК РФ). Комментируемая норма прямо не предусматривает лиц, осужденных к лишению свободы, в качестве исключительной категории, на которых не распространяются нормы трудового права. Между тем, допускается, что отдельными федеральными законами может устанавливаться специфика правового регулирования труда отдельных категорий лиц.

Вопрос правового регулирования труда лиц, осужденных к лишению свободы, имеет свою специфику в силу правового статуса лица, осужденного к лишению свободы.

Трудо-правовой статус лиц, осужденных к лишению свободы, определяется на основе главы 14 ТК РФ. В системе норм, регулирующих труд осужденных, прежде всего, обращает на себя внимание положение ст. 103 УИК РФ, которая гласит о том, что каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений [2]. Положением ч. 1 ст. 37 Конституции России гарантируется свобода труда и система конституционных норм не предусматривает основной обязанность человека трудиться [1]. Между тем, комментируемое положение УИК РФ следует рассматривать в качестве правила-исключения, которое в уголовно-исполнительной сфере имеет собственное назначение. Так, согласно ст. 9 УИК РФ в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, исправление осужденных является основной целью отбытия наказания, и привлечение к общественно-полезному труду есть средство исправления. Таким образом, применительно к правовому положению лиц, осужденных к лишению свободы, труд является обязательным, что также обязывает сотрудников исправительных учреждений привлекать к труду осужденных. Ст. 103 УИК РФ определяет перечень учреждений, на которых трудятся осужденные.

Ст. 104 УИК РФ посвящена условиям труда осужденных, и положение указанной нормы в большей части пересекается с положениями трудового законодательства. В частности, в данной норме говорится о том, что к отношениям, связанным с осуществлением труда осужденными к лишению свободы, применяются нормы трудового права в части продолжительности рабочего времени осужденных к лишению свободы, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии. Можно сделать вывод о том, что правовое регулирование труда лиц, осужденных к лишению свободы, имеет межотраслевой характер.

Вместе с тем, уголовно-исполнительное законодательство предусматривает отдельные специальные правила регулирования труда осужденных. Так, лицам, осужденным к лишению свободы, также гарантируется право на ежегодный оплачиваемый отпуск, продолжительность которого зависит от типа исправительного учреждения и варьируется от 12-18 дней. Указанная продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска не соответствует той продолжительности, которая установлена ст. 115 ТК РФ.

По общему правилу лица, осужденные к лишению свободы, не могут привлекаться к труду без его оплаты. Ст. 105 УИК РФ осужденным гарантируется оплата труда в размере не ниже минимального размера оплаты труда. К отношениям, в части оплаты труда осужденных, также применяются нормы трудового законодательства.

Также стоит обратить внимание на то, что между администрациями исправительного учреждения и лицами, осужденными к лишению свободы, не возникают трудовые отношения, поскольку такие отношения не основываются на трудовом договоре. Отношения, основанные на трудовом договоре, имеют добровольный характер. Работник и работодатель вступают в трудовые отношения взаимно и добровольно. Труд лиц, осужденных к лишению свободы, не имеет добровольного характера, учитывая, что

такие лица в силу ст. 9 и ст. 103 УИК РФ привлекаются в обязательном порядке для исправления осужденного и достижения целей уголовного наказания.

Представленный анализ особенностей правового регулирования труда осужденных к лишению свободы, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, по общему правилу лица, осужденные к лишению свободы, не являются субъектами трудового права и не могут выступать стороной трудового договора, поскольку для такой категории лиц труд является обязательным и выступает средством исправления. Отношения между администрациями исправительных учреждений и осужденными не основываются на трудовом договоре. Во-вторых, правовое регулирование труда осужденных имеет межотраслевой характер. Трудовое законодательство к отношениям, связанным с выполнением труда осужденными, применяется факультативно, то есть в той части, в которой это предусмотрено законом. Ведущее значение в правовом регулировании труда осужденных к лишению свободы отводится к уголовно-исполнительному законодательству.

Затрагивая проблемы правового регулирования труда осужденных, в доктрине отмечается о том, что межотраслевое или двусистемное правовое регулирование, является свидетельством отсутствия четкого структурирования системы правового регулирования труда осужденных [5, с. 398]. Кроме того, применяя к правовому регулированию труда осужденных субсидиарно нормы трудового права, законодатель должен в самом трудовом законодательстве делать упоминания относительно применения его положений к лицам, осужденным к лишению свободы.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 23.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
4. Александрова А.А. Привлечение к труду осужденных в местах лишения свободы // Синергия Наук. 2021. № 55. С. 203-209.
5. Симонова И.А. Правовое регулирование труда осужденных к лишению свободы // В сборнике: Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы. Сборник научных статей в рамках проведенного симпозиума с международным участием. Редколлегия: А.А. Горохов (отв. ред.). Курск, 2021. С. 397-400.

Чирьев И.С., Ильницкая Л.И.

**Проблемные вопросы правоприменения уголовно-правовых положений
о необходимой обороне: процессуальный аспект**

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-418

Аннотация

В настоящей научной работе автором исследованы проблемные вопросы применения правовых положений о необходимой обороне с позиции уголовного процесса. Применение института необходимой обороны на практике является не совсем корректным и единообразным. Это связано как с несовершенством уголовного закона, так и с некоторыми трудностями, возникающими при квалификации необходимой обороны сотрудниками правоохранительных органов при осуществлении ими производства по уголовному делу. При изучении приговоров судов первой инстанции нами был сделан вывод о том, что в подавляющем количестве судебные органы соглашаются с чересчур

«завышенной» органом предварительного расследования квалификации действий подсудимого, однако бывают и те случаи, когда суд понижает квалификацию до менее тяжкой, то есть признает совершение преступления при превышении пределов необходимой обороны. Мы пришли к выводу о том, что на сегодняшний день данный институт нуждается в корректной регламентации, которая приведет к большей ясности правоприменения данного института с процессуальной точки зрения в целях недопущения несправедливого осуждения.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, суд, следователь, квалификация, деяние.

Abstract

In this scientific work, the author examines the problematic issues of the application of legal provisions on necessary defense from the perspective of the criminal process. The application of the institute of necessary defense in practice is not entirely correct and uniform. This is due both to the imperfection of the criminal law and to some difficulties that arise when qualifying the necessary defense by law enforcement officers during their criminal proceedings. When studying the sentences of the courts of first instance, we concluded that the vast majority of judicial authorities agree with the qualification of the defendant's actions that is too "overestimated" by the preliminary investigation body, however, there are also cases when the court lowers the qualification to less serious, that is, recognizes the commission of a crime when exceeding the limits of necessary defense. We came to the conclusion that today this institution needs correct regulation, which will lead to greater clarity of the law enforcement of this institution from a procedural point of view in order to prevent unfair conviction.

Keywords: necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, court, investigator, qualification, act.

Правоприменение института необходимой обороны является одним из самых проблемных аспектов в уголовном праве, по мнению ряда ученых [1]. На наш взгляд, это, в первую очередь, обуславливается тем, что законодателем даны весьма размытые понятия, связанные с правоприменением положений о необходимой обороне: покушение, явность, совпадение защиты опасности и характеру посягательства, и в их отношении часто возникают проблемы и споры в квалификации деяний, которые совершаются защищающимся. Так, например, правоохранителям трудно явность несоответствия оборонительных действий характеру и опасности преступного посягательства посягающего. Зачастую, это обуславливается отсутствием свидетелей произошедшего [2].

Возникает вопрос, как распознать правоприменителю «явность» такого несоответствия? На наш взгляд, факт существования данного вопроса является недостатком действующего законодательства. Понятие «явность» является весьма оценочным понятием [3]. Так, например, по толковому словарю С. Ожегова, это слово означает «очевидный», «видимый для всех» [4]. Однако понимаем, что каждый человек понятие «очевидности» воспринимает субъективно. В связи с чем возникают трудности и у правоприменителей. На наш взгляд, данная проблема может быть преодолена путем перечисления Верховным Судом Российской Федерации типичных случаев явного несоответствия действий обороняющегося действиям посягающего.

Проблема правоприменения положений о необходимой обороне заключается также в том, что субъекты предварительного расследования дают неправильную квалификацию действиям виновного лица. Начнем рассмотрение данной проблемы со стадий предварительного расследования. Когда следователь либо дознаватель проводит первичную доследственную проверку, то ему необходимо полностью изучить обстоятельства расследуемого события. Так, в стадии возбуждения уголовного дела субъектом предварительного расследования должна собираться вся необходима доказательственная база, на основании которой он потом вынесет законное, обоснованное

и мотивированное процессуальное решение. Проблема состоит в том, что при наличии внешних признаков преступления – объективной стороны, принять решение о том, что преступление было совершено человеком в состоянии необходимой обороны представляется трудной задачей.

Если лицо, в отношении которого проводится процессуальная проверка, убеждает следователя о том, что оно действовало в состоянии необходимой обороны, следователь усомнится в этом, тем более, если факт состояния необходимой обороны не может подтвердить свидетель.

Если следователь примет решение о том, что по материалу проверки следует принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 2 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием состава преступления ввиду совершения лицом действий в состоянии необходимой обороны, то в последующем он обязан подтвердить принятое им решение. Если окажется, что в материале проверки в деянии есть состав преступления, а следователь принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела, то в таком случае следователь укрыл преступление от учета, тем самым нарушил свои должностные обязанности и вследствие чего подлежит дисциплинарной ответственности. Мотивированные данными обстоятельствами субъекты предварительного расследования не берут на себя ответственность за принятие решения о наличии в деянии лица состояния необходимой обороны. Вследствие чего зачастую уголовные дела возбуждаются первоначально из стороны обвинительного содержания.

Кроме того, стоит отметить, что в случае, когда лицо в действительности превысило пределы необходимой обороны, то есть состояние необходимой обороны имело место быть и об этом свидетельствуют материалы уголовного дела, и действия лица должны быть квалифицированы по ст. 108 и ст. 114 УК РФ, то следователи даже в этом случае осуществляют «завышение» квалификации действий, и квалифицируют действия виновного на общих основаниях, ведь при недостаточно жесткой квалификации дело может быть возвращено в целях более детального расследования.

При изучении достаточного количества приговоров судов первой инстанции нами был сделан вывод о том, что в подавляющем количестве суды первой инстанции соглашались с чересчур «завышенной» органом предварительного расследования квалификации действий. Суд мотивирован зачастую тем, что существует возможность получить представление прокурора в отношении приговора. Таким образом, правоохранительные органы и суд избавляют друг друга от дополнительной нагрузки.

Однако бывают и те случаи, когда суд понижает квалификацию до менее тяжкой, то есть признает совершение преступления при превышении пределов необходимой обороны. Так, Сыктывкарский городской суд Республики Коми рассмотрел уголовное дело в отношении Арутюнова Д.Д., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 111 УК РФ. Данное преступление было совершено им при следующих обстоятельствах [5].

У Арутюнова Д.Д. произошёл конфликт с малознакомым ему Л., в ходе которого причинил телесные повреждения подсудимому. Так, Л. нанёс подсудимому бутылкой один удар по лицу и один удар спине, затем Л. взял в руки топор и пошел на Арутюнова Д.Д. Данные действия подсудимый расценил опасными для его жизни и здоровья вследствие чего он, взяв нож, лежавший на столешнице и используя его как предмет в качестве оружия, нанес лежавшему на полу Л. два удара в спину, причинив ему телесные повреждения, которые образовали тяжкий вред здоровью. Органы предварительного расследования пришли к выводу о том, что в действиях Арутюнова Д.Д. усматривается признак состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ. Однако, суд не посчитал данный вывод верным. В ходе судебного рассмотрения было установлено, что Арутюнов Д.Д. находился в состоянии необходимой обороны. Суд пришел к выводу, что Арутюнов Д.Д. превысил пределы необходимой обороны, вследствие чего его деяния следует квалифицировать по ст. 114 УК РФ, которая предусматривает уголовную

ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью в тех случаях, когда лицо превысило пределы необходимой обороны.

Результатом нашего исследования явился вывод о том, что применение института необходимой обороны на практике является не совсем корректным и единообразным. Вследствие чего мы пришли к выводу о том, что на сегодняшний день данный институт нуждается в корректной регламентации, которая приведет к большей ясности правоприменения данного института в целях недопущения несправедливого осуждения.

1. Денисов А.М. Современные проблемы правового регулирования обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российский ежегодник уголовного права. 2008. № 2. С. 764-796.
2. Карпов Н.Н., Клейн А.Ю. Необходимая оборона: проблемы квалификации и применения // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2018. № 12. С. 38-40.
3. Дыбенко В.Б. Необходимая оборона: проблемы правоприменения // В сборнике: Право. Общество. Государство. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Редакция: Д.В. Рыбин (пред.), Е.В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. Санкт-Петербург, 2020. С. 69-72.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азъ, 1992.
5. Приговор Сыктывкарского городского суда (Республика Коми) № 1-1099/2019 1-98/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-1099/2019 // <https://sudact.ru>

Чумак С.С.

**Обстоятельства, исключающие возможность участия
в производстве по делу об административном правонарушении**

*Независимый исследователь
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-419

Аннотация

В данной статье авторы рассматривают таких субъектов производства, как защитник и представитель, а также обстоятельства, исключающие возможность участия данных субъектов в производстве по делу об административном правонарушении. Предлагается дополнить действующую редакцию статьи 25.12 КоАП РФ.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, защитник, представитель, субъекты производства, обстоятельства.

Abstract

In this article, the authors consider such subjects of production as a defender and a representative, as well as circumstances that exclude the possibility of participation of these subjects in the proceedings on an administrative offense. It is proposed to supplement the current version of Article 25.12 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: proceedings in cases of administrative offenses, defender, representative, subjects of the proceedings, circumstances.

Производство по делам об административных правонарушениях включает в себя ряд действий, выполняемых органами исполнительной власти для достижения поставленных задач и функций. Ключевую роль в этих действиях играют субъекты административного производства, а именно те участники процесса, которые обладают необходимыми правами и возможностями для решения процессуальных задач.

Основными субъектами являются государственные органы, и их должностные лица, которые, в соответствии с законодательством, имеют полномочия выявлять и пресекать административные правонарушения, а также применять меры взыскания, соразмерные совершённым правонарушением действиям.

Однако, помимо компетентных органов и должностных лиц, существуют и иные лица, играющие не менее значимую роль в процессе рассмотрения дела об административном правонарушении. Так, анализируя Кодекс об административном правонарушении Российской Федерации (далее – КоАП РФ) выделяют четыре участника производства, которые имеют личную заинтересованность в производстве:

- 1) лицо, привлекаемое к административной ответственности;
- 2) потерпевший;
- 3) законные представители обеих сторон;
- 4) защитник и представитель.

Реализация части 1 статьи 48 Конституции РФ, которая гласит, что «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно» проходит через статью 25.5 КоАП РФ, ведь как известно, у лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении может быть защитник, а у потерпевшего – представитель.

При этом, не каждый защитник и представитель может быть участником производства, ведь законодательство предусматривает обстоятельства, которые исключают возможность участия в производстве по делу об административном правонарушении.

Обстоятельства, исключающие возможность участия лиц в производстве по делу об административном правонарушении, могут включать следующее.

Во-первых, конфликт интересов, то есть участие лица, у которого имеется личная заинтересованность в исходе дела.

Во-вторых, отсутствие дееспособности у лиц, которые ею не обладают по закону и не могут участвовать.

Перечисленные обстоятельства, исключающие возможность участия в производстве по делу об административном правонарушении, могут повлиять на полноту и объективность разбирательства, а также на правомерность принимаемых решений.

Через призму статьи 25.12 КоАП РФ рассмотрим защитников и представителей отдельно.

Согласно части 1 ст. 25.12 КоАП РФ, «к участию в производстве по делу об административном правонарушении в качестве защитника и представителя не допускаются лица в случае, если они являются сотрудниками органов, осуществляющих государственный надзор и контроль, муниципальный контроль за соблюдением правил, нарушение которых явилось основанием для возбуждения данного дела, или если они ранее выступали в качестве иных участников производства по данному делу».

Как указывается Е.С. Ляшенко, защитник в делах об административных правонарушениях выступает как «участник процесса, который защищает права и интересы лиц, в отношении которых ведется производство, предоставляя квалифицированную юридическую помощь согласно установленным нормам».

Законодательством не предусмотрено никаких квалификационных (образовательных) требований к лицам, оказывающим юридическую помощь участникам производства по делам об административных правонарушениях.

При этом, защитником или представителем в производстве по делу об административном правонарушении может быть адвокат, а в соответствии с частью 3 статьи 25.5 КоАП РФ, «полномочия адвоката подтверждаются ордером, выданным соответствующим адвокатским объединением. В свою очередь, полномочия других лиц, предоставляющих юридическую помощь, подтверждаются доверенностью, оформленной в соответствии с законом».

Следовательно, адвокат, действуя как защитник или же представитель в деле об административном правонарушении, обязан действовать в соответствии с нормами КоАП и Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и

адвокатуры в Российской Федерации». На иных лиц для представительства в производстве по делу об административном правонарушении распространяются требования гражданского законодательства по оформлению доверенностей. Представителем по доверенности может быть дееспособное физическое лицо.

Согласуя цель статьи с реальной ситуацией, защитник и представитель не могут участвовать в производстве по делу об административных правонарушениях, если они являются сотрудниками органов, функциями которых является контроль и надзор за соблюдением правил, нарушение которых является основанием для возбуждения данного дела. Данные функции должны быть закреплены в положении об этих органах либо в законодательных актах, устанавливающих их статус.

При этом, в данной статье не учтены бывшие сотрудники таких органов, на которых действуют ограничения и запреты согласно статье 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также ст.ст. 17, 18, 20 и 20.1 Федерального закона от 27 июля 2004 года N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

К примеру, согласно части 3 ст. 17 79-ФЗ, «гражданин после увольнения с гражданской службы не вправе разглашать или использовать в интересах организаций либо физических лиц сведения конфиденциального характера или служебную информацию, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей». Более того, «в течение двух лет после увольнения с гражданской службы не вправе без согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов замещать на условиях трудового договора должности в организации и (или) выполнять в данной организации работу (оказывать данной организации услуги) на условиях гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров) в случаях, предусмотренных федеральными законами, если отдельные функции государственного управления данной организацией входили в должностные (служебные) обязанности гражданского служащего. Согласие соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов дается в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Поскольку в исследуемой статье нет указаний на сотрудников, уволившихся с гражданской службы, авторами предлагается дополнить существующую статью 25.12 КоАП РФ и изложить ее в следующей редакции:

Статья 25.12 КоАП РФ. Обстоятельства, исключающие возможность участия в производстве по делу об административном правонарушении.

К участию в производстве по делу об административном правонарушении в качестве защитника и представителя не допускаются лица в случае, если они являются сотрудниками органов, осуществляющих государственный надзор и контроль, муниципальный контроль за соблюдением правил, нарушение которых явилось основанием для возбуждения данного дела, или если они ранее выступали в качестве иных участников производства по данному делу, а также если это уволившийся сотрудник органов и его отдельные функции государственного органа входили в должностные (служебные) обязанности гражданского служащего.

Также статьей 25.13 КоАП РФ предусматривается самоотвод или отвод, если имеются обстоятельства, указанные статьей 25.12. Кодекса. Такого рода заявление подается судье, органу или должностному лицу, которые ведут дело об административном правонарушении. Такой подход отражен и в судебной практике. К примеру, в Определении Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018 г. N 1131-О указано следующее: «что касается оспариваемых заявителем статей 25.6 и 25.12 КоАП Российской Федерации, то, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, они не предполагают участия в деле должностного лица (в том числе в качестве

свидетеля), если оно лично, прямо или косвенно, заинтересовано в его разрешении; если же такая заинтересованность имеется, то в силу названного Кодекса должностное лицо обязано заявить самоотвод (пункт 2 части 1 статьи 29.2 и часть 1 статьи 29.3); кроме того, если усматривается заинтересованность должностного лица в том или ином разрешении дела, то ему может быть заявлен отвод со стороны лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (часть 2 статьи 29.3); при этом допускается указание в заявлении об отводе любых данных, свидетельствующих о такой заинтересованности указанных лиц (определения от 16 июля 2013 года N 1180-О и от 23 апреля 2015 года N 763-О)».

Так, сотрудники органов, осуществляющих государственный надзор и контроль, муниципальный контроль за соблюдением правил, нарушение которых явилось основанием для возбуждения данного дела, или если они ранее выступали в качестве иных участников производства по делу об административном правонарушении, не могут быть ни защитниками, ни представителями или иными участниками производства.

Таким образом, в основе статьи 25.12 КоАП РФ заложен принцип достижения объективной истины, который и реализуется при установлении обстоятельств, исключающих возможность участия в производстве по делу и рассмотрения дела, а в случае их выявления - устраняются путем заявления самоотводов и отводов. Важной процессуальной гарантией принятия объективного решения по делу и соблюдения прав, лично заинтересованных в результате дела субъектов, является, на наш взгляд, является возможность отвода участников, которые могут быть прямо или косвенно заинтересованы в исходе дела.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ// Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1
3. Административное право : Современный терминологический словарь. – Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – 400 с. – ISBN 978-5-907376-43-4. – EDN IFBORT.
4. Актуальные проблемы административного и финансового права / Э. Э. Аблякимова, Э. В. Акулова, А. А. Арямов [и др.]. – Симферополь : ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. – 286 с. – ISBN 978-5-907819-28-3. – EDN MOOQNQ.
5. Актуальные проблемы гражданского, уголовного и административного судопроизводства : Учебное пособие / В. П. Бодаевский, Д. А. Захаров, С. А. Козинцев [и др.]. – Симферополь : АРИАЛ, 2021. – 150 с. – ISBN 978-5-907506-22-0. – EDN UDMSZA.
6. Руденко, А. В. Закрепление стандартов защиты прав участников производства по делам об административных правонарушениях в Проектах КОАП РФ и процессуального КОАП РФ / А. В. Руденко // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 10 декабря 2021 года / Под редакцией Е.В. Евсиковой, И.В. Хмилей. Том I. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 539-543. – EDN TKMYNS.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018 г. N 1131-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давыдова Виталия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 25.1, статьей 25.5, частью 1 статьи 25.6 и статьей 25.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пунктом 33 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29052018-n-1131-o/> (дата обращения: 23.10.2024).
8. Ляшенко, Е. С. Защитник и представитель как участник производства по делам об административных правонарушениях // Научная парадигма – 2021. – С. 153-160.
9. Хмара, А. М. Субъекты и участники производства по делам об административных правонарушениях // Административно-процессуальное право. – 2015. – С. 259-285.

Шабунько Ю.А.

Отграничение судебной ошибки от дисциплинарного проступка

Кубанский государственный университет
(Россия, Краснодар)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-420

Аннотация

В последние годы становится все более актуальной тема судебное усмотрение и его роли в процессе вынесения качественных судебных решений. В данной статье исследуется понятие судебной ошибки в рамках дисциплинарной ответственности судей. Рассматриваются нормы Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», а также позиции Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации по этой тематике с теоретико-правовой и историко-правовой перспективы. На основе проведенного анализа автор выделяет различия между судебными ошибками и дисциплинарным проступком. В статье анализируется судебная практика, свидетельствующая о неопределенности в отношении разграничения данных понятий. Также утверждается, что меры дисциплинарной ответственности должны применяться исключительно в редких случаях, иначе это может подорвать независимость судьи. В связи с этим возникает важный вопрос о соотношении понятий «дисциплинарный проступок» и «судебная ошибка», который становится центральным объектом анализа в данной работе.

Ключевые слова: судебная ошибка, дисциплинарный проступок, соотношение и разграничение, судебное усмотрение, ошибка судьи, квалификационная коллегия, дисциплинарная коллегия ВС РФ.

Abstract

In recent years, the topic of judicial discretion and its role in the process of making high-quality judicial decisions has become increasingly relevant. This article examines the concept of a judicial error in the context of disciplinary liability of judges. The provisions of the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation", as well as the positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation on this topic from a theoretical-legal and historical-legal perspective are considered. Based on the analysis, the author highlights the differences between ordinary and gross judicial errors. The article analyzes judicial practice, indicating uncertainty regarding the distinction between these concepts. It is also argued that disciplinary measures should be applied only in rare cases, otherwise this may undermine the independence of a judge. In this regard, an important question arises about the relationship between the concepts of "disciplinary offense" and "judicial error", which becomes the central object of our analysis in this work.

Keywords: miscarriage of justice, disciplinary offense, correlation and distinction, judicial discretion, judge's error, qualification board, disciplinary board of the Supreme Court of the Russian Federation.

Прежде всего, мы считаем, что понятия дисциплинарного проступка и судебной ошибки не следует воспринимать как абсолютно противоположные или полярные категории. На самом деле, они представляют собой пересекающиеся группы. Это подразумевает существование определенных судебных ошибок, которые, из-за своей серьезности, могут стать основанием для ответственности судей, в то время как множество других (обычных ошибок) не обладает такой силой. Соответственно, некоторые дисциплинарные нарушения могут быть по своему характеру судебными ошибками, в то время как другие могут вообще не иметь отношения к правосудию.

Отметим, что законодатель не дает четких определений, что следует понимать под судебной ошибкой, а что под дисциплинарным проступком. В связи с чем, данная тема остается актуальной и на сегодняшний день.

Разграничение судебной ошибки и дисциплинарного нарушения находится в ведении Дисциплинарной коллегии Верховного суда Российской Федерации. При этом решение о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности принимается Квалификационной коллегией судей конкретного региона, где он работает.

Согласно положениям Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», судьи не могут нести дисциплинарную ответственность за судебные ошибки. Тем не менее, на практике квалификационные коллегии судей нередко накладывают дисциплинарные взыскания за такие ошибки.

Например, в Обзоре судебной практики от 18 декабря 2019 года была рассмотрена жалоба на решение квалификационной коллегии Самарской области, которая досрочно прекратила полномочия судьи за дисциплинарный проступок. Коллегия пришла к выводу, что судья нарушил свои профессиональные обязанности, рассмотрев дело ненадлежащим образом и с нарушением сроков, что в итоге привело к отмене его решения апелляционным судом.

Коллегия отметила, что действия судьи негативно сказались на имидже судебной системы, что обоснованно требовало применения более строгих мер — лишения его полномочий. Тем не менее, дисциплинарная коллегия добавила, что ошибка была быстро исправлена и не привела к серьезным последствиям, что заставило её признать решение квалификационной коллегии необоснованным и несправедливым.

В противоположность этому, существует пример, подтверждающий, что Дисциплинарная коллегия Верховного суда России рассмотрела действия судьи как дисциплинарное проступок, а не просто ошибку. Это проявилось в отклонении жалобы судьи на решение квалификационной коллегии судей Кемеровской области от 10 февраля 2020 года. В ходе расследования выяснилось, что судья Маслова И.И. ненадлежащим образом уведомляла стороны о судебных заседаниях, принимая решения по делам и составляя протоколы, которые на самом деле не были оформлены. В результате Кассационная коллегия судей Кемеровской области 18 июля 2019 года приняла решение о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, на которое Маслова И.И. подала жалобу в Верховный суд РФ.

В своей апелляции судья указывает, что не согласна с выводами коллегии, утверждая, что примененные нормы материального и процессуального права были неверно интерпретированы по рассматриваемым делам, что, по её мнению, указывает на судебную ошибку, а не на дисциплинарное нарушение. Однако, проанализировав все представленные доводы и документы, Дисциплинарная коллегия Верховного суда РФ не обнаружила в действиях судьи признаков судебной ошибки, зафиксировав факт дисциплинарного проступка. Обнаруженные нарушения негативно отразились на принципах и сути судебного разбирательства, указывая на невозможность продолжения её судейской практики из-за существующих решений более высоких инстанций, имеющих преюдициальное значение.

Данные по делу опровергают мнение Масловой И.И. о том, что её действия в рамках административного судопроизводства следует квалифицировать как судебную ошибку, вызванную некорректным применением норм Кодекса административного судопроизводства. В её аргументации отсутствует всесторонняя оценка обстоятельств дела, а выводы Масловой искажают суть судебного акта, который должен оставаться законным и справедливым.

По мнению коллегии, И.И. Маслова преднамеренно фальсифицировала протоколы судебных заседаний, что является серьезным нарушением законодательства, влекущим за собой последствия в форме досрочного прекращения её полномочий.

Кроме того, еще в 2008 году Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих решений подчеркнул, что оценка судебных актов не входит в полномочия квалификационной коллегии судей. Эти органы не имеют права указывать на наличие ошибок в применении процессуального или материального законодательства при принятии тех или иных решений.

Для проверки законности судебного акта предусмотрены процедуры рассмотрения дел в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях, а не в других структурах, таких как квалификационная коллегия. Исходя из этого, судебная ошибка и дисциплинарное нарушение не могут приравниваться друг к другу, что подразумевает необходимость различного подхода к их ответственности.

Следовательно, можно утверждать, что судебная ошибка и дисциплинарный проступок не являются равнозначными понятиями, и, соответственно, степень ответственности за них различается. В соответствии с частью 1 статьи 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», одной из причин для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности является нарушение норм Кодекса судебной этики. Кроме того, судья может подвергнуться дисциплинарному взысканию как за неэтичное поведение в рабочее время, так и вне его, что подчеркивается Постановлением Пленума Верховного суда РФ № 27.

Основные трудности в проведении различий между дисциплинарным проступком и судебной ошибкой возникают в связи с нарушением этических норм. Эти сложности обуславливаются наличием множества оценочных критериев. В зависимости от классификации действий судьи, квалификационная коллегия может принимать свое решение. Важно тщательно изучить конкретные обстоятельства инцидента и рассмотреть, как судья оценивает произошедшее.

Квалификационная коллегия может интерпретировать обычную судебную ошибку как признак недобросовестного выполнения служебных обязанностей, что может привести к квалификации данного нарушения как дисциплинарного проступка.

Важно подчеркнуть, что судебная ошибка подразумевает, что ответственность за действия участников процесса полностью ложится на судью. Например, в случае, если секретарь ошибается с установлением даты заседания, и решение принимается без участия сторон, именно судья будет нести ответственность за данную ошибку.

Мы полагаем, что концепции дисциплинарного проступка и судебной ошибки не следует воспринимать как взаимоисключающие явления. Скорее наоборот, их можно рассматривать как пересекающиеся категории.

Это означает, что имеются определенные судебные ошибки, которые, будучи достаточно серьезными, могут повлечь за собой ответственность для судьи. В то же время существуют и малозначительные ошибки, за которые такой ответственности не предусмотрено, например, как опечатка, описка в тексте решения. Таким образом, некоторые дисциплинарные нарушения можно считать судебными ошибками, в то время как другие могут быть не связаны с осуществлением правосудия.

Важно также понимать, что текущие российские судьи – это обычные люди, имеющие свои недостатки, тем более с учетом такой большой ответственности, возложенной на них и их загруженности. Именно поэтому в правовой системе существует институт дисциплинарной ответственности. Тем не менее, этот механизм должен использоваться лишь в исключительных ситуациях; он не должен становиться инструментом для запугивания судей или ограничения их профессиональной независимости.

1. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/.
2. Обзор судебной практики по рассмотрению Дисциплинарной коллегией Верховного Суда Российской Федерации административных дел о привлечении судей к дисциплинарной ответственности в 2017 - 2018 гг. и в первом полугодии 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352941/.
3. Об отмене решений квалификационных коллегий судей о досрочном прекращении полномочий судьи, об оставлении без изменения решения о досрочном прекращении полномочий судьи: решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 10.02.2020 № ДК20-5 // СПС «КонсультантПлюс».

- URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=8#uVxP6RUusnmZDR0f1>. 62214
4. О проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и статей 21, 22 и 26 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" в связи с жалобами граждан Г.Н. Белоусовой, Г.И. Зиминой, Х.Б. Саркитова, С.В. Семак и А.А. Филатовой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2008 г. № 3-П // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=51098#hR0R6RU0dlnqskv>.
5. Момотов В.В. Судейское усмотрение, судебные ошибки и дисциплинарная ответственность судей: актуальные проблемы. Российское правосудие. 2024. № 5. С. 5-17.

Шаговик И.Ю.

Проблемы приобретения прав на земли, находящиеся в публичной собственности

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-421

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые проблемы, возникающие при приобретении прав на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности. Особое внимание уделено правовым коллизиям, возникшим в связи с изменениями в Земельный кодекс РФ, вступившими в силу с 1 марта 2015 года. Анализируется противоречие между нормами Земельного кодекса РФ и положениями Гражданского кодекса РФ в сфере исследуемой темы. В заключение статьи предлагаются возможные пути разрешения выявленных проблем через совершенствование правоприменительной практики и законодательного регулирования.

Ключевые слова: права на земельный участок, земельный кодекс, земля, публичная собственность.

Abstract

The article examines the key problems that arise when acquiring rights to land plots owned by the state and municipal authorities. Special attention is paid to the legal conflicts that arose in connection with the amendments to the Land Code of the Russian Federation, which entered into force on March 1, 2015. The contradiction between the norms of the Land Code of the Russian Federation and the provisions of the Civil Code of the Russian Federation in the field of the topic under study is analyzed. In conclusion, the article suggests possible ways to resolve the identified problems through the improvement of law enforcement practice and legislative regulation.

Keywords: land rights, land code, land, public property.

Приобретение прав на земельные участки, находящиеся в публичной собственности, является одной из ключевых задач, с которой сталкиваются как физические, так и юридические лица в Российской Федерации. Сложность данного процесса обусловлена правовой природой государственных и муниципальных земель, а также множеством законодательных норм, регулирующих их использование. В 2015 году вступили в силу изменения в Земельный кодекс РФ, которые, несмотря на свои цели по упрощению процедур, вызвали ряд правовых коллизий и усложнили процесс приобретения прав на земли. Эти изменения затронули вопросы аренды земельных участков, изъятия объектов незавершенного строительства, а также предоставления земель без торгов. Проблемы, связанные с правовым регулированием, проявляются не только в коллизиях между различными законодательными актами, но и в отсутствии единой правоприменительной практики.

Исследование направлено на выявление и анализ основных трудностей, возникающих при оформлении прав на земельные участки, находящиеся в публичной собственности, с учетом изменений законодательства и существующей правоприменительной практики. Рассматриваются как юридические аспекты, так и проблемы практического характера, включая правовую неграмотность граждан, нарушение сроков подачи документов, а также необоснованные отказы уполномоченных органов в утверждении схем размещения земельных участков.

Для проведения данного исследования использовались методы сравнительного анализа нормативных правовых актов, регулирующих земельные правоотношения, а также системный подход к изучению коллизий между нормами Земельного и Гражданского кодексов РФ. Основой для выводов служат также работы российских исследователей в области земельного права.

Одной из основополагающих работ, посвященных правовым аспектам регулирования земельных отношений, является диссертация Игнатенковой К.Е., в которой подробно рассматриваются способы правового регулирования и их влияние на приобретение прав на земельные участки. Автор подчеркивает роль дозволения в правовом регулировании земельных правоотношений, акцентируя внимание на возможных правовых коллизиях и их последствиях для участников этих отношений.

Колиева А.Э. и Гавриленко Л.Н. в своей работе рассматривают проблемы правового регулирования перевода земельных участков из одной категории в другую, что имеет важное значение в сфере изменения функционального назначения земель и их правового статуса. Авторы анализируют существующие пробелы в законодательстве и предлагают пути их устранения для улучшения правоприменительной практики.

Можно утверждать, что по отношению к собственности приемлемо использование как термина «свобода», так и понятия «право». При этом «право» подразумевает наличие обязанного субъекта, который обязан обеспечить реализацию данного права. В свою очередь, «свобода» предполагает самостоятельное осуществление правомочий субъектом без необходимости вмешательства третьих лиц. В отличие от «права», свобода предполагает противостояние неопределенному кругу лиц, которые обязаны воздерживаться от создания препятствий для ее законного осуществления. В научных работах указывается, что термин «свобода» подчеркивает широту возможностей для индивидуального выбора, не ограничиваясь конкретными результатами реализации этого выбора [1].

Различие между «предоставлением земельного участка» и «переоформлением прав на землю» заключается в том, что в первом случае право собственности возникает впервые, как платно, так и бесплатно, тогда как переоформление происходит по желанию и без оплаты (за исключением юридических лиц). Предоставление участков в городах, как правило, осуществляется через аукционы или конкурсы. Кроме этого, здесь присутствует еще одна весьма важная особенность: земельный участок может быть вновь сформирован только для жилищного строительства. [2]

Показательной особенностью данного института является, прежде всего, отсутствие ясного механизма [3] - отнесения земельного участка к определенной категории происходит на этапе формирования земельного участка органом исполнительной власти субъекта или органом местного самоуправления.

Как говорилось ранее, продажа земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, может осуществляться через аукционы или без торгов при определенных условиях, таких как бессрочное пользование участком или использование для сельского хозяйства и жилищного строительства. Ст. 39.14 ЗК РФ регулирует порядок предоставления участков без торгов, включая подготовку схемы и выполнение кадастровых работ. Особенности для индивидуального

жилищного строительства или подсобного хозяйства определены ст. 39.18. Пункт 8 ст. 39.11 ЗК РФ допускает выкуп через торги, но с множеством ограничений, включая отказ государства в продаже по различным основаниям.

Стоит также отметить, что собственник объекта незавершённого строительства имеет право на аренду земельного участка без торгов, если в течение шести месяцев после истечения срока действия предыдущего договора аренды уполномоченный орган не подал иск в суд об изъятии объекта через публичные торги, либо если суд отказал в удовлетворении такого иска, либо объект не был продан на торгах по причине отсутствия участников. Таким образом, предусматриваются три условия, при которых возможно предоставление земельного участка в аренду собственнику объекта незавершённого строительства: неподача иска об изъятии объекта, отказ суда в удовлетворении иска, не продажа объекта с публичных торгов.

Вместе с тем, пункт 4 статьи 239.1 ГК РФ регулирует отношения, связанные с возможностью государства или муниципалитета приобрести объект незавершённого строительства, если публичные торги признаны несостоявшимися. В этом заключается противоречие между нормами: подпункт 2 пункта 5 статьи 39.6 ЗК РФ не предусматривает такой возможности для государства или муниципалитета, хотя пункт 4 статьи 239.1 ГК РФ прямо допускает её.

Приоритет между этими нормами пока не установлен судебной практикой, но предполагается, что приоритет может быть отдан Земельному кодексу как специальному законодательству, что может быть экономически оправдано, поскольку государство не обременяется приобретением объекта, который не нашёл покупателя на торгах, а продолжает получать арендные платежи за землю. Такой подход также снижает управленческое усмотрение компетентных органов, что минимизирует коррупционные риски.

Одной из практических проблем, выявленных с внесением изменений в ЗК РФ, является процедура предварительного согласования предоставления земельного участка, которая отличается от процедуры предварительного согласования места размещения объекта. Закон № 171-ФЗ устанавливает обязанность заявителя самостоятельно подготовить схему размещения участка или указать участок, предусмотренный проектом межевания. Однако на практике встречаются случаи, когда заявители получают схемы, не соответствующие законодательным требованиям.

Таким образом, для улучшения законодательной базы предлагается внести изменения в Земельный кодекс РФ, дополнив статью 30.1 нормой, обязывающей органы исполнительной власти и местного самоуправления предоставлять четкие и мотивированные отказы в предоставлении земельных участков без торгов, с указанием конкретных оснований, а также предусмотреть, что отсутствие обоснования отказа может являться основанием для признания такого отказа недействительным в судебном порядке.

1. Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 129.
2. Колиева, А. Э. Способы образования земельных участков: понятие и проблемы / А. Э. Колиева // Актуальные вопросы юриспруденции в информационном пространстве : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 28 июня 2024 года. – Краснодар: Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ "РЭА" Минэнерго России, 2024. – С. 161-167. – EDN MNBVDHZ.
3. Колиева, А. Э. Некоторые юридические коллизии доверительных отношений в договорном праве / А. Э. Колиева // Современная научная мысль. – 2013. – № 6. – С. 169-175. – EDN RPZGUB.

Шаназарова Е.В.
Пенитенциарный подход к проявлениям
организованной и профессиональной преступности

Владимирский юридический институт ФСИН России
(Россия, Владимир)

doi: 10.18411/trnio-11-2024-422

Аннотация

Важнейшим направлением уголовной политики государства выступает совершенствование норм уголовного законодательства, нацеленных на борьбу с преступностью группового и организованного характера. При этом правовая основа в данной сфере далека от идеала. На фоне этого осуществляется консолидация преступной среды, повышается число устойчивых преступных групп, внедряющихся активно во все отрасли жизни общества, а также криминализируется существующий сегодня социум.

Ключевые слова: бандитизм, организованная преступность, профессиональная преступность, уголовно-исполнительная система, исполнительное учреждение, преступность.

Abstract

The most important direction of the state's criminal policy is the improvement of the norms of criminal legislation aimed at combating group and organized crime. At the same time, the legal framework in this area is far from ideal. Against this background, the criminal environment is being consolidated, the number of stable criminal groups is increasing, actively penetrating into all sectors of society, and the existing society is being criminalized.

Keywords: banditry, organized crime, professional crime, penal enforcement system, executive institution, crime.

Интенсивное увеличение уровня преступности в нашей стране за последние десятилетия, а также ее изменения качественного характера, состоящие в самоорганизации и создании структуры криминальных элементов, определили признание ее в качестве одного из важнейших факторов, образующих угрозу безопасности национального характера всей страны. Комитет Государственной Думы РФ по безопасности и противодействию коррупции в очередной раз выдвинул предложение вернуться к формированию проекта федерального закона «О противодействии организованной преступности в Российской Федерации», включив в него нормы, которые содержат понятийный аппарат, а также систему субъектов, осуществляющих борьбу с организованной преступностью, совокупность специализированных мер по предупреждению преступности организованной направленности, механизмы возмещения вреда и устранения прочих последствий функционирования организованных преступных группировок, международное сотрудничество в части борьбы с транснациональной преступностью организованной направленности, гарантии законности, а также безопасности борьбы с преступностью организованного характера, обеспечение финансового и материально-технического характера функционирования субъектов, производящих борьбу с преступностью организованной направленности.

Общеизвестно, что по уровню общественной безопасности, выступающей главным социальным благом, можно говорить о степени развития государства в целом. Бандитизм сегодня представляет из себя опаснейший феномен в сфере преступности, который угрожает нормальному осуществлению отношений по обеспечению общественной безопасности.

Так, например, организованными группами или преступными сообществами совершено 26,0 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+19,7%), причем их удельный

вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий возрос с 11,7% в январе-августе 2023 года до 14,2%.

Не смотря на то, что анализ статистических сведений о состоянии преступности, свидетельствует о том, что общее количество зарегистрированных преступлений увеличилось, необходимо учитывать возможные тенденции в динамике уровня бандитизма.

Бандитизм представляет собой специфическую форму групповой преступности. При этом, необходимо сказать, что вопрос о том, возможно ли относиться к банде в качестве формы преступности организованного характера или нет, в специализированной литературе длительное время является дискуссионным. Некоторые ученые полагают, что банда представляет из себя преступное сообщество, и, соответственно, относится к преступности организованной. С введением в действие Уголовного кодекса РФ 1996 г., установившего определение банды, в литературе уголовно-правового характера, все равно, споры не утихают.

Большая часть исследователей полагают бандитизм обычным проявлением организованной преступности [1]. Однако, исходя из присущих ему мотивов, это преступление имеет корыстно-насильственный характер. С позиции объекта преступного деяния бандитизм рассматривается в качестве одного из самых опасных видов преступных деяний в сфере общественной безопасности. Так как вооруженность выступает конструктивным признаком бандитизма, поэтому данный вид преступного деяния необходимо отнести и к преступности вооруженного характера.

Существует мнение, что не все обнаруживаемые банды имеют непосредственное отношение к организованной преступности, некоторые может функционировать в рамках групповой преступности общеуголовного характера. Однако, полагаем, что основное количество организованных преступных деяний, определенным образом имеют связь с бандитизмом. Тяжело представить организованное преступное формирование, у которого нет оружия, а также силового подразделения, которое способно в любой момент его использовать, иначе говоря, совершить нападение. Одновременно необходимо выделить, что важно устанавливать конкретные характеристики криминологического характера, которые помогают отграничивать организованные формирования преступного характера в качестве элементов, являющихся составными частями системы организованной преступности, от организованных групп преступной направленности, способных существовать в границах групповой преступности общеуголовного характера. Несоблюдение подобных критериев влечет причисление всех выявленных фактов бандитизма к преступности организованного характера, иначе говоря, к необоснованному увеличению ее количественных показателей, что создает возможность рапортовать об эффективной борьбе с преступностью организованного характера в целом. Существует мнение, что лишь существование определенных криминологических признаков создает возможность отнести отдельную банду к преступности организованной направленности: лидер и (или) руководящее звено, включающее в себя группу лиц, которые имеют фактически равноценное положение; структура иерархического вида, руководство от исполнителей непосредственного характера; достаточно конкретное распределение ролей (функций), осуществляющих при реализации определенных заданий, обязанностей или в ролевом «должностном» функционировании (боевики, контролеры, «смотрящие», телохранители и т.п.); твердая дисциплина с подчинением вертикальной направленности, основой которой выступают собственные законы и нормы с соответствующими санкциями за их неисполнение вплоть до устранения физического характера; высокий уровень технической оснащенности, в первую очередь существование серьезного арсенала вооружения, а также средств связи, устройств для прослушки, бронированного

транспорта и т. д.; конспиративная природа деятельности преступного характера; информационная база, развитая сеть информаторов; использование специализированных методов осуществления разведки и контрразведки; профессиональное применение основных институтов государственного и социально-экономического характера, функционирующих в стране, для формирования внешней законности деятельности преступного характера (официальное прикрытие со стороны частных охранных предприятий, а также фирм юридической и консалтинговой направленности, структур коммерческого характера и т. д.); финансовая основа в форме общих денежных средств, различной недвижимости, автомобилей («общак»); существование связей с должностными лицами коррумпированной природы; существование системы плавного истребления всех форм социального контроля [2].

Помимо прочего, бандитизм может выступать одной из форм преступности профессионального характера, относительно независимого вида преступной деятельности, включающей комплекс преступных деяний, совершаемых преступниками профессионалами для получения дохода.

С позиции А. И. Гурова, в среде преступников корыстно-насильственной направленности высоким уровнем профессионализма обладают лица, осуществляющие нападения на компании, граждан и транспортные средства, среди них 80 % разбойничьих групп применяют оружие, соответственно, в таких ситуациях можно говорить о бандитизме [3].

Уголовно-исполнительная система (УИС) всегда была привлекательной для верхушки криминального мира, так называемых «воров в законе» и «авторитетов». Это объясняется тем, что УИС, несмотря на свой статус как орган правопорядка, представляет собой уникальную среду, где "закон" определяет не государство, а криминальные группировки. "Воры в законе" и "авторитеты" стремятся к контролю над ИУ, чтобы установить свои правила, регулировать "порядок" в камерах, и заставить осужденных подчиниться своей воле. Такой контроль дает им возможность оказывать влияние на ситуацию за стенами тюрьмы и продолжать свою преступную деятельность. В последние годы интерес к УИС со стороны криминальной среды только усилился. Современные "авторитеты" активно используют различные методы, чтобы превратить ИУ в свою территорию. Они стремятся создать "систему" внутри каждой колонии, где их представители будут решать все важные вопросы, от распределения мест до организации незаконной торговли и переправки наркотиков. Для достижения этих целей они используют разные методы: угрозы, шантаж, подкуп сотрудников ИУ, создание "бригад" из осужденных, которые будут служить их интересам. Такое влияние криминальных групп на УИС представляет серьезную угрозу для безопасности и порядка в исправительных учреждениях. Оно может привести к увеличению напряженности в колониях, росту преступности среди осужденных и невозможности реабилитации и перевоспитания заключенных. Чтобы справиться с этой проблемой, необходимо усилить контроль над УИС, улучшить работу сотрудников ИУ и проводить более эффективные меры по пресечению влияния криминальных групп.

1. Агапов П. В. Уголовно-правовое, криминологическое и социально-политическое исследование бандитизма: дис. ...канд. юрид. наук. / П. В. Агапов. - Саратов, 2002.
2. Репецкая А. Л. Организованная преступность в сфере экономики и финансов и проблемы борьбы с ней / А. Л. Репецкая. - Иркутск: ИГЭА, 2014.
3. Гуров А. И. Профессиональная преступность: история и современность / А. И. Гуров - М., 2000.

Шаназарова Е.В., Потанькина М.С.
Реализация принципов избирательного права
в учреждениях уголовно-исполнительной системы

*Владимирский юридический институт ФСИН России
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-423

Аннотация

Конституция Российской Федерации провозглашает народ России носителем суверенитета и единственным источником власти. Народ осуществляет свою власть через органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также непосредственно — через участие в референдумах и выборах. В связи с этим свободные и демократические выборы в органы государственной власти и органы местного самоуправления, наравне с референдумом, следует рассматривать как высшее непосредственное выражение принадлежащей народу власти.

Ключевые слова: избирательная система, выборы, референдум, правовой институт, уголовно-исполнительная система, подозреваемый, обвиняемый, ограничение избирательных прав.

Abstract

The Constitution of the Russian Federation proclaims the people of Russia as the bearer of sovereignty and the only source of power. The people exercise their power through State authorities and local self-government bodies, as well as directly through participation in referendums and elections. In this regard, free and democratic elections to State and local government bodies, along with a referendum, should be considered as the highest direct expression of power belonging to the people.

Keywords: electoral system, elections, referendum, legal institution, penal enforcement system, suspect, accused, restriction of electoral rights.

Избирательная система в Российской Федерации регламентируется множеством нормативно-правовых актов различного уровня. Исследователи и учёные в области юриспруденции отмечают проблему стабильности избирательного законодательства.

Как известно, в последнее время в избирательное законодательство Российской Федерации вносятся изменения довольно часто.

Основная мысль Ю. А. Веденеева о выборах заключается в том, что они представляют собой не просто формальный правовой институт, но и политическую ценность для общества [1].

В процессе выборов проявляются нормативные, институциональные и социокультурные основы и условия формирования и развития системы политической демократии. По мнению учёного, ключевым фактором в становлении демократических институтов публичной власти является уровень развития политической и правовой культуры граждан, их способность быть активными участниками политического процесса и избирательного процесса. Веденеев Ю. А. также подчёркивает, что понимание гражданами роли международных избирательных стандартов в регулировании выборов и практическое применение этих стандартов в политической практике являются основой для реальных, а не декларативных гражданских политических прав и свобод.

Стоит отметить, что большинство парламентариев, учёных и практиков выступают за качественное преобразование законодательной базы на всех уровнях — федеральном, региональном и местном. Необходимо определить избирательные стандарты, процедуры и технологии, которые будут способствовать развитию демократических институтов и обеспечению прав и свобод граждан.

В противовес вышеизложенным мнениям, ряд ученых высказывали мысль о том, что нет необходимости в изменении Конституции и создании новых положений и глав. Однако, несмотря на это, проблема конституционных гарантий судебной защиты избирательных прав граждан остаётся актуальной.

Количество обращений в суд по вопросам нарушения избирательных прав граждан постоянно растёт, а процедура и сроки принятия решений по ним оставляют желать лучшего [2].

Законопроект, инициированный членами Совета Федерации, направлен на решение этой проблемы. Он предполагает внесение дополнений в федеральные законы об основных гарантиях и о выборах депутатов Государственной Думы, которые касаются порядка рассмотрения жалоб о нарушениях избирательных прав граждан в суде.

В избирательном законодательстве на муниципальном уровне возникают проблемы, связанные со стадией выдвижения и регистрации кандидатов. В частности, существуют требования, которые могут вызвать затруднения у отдельных категорий избирателей. Например, инвалиды и неграмотные лица должны поставить собственноручную подпись на подписных листах. Кроме того, существуют требования к оформлению этих листов и предоставлению сведений, подтверждающих подлинность подписей избирателей. В связи с этим возникает вопрос о защите избирательных прав вынужденных переселенцев при оформлении подписных листов. Также необходимо совершенствовать процедуру проверки подлинности подписей избирателей, собранных в поддержку кандидатов. В этом процессе должны участвовать избирательные комиссии, компетентные лица и учреждения, список которых должен быть утверждён Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

В настоящее время вынужденные переселенцы лишены права поддержки кандидата, поскольку их паспортные данные не соответствуют месту проживания, а выданные им справки не являются полноценным документом, заменяющим паспорт.

Если абстрагироваться от теоретических и процедурных аспектов, можно обратиться к такому явлению, как абсентеизм, представляющему собой отказ избирателей от участия в голосовании. Нарастание абсентеизма свидетельствует о наличии расхождений между интересами политической элиты и населения, что является признаком политического конфликта.

В условиях современной тенденции к увеличению числа людей, отказывающихся от участия в голосовании, политическая ситуация в мире приобретает тревожные черты, что делает актуальным изучение потенциала абсентеизма и поиск способов борьбы с ним.

Решение этой проблемы невозможно без комплексного исследования, проводимого политологами, социологами, юристами и психологами. К сожалению, парламентарии предлагают снизить порог явки избирателей, при котором выборы считаются состоявшимися.

Одной из актуальных проблем в сфере избирательного процесса является обеспечение равного доступа кандидатов к средствам массовой информации. Существующее законодательство не накладывает ограничений на объёмы платных выступлений в государственных и частных СМИ, что приводит к доминированию «больших денег» на экранах и в печатных изданиях, а также к очевидному неравенству кандидатов. Решению этой и других проблем может способствовать разработка и принятие федерального закона «О политической рекламе».

Ещё одной серьёзной проблемой избирательной системы является возможность фальсификации результатов выборов. Для предотвращения подобных ситуаций Центризбирком РФ разработал Концепцию создания государственной

автоматизированной системы. Первоначально система была направлена на автоматизацию процессов сбора, учёта и обработки информации, поступающей в избирательные комиссии, а также на создание общегосударственной системы регистрации избирателей и подведение итогов выборов и референдумов.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы также проводятся выборы, которые являются неотъемлемой частью избирательного процесса в Российской Федерации. Право участвовать в голосовании предоставляется следующим категориям лиц:

- обвиняемые и подозреваемые, находящиеся в следственных изоляторах;
- лица, состоящие на учёте в уголовно-исполнительных инспекциях и осуждённые к принудительным работам, если их избирательные права не ограничены;
- лица, осуждённые к ограничению свободы, могут проголосовать на избирательном участке по месту регистрации;
- Лица, в отношении которых применена мера пресечения в виде домашнего ареста, могут проголосовать по месту жительства. Представители участковых комиссий посещают таких избирателей на дому.

Ограничение избирательных прав распространяется на лиц, признанных судом недееспособными, а также на тех, кто содержится в местах лишения свободы по приговору суда.

Согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусмотрено не только право граждан РФ избрать в органы государственной власти и местного самоуправления, но и активно реализовывать иные избирательные права. В частности, подозреваемые и обвиняемые, сохраняют за собой право осуществлять предвыборную агитацию (ст. 48 Закона), вносить добровольные пожертвования в избирательные фонды кандидатов (ч. 2 ст. 58), участвовать в избирательной кампании кандидата (ст. 48), быть зарегистрированным в качестве доверенного лица кандидата (ст. 43). При этом необходимо отметить тот факт, что большинство из перечисленных правомочий лица, которые содержатся в следственном изоляторе, смогут реализовать только через поверенных лиц [3].

Подводя итог, можно с уверенностью констатировать, что общая концепция избирательной системы в Российской Федерации соответствует демократическим принципам в области избирательных прав граждан. Однако её необходимо адаптировать к изменениям, происходящим в динамично развивающемся государстве, поскольку успешное проведение выборов и признание их результатов обществом являются ключевыми индикаторами способности такого общества эффективно решать актуальные задачи государственного строительства.

1. Веденеев Ю.А. Новое избирательное право Российской Федерации: проблемы развития и механизм реформирования // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1997. - №2.
2. Лысенко В.И. Некоторые проблемы развития российского избирательного права // Государство и право. 1995. № 8.
3. Лунгу Е.В. Реализация принципов избирательного права в организации и проведении выборов в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов / Е. В. Лунгу // Вестник Кузбасского института. - 2014. - № 4.

Шарова П.А.

Некоторые аспекты злоупотребления избирательными правами

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-424

Научный руководитель: Новикова А.Е.

Аннотация

Избирательное право составляет основу любого демократического государства, именно по этой причине актуальностью обладают вопросы, связанные с выявлением препятствий к надлежащему осуществлению гражданами своих избирательных прав, а также угроз демократии. Злоупотребление избирательными правами следует рассматривать в качестве одной из таких угроз, требующих устранения, в том числе, со стороны законодателя. Цель исследования – выявление недостатков, которыми обладает сфера нормативно-правового регулирования общественных отношений, сопряжённых с злоупотреблением избирательными правами. В результате произведённого анализа доктринальных и нормативно-правовых источников сформулированы предложения по внесению изменений в избирательное законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: избирательное право, злоупотребление правом, предвыборная агитация, избирательный бюллетень, нарушение законодательства.

Abstract

The right to vote forms the basis of any democratic state, it is for this reason that issues related to the identification of obstacles to the proper exercise of citizens' electoral rights, as well as threats to democracy, are relevant. The abuse of electoral rights should be considered as one of such threats that require elimination, including by the legislator. The purpose of the study is to identify the shortcomings of the sphere of normative legal regulation of public relations associated with the abuse of electoral rights. As a result of the analysis of doctrinal and regulatory sources, proposals have been formulated to amend the electoral legislation of the Russian Federation.

Keywords: electoral law, abuse of law, election campaigning, ballot paper, violation of legislation.

Законодательство Российской Федерации предусматривает множество норм, указывающих на возможность привлечения физических лиц к юридической ответственности за различного рода деяния, нарушающие права и свободы человека и гражданина, а также наносящих вред общественным отношениям. Злоупотребления избирательными правами, относящиеся к деяниям такого рода, на текущий момент времени не получили надлежащей нормативно-правовой регламентации на уровне избирательного законодательства, что указывает на актуальность проведения всестороннего исследования данной проблемы.

Начать следует с указания на то, что ни один из нормативных правовых актов, напрямую относящихся к избирательному законодательству Российской Федерации, не включает в себя положений, закрепляющих понятие «злоупотребление избирательным правом». Данный факт обуславливает наличие дискуссии у представителей научного сообщества по вопросам, связанным с определением сущности и содержания понятия «злоупотребление избирательными правами», а также необходимости законодательного закрепления данной правовой категории.

Так, А.А. Макарец указывает, что в качестве определяющих признаков злоупотребления избирательными правами, позволяющих отграничить данные нарушения от иных видов противоправных деяний, следует называть: 1) отсутствие

явного нарушения действующего законодательства; 2) обязательный факт наличия вины в форме прямого умысла. По мнению автора, злоупотребления избирательными правами не должны выходить за рамки избирательного права, т.е. регулироваться нормами законодательства об административных правонарушениях или уголовных преступлениях, а также гражданско-правовой ответственности [5, с. 13].

С подобной позицией следует согласиться. Действительно, злоупотребления, в отличие от правонарушений или преступлений, необходимо регламентировать именно нормами избирательного законодательства. На данный факт указывает отсутствие явного нарушения норм действующего законодательства, что нехарактерно для противоправных деяний. В то же время, несмотря на, с одной стороны, правомерный характер действий субъекта избирательных прав, злоупотребление влечёт за собой наступление негативных последствий, которые напрямую сказываются не только на избирательных правах других участников выборов или референдума, но и на всём избирательном процессе в принципе.

Мнения И.А. Мсоевой сводится к тому, что термин «злоупотребление избирательными правами», ввиду своей специфики, подлежит законодательному закреплению. Автор указывает, что на текущий момент времени избирательное законодательство Российской Федерации не включает в себя отдельных норм, которые могли бы позволить квалифицировать те или иные деяния, как злоупотребление избирательными правами. Подобная ситуация провоцирует возникновение проблемы, связанной с невозможностью определения надлежащих мер привлечения виновных в таких злоупотреблениях лиц к юридической ответственности [6, с. 147].

Позиция И.А. Мсоевой в действительности представляется рациональной. Значение избирательного процесса для демократических институтов неоспоримо. По данной причине важно, чтобы на законодательном уровне была разработана необходимая правовая база, позволяющая не только квалифицировать отдельные деяния, являющиеся злоупотреблением избирательными правами, но и установить меры юридической ответственности, которые должны применяться по отношению к лицам, их совершившим. По нашему мнению, подобные действия обладают ещё одним преимуществом в виде создания новых возможностей по предупреждению злоупотреблений избирательными правами.

Е.М. Денисенко приходит к выводу, что круг общественных отношений, регулируемых нормами избирательного права, является настолько широким, что их полноценное регулирование не представляется возможным в текущих условиях [4, с. 17]. Уточним. Что мы не считаем возможным согласиться с выдвинутым мнением. Избирательный процесс, в действительности, представляется достаточно сложным и многоэтапным, что затрудняет процесс модернизации избирательного законодательства. В то же время, целью любого законодателя должно выступать совершенствование нормативного правового регулирования общественных отношений таким образом, чтобы стало возможным устранить все законодательные пробелы и иные недостатки, которые препятствуют практической реализации норм Конституции Российской Федерации.

Следует также оговориться, что в отдельных актах действующего законодательства уже нашли своё отражения виды злоупотребления избирательными правами. Так, в ч. 5 ст. 40 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» содержится чёткое указание на то, что любое использование административного ресурса с целью склонения на свою сторону избирателей следует рассматривать в качестве нарушения избирательного законодательства, т.е. подобное поведение признаётся злоупотреблением избирательным правом. В п. «ж» обозначенной нормы положение, указывающее на то, что проводимые государственными или муниципальными органами публичные мероприятия не могут быть использованы в качестве инструмента предвыборной агитации [2].

Для того, чтобы сформулировать понятие злоупотребления избирательными правами, как нам кажется, следует прибегнуть к методу законодательной аналогии, так как в действующих нормативных правовых актах уже существуют нормы, регламентирующие отдельные виды злоупотреблений гражданскими правами. Так, исходя из нормы ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что под злоупотреблением правом понимается – такая реализация субъективных гражданских прав, которая предполагает заведомо недобросовестные мотивы, выраженные, например, в желании причинить вред другому субъекту общественных отношений [1].

В случае с злоупотреблением избирательными правами необходимо учитывать специфику предмета, т.е. правоотношений, на которые направлено нормативное правовое регулирование. В качестве такого предмета рассматриваются общественные отношения, возникающие и прекращающиеся в рамках участия граждан в избирательном процессе. Важно отметить, что речь идет обо всех этапах избирательного процесса. Таким образом, можно сделать вывод, что под злоупотреблением избирательными правами можно понимать – осуществление гражданами избирательных прав заведомо недобросовестным образом, оказывающим негативное воздействие на избирательный процесс, наносящим вред общественным отношениям, складывающимся в рамках проведения выборов федерального, регионального и муниципального уровня.

Как мы можем заметить, вопрос определения деяний, признаваемых злоупотреблением избирательным правом, нашёл своё отражение в актах действующего законодательства. Данный факт подтверждает высказанный ранее тезис о том, что на правовом уровне существует реальная возможность регулирования каждого из аспектов, связанных с проведением выборов и референдумов.

Недостатки, связанные с определением злоупотреблений избирательными правами, напрямую сказываются на судебной практике. Отсутствие конкретных критериев для квалификации деяний не позволяет надлежащим образом установить факт отсутствия или наличия злоупотребления, а также определить надлежащую меру юридической ответственности.

Так, к примеру, анализ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2018 г. № 2496-О, позволяет установить, что некоторые аспекты, связанные с регулированием порядка выдачи повторных избирательных бюллетеней, обладают проблемным характером. Так, гражданин Б. обратился в суд общей юрисдикции с целью признания решения избирательной комиссии незаконным. Из материалов дела следует, что гражданин Б. неправильно заполнил два избирательных бюллетеня. В выдаче третьего бюллетеня Б. было отказано. Причиной отказа избирательная комиссия указала злоупотребление избирательным правом. Рассмотрение дела гражданина Б. в суде апелляционной инстанции позволило заключить, что избирательная комиссия пришла к верному выводу о злоупотреблении правом, что делает её отказ полностью правомерным [3].

Как мы можем заметить, суд признал решение избирательной комиссии правомерным несмотря на то, что ни в одном из актов действующего законодательства не установлено, что запрос двух и более бюллетеней взамен испорченного может быть рассмотрен в качестве злоупотребления избирательным правом. Кроме этого, важно отметить, что гражданин Б., как следует из материалов дела, запрашивая повторные бюллетени, осуществлял попытку создать прецедент, с целью наглядного проявления недостатков действующего законодательства. Подобное поведение, с моральной точки зрения, нельзя признать добросовестным. В то же время, отсутствие причинно-следственной связи между деянием и наступлением вреда, а также правомерность действий гражданина Б., позволяют заключить отсутствие факта злоупотребления правом с его стороны.

В качестве итога осуществленного исследования приведем следующие ключевые положения. Отдельные нормы действующего избирательного законодательства содержат

в себе пробелы, повышающие риск злоупотребления избирательным правом со стороны граждан Российской Федерации. Таким образом, с целью разрешения выявленных проблем, считаем возможным предложить изменения в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в виде включения в новой XII главы под заголовком «Злоупотребление избирательными правами».

В качестве понятия злоупотребления избирательными правами предлагаем к научной дискуссии собственную интерпретацию. Это осуществление гражданами избирательных прав заведомо недобросовестным образом, оказывающим негативное воздействие на избирательный процесс, наносящее вред общественным отношениям, складывающимся в рамках проведения выборов федерального, регионального и муниципального уровня.

В новой главе Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ видится обоснованным определить понятие и содержание злоупотребления избирательными правами, конкретные виды таких злоупотреблений и меры юридической ответственности.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2018 г. № 2318-О // Документ опубликован не был; <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.09.2024 г.).
4. Денисенко Е.М. Некоторые аспекты злоупотребления избирательными правами // Вестник Университета «Кластер». – 2022. – № 6. – С. 16-22.
5. Макарецв А.А. Злоупотребление избирательными правами: теоретико-правовые основы и проблемы правового ограничения // Избирательное право. – 2015. – № 1. – С. 12-18.
6. Мсоева И.А. Злоупотребление правом при осуществлении гражданами РФ активного избирательного права // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. – 2018. – № 1. – С. 147-152.

Шаршавова М.Ю.¹, Набока А.А.²

**К вопросу нормативного регулирования процедуры аттестации
сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации**

¹*Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова
(Россия, Хабаровск)*

²*Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-425

Аннотация

В статье анализируются проблемы, возникающие в процессе аттестации сотрудников органов внутренних дел РФ.

Отмечается актуальность исследования обусловлена несовершенством нормативно-правового регулирования этой процедуры и необходимостью устранения пробелов в законодательстве РФ.

Ключевые слова: аттестация сотрудников ОВД, полиция, аттестационная комиссия, сотрудник ОВД, личные и деловые качества сотрудника органов внутренних дел.

Abstract

The article analyzes the problems that arise in the process of certification of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the

imperfection of the regulatory regulation of this procedure and the need to eliminate gaps in the legislation of the Russian Federation.

Keywords: attestation of police officers, police, attestation commission, police officer, personal and business qualities of an employee of the internal affairs bodies.

В современных реалиях одной из ключевых задач Российской Федерации становится обеспечение прав и интересов граждан, поддержание общественного порядка и создание комфортной атмосферы в стране. Для достижения этих целей государство наделяет специально созданные структуры соответствующими полномочиями, одной из таких структур являются органы внутренних дел (ОВД).

Для выполнения поставленных перед структурой задач необходимы как материальный, информационный ресурсы, так и профессиональный кадровый состав, к которому, ввиду специфики полномочий, предъявляются достаточно объемные по своему количеству требования. Они содержатся в главе 3 Федерального закона № 342-ФЗ от 30 ноября 2011 г. «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В целях определения соответствия сотрудника ОВД замещаемой им должности, федеральным законодательством устанавливается процедура аттестации сотрудников органов внутренних дел, которая позволяет оценить результаты служебной деятельности сотрудника. И соответственно оценка должна складываться с учетом анализа успешности выполнения возложенных на сотрудника задач, с учетом его морально-деловых качеств и уровня квалификации и самое главное оценка должна быть объективной и беспристрастной. Основания и цели проведения аттестации закреплены в статье 33 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ [4]. Порядок проведения аттестации определен главой X Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России № 50 от 1 февраля 2018 года [2].

Современной и основной проблемой нормативно-правового регулирования является отсутствие законодательно закрепленного определения аттестации. Т.В. Анисимова объясняет это обстоятельство отсутствием адекватной государственной концепции аттестации, которая позволила бы разрешить ряд вопросов, возникающих при ее проведении и связанных с терминологическим аппаратом [3, с. 3]. Н.Г. Разуваева соглашается с данным мнением лишь частично, говоря о том, что отсутствие нормативно закрепленной дефиниции аттестации в российском законодательстве традиционно, и значительно не влияет на саму процедуру [5, с. 118].

Отсутствие четкого юридического определения аттестации в федеральном законодательстве создает существенные проблемы на практике, несмотря на распространенное мнение о его несущественности.

Законодательно закрепленное определение аттестации значительно облегчило бы процесс проведения аттестации сотрудников внутренних дел. Утверждение о незначительном влиянии этого пробела на правоприменительную практику не соответствует действительности. Дело в том, что неопределенность понятия «аттестация» порождает множество коллизий, осложняя как процесс самой аттестации, так и последующее разрешение споров, связанных с её результатами. Например, нет четкого понимания какие именно критерии подлежат оценке: исключительно профессиональные навыки и знания аттестуемого сотрудника, или также личностные качества, стиль работы и взаимодействие в коллективе? Именно отсутствие единого понимания приводит к различной трактовке результатов аттестации сторонами трудовых отношений и неизбежно приводит к служебным спорам.

Внедрение юридически закрепленного определения аттестации в федеральные законы решило бы множество проблем. Во-первых, это позволило бы установить единые правила проведения аттестации, а именно, следовало бы определить на законодательном

уровне такие обязательные элементы процедуры как: своевременное извещение о предстоящей аттестации и как следствие, наличие у аттестуемого возможности подготовить необходимые документы и представить свои доводы; порядка проведения процедуры аттестации; закрепление мер ответственности непосредственного руководителя аттестуемого сотрудника за достоверность сведений, отраженных в отзыве; формирование аттестационной комиссии (члены комиссии должны обладать соответствующими познаниями в области законодательства); критерии оценки служебной деятельности, морально-деловых качеств и уровня квалификации сотрудника; ответственность председателя и членов аттестационной комиссии за нарушение порядка проведения аттестации принятие неправомερных решений (например, когда члены комиссии задают вопросы аттестуемому, выходящие за рамки его служебной деятельности; дают свою личную субъективную оценку личным и деловым качествам сотрудника в его присутствии, стараясь принизить его в глазах комиссии или комиссия единогласно принимает решение «перенести аттестацию на шесть месяцев» без указания причины переноса и т.д.), порядок обжалования результатов и т.д. Это позволило бы исключить произвол и субъективизм при проведении аттестации, сделав, при этом сам процесс более прозрачным и предсказуемым.

Во-вторых, наличие законодательного определения значительно облегчило бы работу судов при рассмотрении споров, связанных с расторжением контракта по результатам аттестации. Сейчас судьям приходится самостоятельно интерпретировать понятие аттестации, анализируя конкретные обстоятельства каждого дела. Единое законодательное определение позволило бы судам применять единый подход к рассмотрению таких споров, обеспечивая более быстрое, эффективное и правосудное решение. Судьи могли бы опираться на конкретные, законодательно установленные критерии, исключая неопределенность и возможность различных толкований. Более того, в законе можно было бы установить порядок документирования процесса аттестации, что упростило бы доказательство фактов в суде.

Наконец, четкое юридическое определение аттестации способствовало бы развитию культуры корпоративного управления и повышению эффективности служебной деятельности. Знание утвержденных правил и критериев проведения процедуры аттестации позволило бы сотрудникам лучше понимать требования к их работе и направлять свои усилия на достижение заданных целей.

Таким образом, введение четкого законодательного определения аттестации существенно укрепило бы правовую защищенность сотрудников обеспечило бы правовую ясность в сфере трудовых отношений. А это, в свою очередь, позволило бы предотвратить множество конфликтов и обеспечить наиболее эффективное и справедливое решение служебных споров. Кроме того, это позволит совершенствовать качество работы аттестационных комиссий и повысить доверие к процессу аттестации в целом.

1. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 26.02.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.12.2011,
2. Приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 (ред. от 30.01.2023) «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 23.03.2018.
3. Анисимова, Т. В. Институт аттестации государственных служащих в административном праве : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Анисимова Татьяна Владимировна. – Москва, 2010. – 25 с. – EDN QHCNYH.
4. Баландина, А. И. Актуальные проблемы проведения аттестации сотрудников органов внутренних дел / А. И. Баландина. — Текст : непосредственный // Право: современные тенденции : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). — Краснодар : Новация, 2016. — С. 46-47. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/180/9493/> (дата обращения: 13.10.2024).
5. Разуваева, Н. И. Подбор и аттестация кадров органов внутренних дел (административно-правовые и организационные аспекты) : специальность 12.00.14 "Административное право; административный процесс" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Разуваева Наталья Ивановна. – Воронеж, 2014. – 27 с. – EDN ZPMGLP.

Шахмарданов В.Д.

Правовой статус эксперта и специалиста: основные отличия

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-426

Научный руководитель: Синенко В.С.

Аннотация

В этой статье проводится сравнительный анализ правового статуса эксперта и специалиста в российском процессуальном законодательстве. Основное внимание уделяется различиям между данными категориями участников судебного процесса и их правам и обязанностям.

Ключевые слова: специалист, специальные знания, эксперт.

Abstract

This article provides a comparative analysis of the legal status of an expert and a specialist in Russian procedural legislation. The main attention is paid to the differences between these categories of participants in court proceedings and their rights and obligations.

Keywords: specialist, special knowledge, expert.

Правовой статус эксперта и специалиста урегулированы нормами процессуального и специального законодательства. Кроме того, предполагается, что он не может быть различен зависимости от видов процессуального судопроизводства. Осуществляемые права и обязанности эксперта и специалиста соответствуют методическим, теоретическим и практическим знаниям в определённой сфере.

Процессуальное законодательство определяет четкое отличие между экспертом и специалистом. Специалистом можно назвать лицо, обладающее специальными знаниями в определенной сфере и назначаемое судом для оказания содействия в производстве следственных действий, в частности применении технических средств, исследовании материалов и содействии в обнаружении и изъятии предметов и документов.

В соответствии с ч. 1 ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), определяется компетенция специалиста, в рамках которой он разъясняет сторонам и суду необходимые вопросы [1]. Сходство правового статуса эксперта и специалиста заключается в наличии тем и другим специальных знаний. Кроме того, результаты деятельности обоих участников обладают доказательственным значением. Однако суть их деятельности имеет различное содержание.

Заключение специалиста основано на его логических выводах и рассуждениях, что представляется исходя из наличия специальных знаний. Рассуждениям специалиста предшествует непосредственное восприятие представленных фактов и материалов. Он может проводить экспресс-анализы и иные несложные тесты на выявление каких-либо веществ. Чаще всего указанные действия совершаются специалистами в рамках производства следственных действий.

Эксперт же не может руководствоваться исключительно логикой и рассуждениями. Его заключение строится на основе проведенного исследования представленных на экспертизу объектов.

Таким образом, вопросы, поставленные эксперту и специалисту, имеют различный характер. В качестве критерия разграничения выступает необходимость исследования представленных материалов с использованием научных методов. В соответствии с ч. 1 ст. 80 УПК РФ, эксперту ставят вопросы прокурор, следователь, дознаватель и стороны. Специалисту в уголовном процессе ставят вопросу, согласно ч. 3 ст. 80 УПК, стороны, которым он представляет в письменном виде суждение.

Считаем, что участие специалиста, чье суждение доказательно важно, возможно исключительно в рамках судебного разбирательства. Как считает В. И. Зажицкий, заключение эксперта и специалиста нельзя подменять друг другом, поскольку это два принципиально разных явления [5].

Эксперт вправе проводить самостоятельные экспертные исследования вне процессуальных действий. Он привлекается к участию в процессе соответствующим процессуальным актом, в том числе постановлением следователя, дознавателя, определения суда. Специалист привлекается к участию в рамках процессуальных действий, которые осуществляются следователем, судом, дознавателем и органом дознания [6]. Он не может проводить самостоятельные исследования и должен отвечать только на четко поставленные вопросы. Ответы должны выглядеть в форме разъяснений, например, свойств тех или иных предметов или явлений, характере каких-либо процессов природы и общества.

Еще одним отличием является тот факт, что производство экспертизы предполагает получение ответов на сложные вопросы, которые можно добыть с помощью использования специального оборудования, материалов, приборов, образцов для сравнительного исследования. Для проведения той или иной экспертизы устанавливаются конкретные правила по описанию, изложению хода проведенных исследований и формулированию выводов.

Некоторые авторы, в частности М. К. Треушников, полагают, что проблема разграничения компетенции эксперта и специалиста требует комплексного подхода [7, с. 107]. В рамках гражданско-процессуального законодательства статус данных лиц особо противоречивый и непоследовательный в отличие от норм уголовно-процессуального закона.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) термин «специальные знания» применяется исключительно в отношении экспертов [2]. К специалистам применимо понятие «профессиональные знания». М. В. Жижина указывает на то, что профессиональные знания содержат в себе специальные, однако, не подменяют друг друга. Соответственно, данные знания можно назвать взаимодополняемыми [8, с. 13]. В сфере гражданского процесса указанные лица не имеют материально-правового статуса и не могут быть заинтересованными в исходе дела, соответственно, относятся к категории лиц, содействующих правосудию.

Специалист может оказывать в рамках процесса справочно-консультационные услуги без проведения специальных исследований в соответствии с ч. 3 ст. 188 ГПК РФ, а также техническую помощь в плане фотографирования, видеосъемки, отбора образцов для экспертизы, составления схем и тому подобное. Как указывает п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.08.2008 № 13, проведением исследований занимается эксперт в рамках производства соответствующей экспертизы [4].

Эксперт дает пояснения по проведенной экспертизе строго в письменной форме, при этом специалисту допустимо давать пояснение по заключению как в устной форме (консультация), так и в письменной. В гражданском процессе заключение специалиста нельзя считать доказательством по делу, в арбитражном консультацию специалиста – можно. Она считается доказательством наряду с заключением эксперта в соответствии с ч. 2 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [3].

В соответствии со ст. 157 ГПК РФ, суд обязан исследовать все доказательства, содержащиеся в деле, в том числе консультации и пояснения специалиста. Такое явное противоречие норм процессуального закона может создать сложности в правоприменительной практике. Поэтому, считаем, что необходимо в качестве средств доказывания, указанных в ст. 55 ГПК РФ, определить также заключение (консультацию) специалиста.

Также в качестве отличий выделяют тот факт, что эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, а специалист нет. На наш взгляд, отсутствие данной нормы может повлечь вынесение необъективного и необоснованного решения по делу.

Таким образом, можно сделать вывод, что положение эксперта и специалиста в российском процессуальном праве значительно отличается. Данные лица объединены наличием специальных знаний и назначением их в качестве таковых соответствующим актом следователя, дознавателя, прокурора, суда. Содержание их деятельности различается. Эксперт занимается проведением экспертизы и дает заключение, о чем в дальнейшем может давать пояснения только в письменной форме, специалист дает пояснение (консультацию) как в устной, так и в письменной форме. Кроме того, гражданско-процессуальное законодательство не признает заключение специалиста в качестве доказательства, что, на наш взгляд, неправильно и требует совершенствования со стороны законодателя.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. - № 220. - 20.11.2002.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 30.10.2008. - № 10.
5. Зажицкий, В. И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права / В. И. Зажицкий // Российская юстиция. - 2007. - № 9.
6. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный. - 4-е изд., доп. и перераб. / Под общ. ред. А. В. Смирнова. - М.: КНОРУС, 2008.
7. Треушников, М. К. Судебные доказательства. / М. К. Треушников. - М.: Городец, 2014. - 272 с.
8. Жижина, М. В. Методологические основы использования специальных знаний в гражданском и арбитражном процессе / М. В. Жижина // Теория и практика судебной экспертизы. - 2014. - № 3. - С. 10-18.

Швыдкова В.В.

Криминологическая характеристика ятрогенных преступлений

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-427

Научный руководитель: Алейникова В.А.

Аннотация

В данной статье приведен криминологический аспект ятрогенной преступности. Особое внимание было уделено общей характеристике преступлений данной направленности. Автором подчеркнут факт возрастания случаев подобных деяний, что является предпосылкой для разработки криминологических мер. В ходе исследования был затронут аспект криминологической личности ятрогенного преступника. Сделан вывод и необходимости модернизации отечественной системы здравоохранения.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, медицинские работники, пациенты, система здравоохранения, ятрогенный преступник.

Abstract

This article presents the criminological aspect of iatrogenic crime. Special attention was paid to the general characteristics of crimes of this type. The author emphasizes the fact of an increase in cases of such acts, which is a prerequisite for the development of criminological

measures. During the study, the aspect of the criminological personality of the iatrogenic criminal was touched upon. The conclusion is also made that there is a need to modernize the domestic healthcare system.

Keywords: iatrogenic crimes, medical workers, patients, healthcare system, iatrogenic offender.

В связи со сложной эпидемиологической обстановкой в период распространения коронавирусной инфекции получила развитие и ятрогенная преступность. Такого рода преступления очень часто вызывают высокий общественный резонанс и порождает недоверие населения к системе отечественного здравоохранения. В этой связи наличествует нужда в разработке профилактических мер для борьбы с «медицинской преступностью». Поэтому криминологическая характеристика данных деяний представляет высокий интерес как в практической, так и в теоретической составляющих.

Для начала обратимся к статистическим данным: в 2022 году было возбуждено 1860 уголовных дел по преступлениям, непосредственно связанных с медицинскими работниками. В 2023 году уголовные дела в отношении врачей возбуждались по фактам причинения смерти по неосторожности, а также оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности и халатность, повлекшее за собой по неосторожности тяжкий вред здоровью или смерть. Целесообразно озвучить, что из себя представляет ятрогенная преступность, за основу возьмем определение Ю.А. Чернышевой: «под ятрогенными преступлениями ученые понимают общественно опасные деяния, совершенные умышленно или по неосторожности медицинскими работниками, нарушающие основные принципы оказания медицинской помощи, совершаемые при исполнении служебных или профессиональных обязанностей и ставящие под угрозу жизнь и здоровье пациента» [4, с. 110-111].

Исходя из вышеизложенного определения, можно отметить, что в данном случае наличествует специальный субъект - медицинский работник. Еще примечательно, что в действующем УК РФ нет раздела, посвященного ятрогенным преступлениям, это достаточно критикуется в науке, т.к. некоторые составы, например, 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности) по мнению некоторых исследователей не применима к медицинским работникам в силу субъективной и объективной стороны, хотя на практике данная норма вполне применяется в отношении медицинских работников, которые оказывают медицинские услуги в ненадлежащем порядке. Поэтому уголовно-правовая характеристика ятрогенной преступности также все еще актуальна для дальнейших научных изысканий.

В рамках настоящего исследования мы приведем некоторые признаки криминологической характеристики ятрогенных преступлений:

- 1) характеризуются высоким уровнем латентности и корпоративной солидарностью медицинских работников, что является фактором сокрытия следов преступления и препятствованием уголовному преследованию. Латентность также может выражаться в наличии мнения, что врачи не могут совершать преступления, например, умышленно вредить пациенту, ведь это противоречит клятве врача;
- 2) носят ситуационный характер, иными словами, часто совершаются в неблагоприятном стечении обстоятельств. Очень большую роль здесь играет и администрация медицинского учреждения, когда выходит из строя медицинское оборудование, не хватает лекарств, в принципе низкая подготовленность кадров или же их чрезмерная перегрузка;
- 3) чаще всего неосторожная форма вины, когда врач необоснованно полагается на свои собственные знания, например, не назначает дополнительные обследования;

- 4) особый признак - потерпевший. В данном случае специализированный не только субъект преступления - медицинский работник, но и потерпевший - пациент. Как отмечает Т.С. Киселева: «риск первичной виктимизации распространяется на любое лицо, обратившееся за оказанием медицинской помощи» [1, с. 62];
- 5) ятрогенных преступления могут выражаться как в действии, так и бездействии лиц.

В рамках данного исследования считаем целесообразным обратиться к криминологической характеристике личности ятрогенного преступника и привести некоторые аспекты. Как уже было не раз сказано выше, субъектом данных деяний являются медработники. Эти лица имеют специализированное образование. Как правило, среди медицинских работников преобладают женщины, но в последнее время очень часто заметны и мужчины. Что касается возраста, то здесь стоит привести выдержку из исследования А.А. Хизриева: «лица в возрасте 30 - 39 лет в основном совершают умышленные преступления с использованием профессиональных навыков и знаний в качестве способа их совершения, а также должностных преступлений. Также достаточно высокий процент должностных преступлений наблюдается у возрастной группы 46 - 55 лет» [3, с. 157].

Важно отметить, что ятрогенные преступления достаточно сложные в расследовании. Во-первых, специфика медицинской сферы, в которой приходится разбираться следователю и выстраивать самостоятельно логические цепочки. Также на пути правоохранительных органов становится уже нами упомянутая корпоративность медицинских работников, когда происходит сокрытие следов, уничтожение и искажение информации по делу с мотивационной составляющей в виде представлений о корпоративной этике и врачебной тайне. А.А. Лавриненко считает, что: «есть все основания утверждать, что подобные обстоятельства обусловлены тем, что медицинское сообщество является одной из самых многочисленных закрытых профессиональных групп. Для этого сообщества свойственны высокая степень сплоченности и взаимной поддержки его членов, согласованности их позиций и действий, развитая корпоративная этика. Все это позволяет медикам в некоторых ситуациях с успехом манипулировать окружающими, в том числе и представителями следственных органов» [2, с. 188-189].

Что касается криминологических мер профилактики ятрогенной преступности, то здесь должны преобладать методы информирования самих медицинских работников и пациентов о своих правах и обязанностях в правовом ключе, т.к. сфера здравоохранения оснащена большим спектром нормативных правовых актов. Здесь эффективным был бы вариант создания специальных комиссий, которые бы занимались надзором и контролем за деятельностью медицинских работников, правовым информированием и защитой прав и законных интересов в данной области.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в Российской Федерации ятрогенная преступность все еще находится в состоянии повышенного роста, что требует большого внимания со стороны компетентных органов для противодействия этой ситуации. Особое внимание государство должно уделить аппарату здравоохранения, т.к. он очень часто является катализатором причин, которые способствуют возникновению криминальных настроений среди медицинских работников.

1. Киселева, Т. С. Криминологическая характеристика ятрогенных преступлений / Т. С. Киселева // Право. Общество.государство : Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Том 12. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – С. 61-63.
2. Лавриненко, А. А. Проблемные аспекты криминалистической профилактики ятрогенных преступлений / А. А. Лавриненко // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : Материалы Всероссийской научно-практической конференции к

- юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Александра Алексеевича Протасевича, Иркутск, 15 декабря 2022 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. – С. 185-192.
3. Хизриев, А. А. Характеристика личности ятрогенного преступника / А. А. Хизриев // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 4(208). – С. 156-158. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_4_156.
 4. Чернышева Ю. А. Общая характеристика ятрогенных преступлений // Закон и право. — 2018. — № 12. — С. 110–111.

Швыдкова В.В.

Особенности правовой охраны морских млекопитающих

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-428

Научный руководитель: Митякина Н.М.

Аннотация

В настоящем исследовании приводятся некоторые аспекты юридической защиты морских млекопитающих в рамках отечественного законодательства. Приведена характеристика новых положений, направленных на установление запрета вылова указанных животных для реализации учебных и культурно-просветительских целей. Автором подчеркнута важность создания специализированного акта, касающегося правового регулирования отношений с участием морских млекопитающих.

Ключевые слова: морские млекопитающие, гуманность, ответственность, жестокое обращение с животными.

Abstract

This study presents some aspects of the legal protection of marine mammals within the framework of domestic legislation. The article describes the new provisions aimed at establishing a ban on catching these animals for educational and cultural purposes. The author emphasizes the importance of creating a specialized act concerning the legal regulation of relations involving marine mammals.

Keywords: marine mammals, humanity, responsibility, animal cruelty.

Вопрос охраны животных был актуален всегда и не теряет ее по сей день. Законодательство постоянно совершенствуется и задает новые направления их правовой защиты. Наиболее ярким примером в последнее время является новый закон о запрете вылова морских млекопитающих для учебных и культурно-просветительских целей [1]. Данный закон вступил в силу с 1 сентября 2024 года. Примечательно, что ранее был запрещен промышленный вылов китообразных, включая дельфинов, косаток, белух и морских свиней, но это не решило большое количество проблем этой области.

Начнем с того, что морские млекопитающие и в принципе другие животные активно использовались в развлекательных и культурно-зрелищных целях, например, в зоопарках, дельфинариях, океанариумах, цирках и иных организациях с подобной целевой направленностью. Но недобросовестные представители администраций подобных учреждений очень часто были замешаны в жестоким обращении с животными. Например, в Севастополе директор дельфинария выпустил прирученных краснокнижных дельфинов в море [5]. По этому факту МВД возбудили уголовное дело по статье 245 УК РФ Жестокое обращение с животными. Расследование еще продолжается, но

Арбитражный суд Севастополя и Черноморо-Азовское морское управление Росприроднадзора уже приняли решение о назначении штрафа в размере 250.000 тыс. рублей. Причиной такого деяния назвалась нехватка средств на содержание дельфинов и большие долги. Также выяснилось, что виновный нарушил условия лицензии, которая была выдана Россельхознадзором, на ее основании он должен был содержать дельфинов до их естественной смерти даже в случае, если тех невозможно было бы использовать в культурно-зрелищных целях. Что касается самих дельфинов, то они так и не были найдены и вопрос их существования в открытом море все еще открыт.

Похожих случаев по отношению к морским млекопитающим было достаточно много, СМИ часто освещали подробности дрессировок с применением насилия, неправильное кормление и иные случаи. В связи с этим законодательство следит за данной областью и постоянно выпускает новые нормы, чем и стали изменения по поводу окончательного запрета вылова морских млекопитающих для учебных и культурно-просветительских целей.

В данном исследовании мы ставим задачу в подробном рассмотрении упомянутого законодательного новшества, предпосылок его принятия и дальнейшее действие, а также другие аспекты правового регулирования охраны морских млекопитающих.

Предпосылкой для таких изменений стал факт наличия «китовой тюрьмы» в Приморье, где в несоответствующих условиях держали косаток и белух, предназначенных для китайских дельфинариев. Именно после этого начался разрабатываться проект запрета вылова морских млекопитающих для такого рода целей.

Исходя из содержания нового закона, вылов этих животных может совершаться в исключительных случаях, например, в реализации научных целей. Но стоит сразу отметить, что запрет по своей сути не является полным, вылов будет разрешен на основании решения специальной комиссии, создаваемой Правительством Российской Федерации [1]. Закон не распространяет свое действие на морских млекопитающих, которые уже были выловлены. То есть, фактически дельфинарии, океанариумы и другие подобные учреждения продолжают работу со своими животными.

В рамках настоящего исследования замечаем, что указанные поправки не решили большое количество проблем в сфере правовой охраны морских млекопитающих. Начнем с того, что на данном этапе в законодательной системе нет единого закона по морским млекопитающим, что создает некоторые проблемы. Например, все еще нигде не содержится легального определения «морские млекопитающие». В силу специфики регулируемых правоотношений такая ситуация не способствует эффективному практическому применению. О.В. Устьянцева и Е.Л. Власова считают, что «отсутствие легального определения «морское млекопитающее» не способствует эффективности правоприменения, например, в вопросах отделения предмета преступления от смежных составов в отношении краснокнижных животных, животных, ведущих полуводный образ жизни. Обобщая справочники по компонентам водной среды, можно заключить, что под «морскими млекопитающими» следует понимать полифилетическую группу водных и полуводных животных, жизнеспособность которых зависит от морских (и пресноводных) экосистем. Их неоднородное распределение по водным объектам, наличие эндемических видов требуют осмысленного совершенствования законодательства» [4, с. 86].

Специалисты также считают, что режим правовой охраны морских млекопитающих в действительности не представляет из себя единую систему, потому что одна часть промысловых животных находятся под контролем Минсельхоза, а краснокнижные животные - под контролем Минприроды и Росприроднадзора [6].

Ещё одной болевой точкой законодательства является вопрос об оказании ветеринарной помощи морских млекопитающих в состоянии естественной свободы. Здесь наблюдается пробел, т.к. нет соответствующих норм, которые закрепляют порядок оказания такой помощи, правилах реабилитации и выпуска в естественную среду обитания таких животных, которые пострадали от влияния антропогенных факторов. В пример можно привести ситуацию в отечественном черноморском секторе, когда представителей китообразных, имеющих особый статус, выбросило на сушу из-за воздействия определенных факторов. В решении данного вопроса считаем нужным согласиться с позицией О.В. Устьянцевой и Е.Л. Власовой: «представляется необходимым организовать порядок выдачи оперативных разрешений на оказание ветеринарной помощи диким животным в среде их обитания (или с изъятием из среды обитания), осуществление контрольно-надзорных мероприятий в рамках одного государственного органа» [4, с. 88].

Целесообразно затронуть вопрос ответственности за недолжное обращение с морскими млекопитающими. Предусмотрены ряд специализированных составов правонарушений в КоАП РФ (8.52-8.54) и ст. 245 УК РФ о жестоком обращении с животными. На последнем предлагаем остановиться, т.к. в рамках данной нормы предусмотрены деяния, которые влекут за собой гибель или увечье животного, также не предусмотрена конфискация имущества (чем являются животные в соответствии с положениями гражданского законодательства) из-за отсутствия в ст. 104.1 УК РФ «Конфискация имущества» закреплённого случая возможности этого действия по ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными» [2]. На этот счет в науке бытует мнение, что в данном случае нарушается принцип гуманности, т.к. по сути отсутствует возможность изъять у собственника и по возможности вернуть их в естественную среду обитания [3, с. 384].

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что российское законодательство движется в положительном направлении в сфере охраны морских млекопитающих. Однако, в теории и практике все еще наличествует ряд проблемных вопросов, которые требуют повышенного внимания. Также следует следить за дальнейшим развитием ситуации вокруг установленного запрета вылова этого вида животных, но уже стоит подчеркнуть, что это решение на сохранение морских млекопитающих и реализации принципа гуманного отношения к ним.

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 10.07.2023 N 314-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2024).
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2024).
3. Правовой аспект содержания и использования животных в культурно-зрелищных целях / В. И. Ратникова, Н. В. Стрельникова, И. А. Стрельников, Ю. Е. Демченко // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 4(37). – С. 382-386. – DOI 10.26140/bgz3-2021-1004-0088. – EDN MXVXJV.
4. Устьянцева, О. В. Совершенствование законодательства в области охраны и использования морских млекопитающих / О. В. Устьянцева, Е. Л. Власова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – № 2(113). – С. 84-93. – DOI 10.22204/2587-8956-2023-113-02-84-93. – EDN SORJUC.
5. Директор скандального дельфинария в Севастополе заплатит штраф: РИА Новости Крым [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <https://crimea.ria.ru/20230125/direktor-skandalnogo-delfinariya-v-sevastopole-zaplatit-shtraf-1126578790.html> (дата обращения: 12.10.2024).
6. «Мы в недоумении»: что не так с законом о запрете добычи китов и дельфинов: РИА Новости [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <https://ria.ru/20211230/zakon-1766037036.html> (дата обращения: 12.10.2024).

Швыдкова В.В.

Заключение эксперта как средство доказывания в гражданском процессе

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-429

Научный руководитель: Синенко В.С.

Аннотация

В настоящей статье приведена характеристика заключения эксперта в качестве средства доказывания в гражданском судопроизводстве. Очень часто в ходе рассмотрения дел возникает необходимость использования каких-либо знаний в конкретной области, поэтому правосудие предусматривает проведение судебной экспертизы и приобщение заключения эксперта к доказательной базе. Автор в результате исследования приходит к выводу о том, что в силу специфики данного средства доказывания, суд и участники процесса не могут в виду отсутствия нужного спектра сведений полноценно оценить результат экспертного исследования на предмет достоверности, поэтому есть необходимость создания правового механизма делегирования данной процедуры.

Ключевые слова: судебная экспертиза, эксперт, заключение эксперта, объективность, достоверность, судебная оценка.

Abstract

This article describes the expert's opinion as a means of proof in civil proceedings. Very often, during the consideration of cases, it becomes necessary to use any knowledge in a specific area, therefore, justice provides for conducting a forensic examination and attaching the expert's opinion to the evidence base. As a result of the study, the author comes to the conclusion that due to the specifics of this means of proof, the court and the participants in the process cannot, due to the lack of the necessary range of information, fully evaluate the result of an expert study for reliability, therefore there is a need to create a legal mechanism for delegating this procedure.

Keywords: forensic examination, expert, expert opinion, objectivity, reliability, judicial assessment.

Достаточно часто правосудие сталкивается с рядом вопросов, решение которых возможно только с проведением экспертного исследования. Это могут быть различные сферы: наука, искусство, ремесло и т.д. Соответственно, для повышения уровня объективности и всесторонности судебного разбирательства участники процессе прибегают к проведению экспертизы, а экспертное заключение предстает как средство доказывания по делу. В основу настоящего исследования входят особенности экспертного заключения в качестве средства доказывания в гражданском судопроизводстве.

В ГПК РФ содержатся специальные статьи, которые посвящены назначению экспертизы и заключению эксперта (ст. 79 и ст. 86) [1]. При возникновении в ходе рассмотрения дела необходимости специальных познаний в определенной области, суд назначает экспертизу и может поручить ее судебно-экспертному учреждению либо конкретному эксперту, либо нескольким экспертам. Оформляется назначение экспертизы соответствующим определением.

В июле 2024 года были введены некоторые изменения, которые связаны с оплатой экспертных исследований. То есть, если ходатайство о назначении экспертизы было заявлено участниками судебного процесса, то суд выносит определение о назначении экспертизы после внесения денежных средств лицом, заявившим ходатайство о проведении экспертизы. Средства должны поступить на счёт, установленный законодательством. Если в установленный срок средства на счёт не поступают, то суд вправе принять решение об отклонении ходатайства о назначении экспертизы. В случае

наличия необходимости проведения исследования суд может назначить экспертизу уже по своей инициативе. Данное изменение направлено на реализацию своевременной оплаты услуг экспертных учреждений и экспертов, а также на избежание накопления огромных долгов за проведения подобного рода исследований.

Что касается заключения эксперта, то здесь важно отметить, что, согласно ст. 86 ГПК РФ, оно составляется в письменной форме, содержит в себе подробное описание проведенного исследования, выводы эксперта и ответы на поставленные перед ним вопросы [1]. Если у эксперта в ходе проведения экспертизы есть информация по поводу вопросов, которые не были перед ним поставлены, он вправе включить ответы на них в свое заключение. Здесь важно подчеркнуть, что законодатель здесь не налагает обязанность на эксперта отвечать на вопросы, которые не были перед ним поставлены.

По поводу оценки экспертного заключения, то в данном случае она проходит наравне с другими доказательствами, согласно ст. 86 ГПК РФ [1]. То есть, заключение эксперта не является обязательным для суда и заранее установленной силы не имеет. Однако, свое несогласие с экспертным исследованием суд должен мотивировать и указать в определении. В сфере несогласия судебных инстанций с результатами экспертизы происходит интересная практика, приведем один из случаев: «Судебная автотехническая экспертиза от ООО «Автоэкспертиза» подтвердила, что повреждения машины могли возникнуть из-за этого ДТП. Первая инстанция сочла, что это подтверждает требования истца, и частично их удовлетворила. Но Ставропольский краевой суд отменил это решение и отказал. Помимо других обстоятельств (например, расхождения данных страхового полиса), он проанализировал и выводы судебной экспертизы. По мнению крайсуда, специалист «Автоэкспертизы» лишь предположил, что повреждения могли образоваться из-за ДТП, то есть его выводы носят вероятностный характер. Кассационная инстанция поддержала это решение, но Верховный суд оказался другого мнения. Как указала коллегия под председательством Сергея Асташова, довод о вероятностном характере экспертизы нельзя принять во внимание, поскольку суд мог назначить дополнительную экспертизу по правилам ст. 87 ГПК (о дополнительных и повторных экспертизах)» [4].

Вопросы судебной оценки заключений экспертов вызывают многочисленные дискуссии и в теории. Суды руководствуются критериями относимости, допустимости и достоверности. Очень часто возникают проблемы с критерием достоверности, т.к. сама по себе суть экспертного исследования предполагает использование специальных знаний, которых нет у других участников судебного разбирательства, как и у судьи, в частности.

Е.Р. Россинская считает, что суд не может самостоятельно оценивать научную обоснованность экспертного исследования и ставить вопрос о его достоверности [2]. Действительно, оценка результатов экспертного исследования происходит несведущим лицом. В качестве решения данной проблемы в науке предлагается проведение допроса эксперта, ГПК РФ он предусмотрен, но на практике представляет собой уточнение конкретных моментов заключения, а не классический допрос. Но, опять же, мы возвращаемся к тому, что допрашиваемые лица не обладают комплексом знаний в вопросе, составляющем предмет допроса. Соответственно, большой пользы такой вид установления достоверности не принесет. Тогда возникает необходимость пригласить специалиста для оценки экспертного заключения, но и здесь возникает спорная ситуация, о которой указывает И.В. Юдин: «Привлечение в такой ситуации специалиста, с одной стороны, требует оценить его компетенцию, а с другой стороны, однозначно влечет за собой затягивание судебного процесса, поскольку суду необходимо будет принять решение по конкретной персоне, затем надлежащим образом пригласить в судебное заседание, ознакомить с выводами эксперта и т.д. При этом такой механизм не предусмотрен законодателем. Часть 1 ст. 188 ГПК РФ предусматривает участие специалиста при решении вопроса о назначении экспертизы либо при осмотре письменных доказательств. К моменту оценки заключения о результатах экспертизы она

уже не только назначена, но и проведена, а рассматривать оценку заключения эксперта как осмотр письменного доказательства не просто не корректно, а откровенно неправильно» [3, с. 53].

Исходя из вышеизложенного, наблюдается необходимость создания отдельного правового механизма судебной оценки заключений эксперта, например, право суда на проведение рецензирования. Рецензентом мог бы выступать специалист, имеющий знания в соответствующей области и в своей рецензии сможет указать на наличие каких-либо возможных ошибок и неточностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что заключение эксперта как средство доказывания в гражданском процессе имеет свои особенности и проблемные аспекты как в теории, так и в правоприменительной деятельности. Специфика данного способа хоть и во многом упрощает судопроизводство и повышает его объективность путем привлечения к разбирательству незаинтересованного в деле сведущего лица, но наравне с этим возникают спорные моменты в судебной оценке экспертных исследований.

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.09.2024).
2. Судебная экспертиза в гражданских процессах: науч.-практ. пособие / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2018. С. 82.
3. Юдин, И. В. Актуальные проблемы оценки достоверности выводов эксперта в гражданском судопроизводстве / И. В. Юдин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 50-55. – EDN TVJJGW.
4. Ошибки при оценке экспертиз: практика Верховного суда: Право.Ру [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <https://pravo.ru/story/244775/> (дата обращения: 30.09.2024).

Швыдкова В.В.

Профилактика терроризма среди молодежи

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-430

Научный руководитель: Судникова Н.Ю.

Аннотация

Профилактика идеологии терроризма является задачей государства для предотвращения очередных случаев проявления террористической деятельности. Особо уязвимыми в этом вопросе являются люди, относящиеся к категории молодежи, поэтому стоит уделять пристальное внимание профилактическим мероприятиям, которые направлены на борьбу с терроризмом для данной группы населения.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, профилактика, молодежь, противодействие терроризму.

Abstract

The prevention of the ideology of terrorism is the task of the State to prevent the next cases of terrorist activity. People belonging to the category of youth are particularly vulnerable in this matter, so it is worth paying close attention to preventive measures aimed at combating terrorism for this group of the population.

Keywords: terrorism, terrorist activities, prevention, youth, counteraction to terrorism.

В настоящее время мировое сообщество переживает не самые простые для себя времена из-за сложной геополитической обстановки. В связи с этим в обществе

обостряются антисоциальные явления. Они порождают конфликты и противоречия, которые сопровождаются применением различного рода насилия.

Также это касается идеологии терроризма, которая все еще проявляется в общественной жизни, недавним примером является террористический акт 22 марта 2024 года в «Крокус Сити Холл» в городе Красногорск Московской области. Данное событие потрясло всю страну и в связи с этим меры в области противодействия терроризму ожесточились по всему государству, особенно это коснулось образовательных организаций, например в российских школах усилен пропускной и внутриобъектовый режимы, проведен дополнительный инструктаж с сотрудниками охраны, педагогическим и обслуживающим персоналом, проведена проверка работоспособности технических средств и систем охраны, систем автоматической пожарной сигнализации, а также иные антитеррористические методы.

Исходя из вышесказанного, становится актуальной тема профилактики терроризма среди молодежи (в данном случае считаем целесообразным конкретизировать возрастную планку от 14 до 35 лет). Одной из причин пристального внимания к этому слою населения является факт большого погружения людей в информационные ресурсы, некоторые из которых могут содержать в себе пропаганду идеологии терроризма. Психологи считают, что заинтересованность в этом антисоциальном явлении может быть не только из-за каких-либо социально-экономических факторов, но и из-за психологических, т.е., предполагается, что молодежь проще подвергается воздействию убеждений, манипуляций и иных форм психологических приемов [1, с. 142]. Как правило, социально-экономические и психологические факторы действуют в совокупности. Поэтому одной из основных задач государства в области противодействия терроризма является разработка и обширное применение профилактических мер, направленных на предупреждение идеологии терроризма в молодежной среде.

Переходя к исследованию, целесообразно ознакомиться с законодательной базой, которая осуществляет правовое регулирование в области противодействия терроризму. Основным актом в данной сфере является Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в ст. 3 дается легальное определение терроризму: «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [5]. Также в указанной статье находится перечень действий, которые сами по себе признаются террористической деятельностью. В УК РФ наличествует ряд специальных составов, которые подразумевают наличие признаков данной противозаконной деятельности (ст. 205-205.6).

К сожалению, большое количество случаев террористической деятельности, в которой были задействованы лица из этого слоя населения. Террористические группировки достаточно часто вербуют людей именно такой возрастной категории для содействия в их преступных деяниях. Как уже ранее было упомянуто, большое влияние на молодёжь оказывают социально-экономические и психологические факторы. Простыми словами, на человека могут повлиять проблемы с финансами, обстановка в стране, а также личные психологические травмы, которые были получены в результате, например, плохих отношений с семьей и окружением.

Хрестоматийным примером участия молодежи в террористической деятельности является взрыв на Черкизовском рынке в Москве в 2006 году. В данном преступлении фигурировали студенты химического направления, они же изготовили взрывное устройство, некоторые из них в итоге получили пожизненное заключение по приговору суда.

Такие ситуации еще больше укрепляют важность задачи государства способствовать формированию благополучной среды, которая способствует правильное

развитие личности и дальнейшую социализацию. Также немаловажно осуществлять контрольные и профилактические мероприятия за деятельностью общественных объединений, организаций. Это нужно для того, чтобы пресекать на раннем этапе группировки, чьим ориентиром является идеология терроризма.

Что касается правовой базы в данном вопросе, то Министерство образования и науки РФ выпустили Приказ об утверждении методических рекомендаций по противодействию распространению идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде в субъектах Российской Федерации, целью данного акта предстает создание эффективной системы профилактики распространения идеологии терроризма в молодежной среде и защиты молодежи от вовлечения в террористическую деятельность [4]. Приказ предусматривает рекомендованный перечень профилактических мероприятий в различных сферах. Например, в области межведомственного сотрудничества предлагается создание общественных советов и межведомственных комиссий, формирование и реализация региональных и муниципальных программ противодействия распространению идеологии терроризма и другие меры. В сфере инфраструктуры рекомендуется создать центры социально-психологической помощи молодежи, молодежные клубы и другое.

Приказ уделяет важный аспект партнерству со стороны органов государственной власти субъектов, антитеррористических комиссий субъектов, органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций в реализации поставленной цели.

Итак, считаем целесообразным предложить дополнительные профилактические мероприятия, которые, по нашему мнению, способствуют снижению уровня распространения идеологии терроризма в молодежной среде:

- 1) достаточно актуальным остается вопрос образования, процесс которого стоило бы пересмотреть, т.к. в учебных заведениях общего и высшего образования также происходит социализация личности. Все еще наличествует проблема буллинга, которая может в негативном ключе повлиять на человека. Чаще всего одной из причин распространения скулшутинга (вооруженное нападение на учебные заведения с применением насилия, рассматривается как разновидность террористической деятельности) является буллинг, из-за которого в совокупности с иными факторами личность приходит к совершению преступных действий, мотив может быть связан с мстостью или с желанием доказать что-либо, а также с иными причинами. Поэтому, целесообразно в образовательных учреждениях создавать комфортный психологический климат: проводить регулярные семинары с психологами, личные беседы педагогов с обучающимися, особое внимание уделять обучающимся, которые проявляют какие-либо негативные аспекты в поведении [3, с. 340];
- 2) создать в рамках образовательных программ специальный курс, посвященный противодействию терроризму и экстремизму. Курс может включать в себя регулярный просмотр документальных материалов по этой теме, изучение правовой базы, а также разъяснение последствий и ответственности за подобные деяния. Содержание данного курса должно соответствовать конкретному уровню образования;
- 3) большое внимание стоит уделить организации досуга (всевозможные конкурсы, фестивали, экскурсии или иные развлекательные мероприятия), в особенности, в маленьких населенных пунктах;
- 4) развивать новые виды подготовки педагогических работников, а также государственных и муниципальных служащих по реализации задач в сфере предупреждения идеологии терроризма в молодежной среде в

форме обучающих семинаров, проведение должных конференций различного уровня, курсов повышения квалификации, а также круглых столов в рамках межведомственного взаимодействия. А.В. Сумачев и И.Г. Бызова приводят следующий пример: «в частности, 17–18 июня 2019 г. в г. Радужный Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Автономной некоммерческой организацией дополнительного профессионального образования «Нижневартовский профориентационный учебный центр» (АНО ДПО «НПУЦ») были организованы курсы повышения квалификации «Организация деятельности органов местного самоуправления по профилактике и предупреждению терроризма и националистического экстремизма» с последующей выдачей соответствующего сертификата» [2, с. 49].

- 5) развивать контроль за средствами массовой информации, особое внимание уделить социальным сетям. Сотрудники различных структур упоминают, что социальные сети и мессенджеры более уязвимы для распространения материалов, пропагандирующих терроризм и экстремизм. Для ожесточения контроля можно использовать технологии искусственного интеллекта, эту практику уже внедряет Прокуратура Российской Федерации для блокировки интернет-ресурсов, нарушающих законодательство РФ, а также для аналитической работы и прогнозирования состояния преступности в рамках конкретного региона.

Таким образом, стоит сделать вывод, что профилактика терроризма в молодежной среде для государства должна быть одной из приоритетных задач. Данные меры, которые были указаны в настоящем исследовании, по мнению авторов, помогут улучшить борьбу с данной идеологией в молодёжных кругах.

1. Кочесокова М.К. К вопросу о профилактике терроризма в молодежной среде // Молодежь России в XXI веке: Материалы студенческой научно-практической конференции, проводимой в рамках VI Всероссийского студенческого форума «Россия – наш общий дом», 2019. С. 140-146.
2. Сумачев, А. В. Профилактика идеологии терроризма в молодежной среде / А. В. Сумачев, И. Г. Бызова // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 1 (28). — С. 47–50.
3. Лукашкова И.Л., Яценко А.А. Феномен склуштинга: причины и профилактика // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6, № 2 (12). С. 337-341.
4. Приказ Росмолодежи от 29.03.2018 N 91 «Об утверждении Методических рекомендаций по противодействию распространению идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде в субъектах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2024).
5. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2024).

Шевчук И.В., Никитенко С.А.

Экстремизм как угроза национальной безопасности общества

*Волгоградский институт управления (ф) Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-431

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы экстремизма как угрозы национальной безопасности как в Российской Федерации, так и в мире в целом. Особое внимание уделено способам проявления экстремизма в обществе. Авторы выявили и рассмотрели конкретные аспекты негативного влияния экстремистских организаций на молодых людей и государство.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские организации, угроза национальной безопасности, радикальные идеологии, агрессивные тактики.

Abstract

The article examines the issues of extremism as a threat to national security both in the Russian Federation and in the world as a whole. Special attention is paid to the ways in which extremism manifests itself in society. The authors identified and examined specific aspects of the negative impact of extremist organizations on young people and the state.

Keywords: extremism, extremist organizations, threat to national security, radical ideologies, aggressive tactics.

Экстремизм – это идеологическая позиция, поведение, которое отвергает основные принципы демократического общества, и стремятся к радикальным изменениям с использованием насилия или нарушением прав и свобод других людей. Экстремизм может проявляться в различных формах, включая политический, религиозный, националистический или идеологический.

Экстремистские группы или индивидуумы могут использовать агрессивные тактики, такие как пропаганда ненависти, дискриминация или иные формы насилия, чтобы достичь своих целей. Профилактика и борьба с экстремизмом являются важными задачами, как на уровне правопорядка, так и в образовательной сфере и социальной политике.

Согласно Федеральному закону от 25. 07. 2002 года №114 – ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», под экстремистской деятельностью законодатель понимает: - насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами; - публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; - возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; - пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; - нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; - воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; - воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; - совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; - использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии; - публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; - публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся

преступлением; - организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; - финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [1].

Экстремисты могут проявлять себя различными способами, их действия могут варьироваться от устных заявлений до насильственных актов. На практике выделяют достаточно много распространённых способов, которыми проявляют себя экстремисты. Первый особо значимый способ это пропаганда идей. Экстремистские группы и лица, действующие в одиночку, часто используют различные каналы (интернет, социальные сети, печатные материалы) для распространения своей идеологии, привлечения последователей и оправдания своего поведения. Террористические акты также относят в группу данных преступных способов экстремистов. Некоторые экстремисты прибегают к насилию для достижения своих целей, что может включать взрывы, захваты заложников, нападения на гражданских лиц или другие акты насилия. Следующий немаловажный способ – участие в демонстрациях и протестах. Экстремисты могут участвовать в публичных акциях, где обозначают свои радикальные взгляды. Иногда эти демонстрации перерастают в насильственные столкновения с противниками или правоохранительными органами. Далее не стоит забывать про вербовку и радикализм. Экстремистские группы могут активно работать над вербовкой новых членов, используя различные методы, включая социальные сети и личные встречи. Экстремисты могут проявлять агрессию к тем, кто не согласен с их мнениями, включая физическое насилие, угрозы или запугивание. Символика тоже очень важна для экстремистов. Использование определенной символики, одежды или жестов, которые ассоциируются с экстремистскими движениями, может быть способом самовыражения и идейной идентификации.

Важно отметить, что экстремизм может принимать разные формы, и не все проявления экстремизма являются насильственными. Тем не менее, крайне важно предупреждать и реагировать на любые проявления экстремистской идеологии для защиты прав и свобод всех граждан.

Объектом экстремистской деятельности могут выступать различные аспекты политической, социокультурной жизни общества, например, идеологические принципы, социальные группы, государственные структуры, система правопорядка, молодёжь, культура и искусство, интернет и социальные сети, а также политические процессы. Объекты экстремистской деятельности варьируются в зависимости от специфики идеологии и целей конкретной группы, однако все они имеют общую цель – это стремление навязать свою волю или взгляды другим через насилие, запугивание или дезинформацию.

Как показывает статистика, экстремизм действительно является динамичным явлением, которое изменяется и адаптируется в зависимости от социально-политических элементов, технологий и культурных вещей. К примеру, изменения в обществе, такие как миграция, экономические кризисы, социальная нестабильность или конфликты, могут способствовать образованию новых экстремистских групп или развитию существующих. Правоведы задаются вопросом, действительно ли так важно уделять большое внимание экстремистским организациям. Да, действительно, экстремистским организациям следует уделять особое внимание. Они представляют собой серьезную угрозу для безопасности, стабильности и правопорядка, как на внутригосударственном, так и на международном уровнях. Идеологическая основа как один из ключевых аспектов позволяет это лучше понять. Экстремистские организации часто базируются на радикальных идеологиях, которые могут включать в себя элементы религиозного фанатизма, национализма, антиглобализма и прочее. Понимание этих идеологий важно для разработки эффективных стратегий противодействия. В целом, внимание к экстремистским организациям

необходимо не только для обеспечения безопасности, но и для создания эффективных стратегий по улучшению социальной сплоченности.

Если затронуть статистику совершенных преступлений экстремистской направленности в России за последние годы (2022-2024 гг.), то экстремизм оставался важной проблемой, проявляющейся в различных формах. Религиозный экстремизм продолжал оставаться одной из основных угроз. В частности, наблюдалась активность групп, связанных с радикальным исламом. Органы власти страны активно боролись с подобными проявлениями, проводя операции, с целью задержания лидеров и активистов. Киберэкстремизм также набирал обороты. Существенно увеличилось распространение экстремистских идей через интернет. Это обострило проблему, связанную с радикализацией молодёжи и набором сторонников через социальные сети.

Итак, борьба с экстремизмом – это сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода и участия различных институтов общества. В свою очередь правоохранительные органы нашей страны выполняют колоссальную работу по блокировке данного течения преступлений. Эти и другие меры могут помочь в эффективной борьбе с экстремизмом.

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25. 07. 2002 года №114 – ФЗ [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru>. Дата обращения 15. 10. 2024.
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
3. Семенова В.В. Юридические средства в обеспечении национальной безопасности// Материалы международной научно-практической конференции (2019;Волгоград). – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2020. – с. 65.

Dyachkova D.S., Timoshenko A.S., Gusakova N.L.

Current problems of bringing parents to administrative responsibility for failure to fulfill responsibilities for the maintenance and upbringing of minor children

*Belgorod State National Research University
(Russia, Belgorod)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-432

Abstract

The Russian Federation, as a state, sets itself as its main task the protection of the rights and freedoms of every person and citizen. However, special protection mechanisms apply to certain categories of subjects due to the fact that they represent the most vulnerable segments of the population. These include minors whose vulnerability is a consequence of their psychophysiological development. As one of the additional guarantees of respect and protection of the rights of minors, the legislator provides for administrative liability, the measures of which are applied to parents who do not fulfill their responsibilities towards the child. The importance of this guarantee makes the issue of eliminating problems arising during its implementation relevant.

Keywords: administrative responsibility, minor children, Federal Law, Code of the Russian Federation, monetary penalty.

Аннотация

Российская Федерация, как государство, ставит перед собой в качестве главной задачи защиту прав и свобод каждого человека и гражданина. Однако в отношении категории отдельных категорий субъектов действуют особые механизмы защиты ввиду того, что они представляют собой наиболее уязвимые слои населения. В их число входят несовершеннолетние лица, чья уязвимость является следствием особенностей психофизиологического развития. В качестве одной из дополнительных гарантий

соблюдения и охраны прав несовершеннолетних, законодателем предусматривается административная ответственность, меры которой применяются в отношении родителей, не выполняющих свои обязанностей по отношению к ребёнку. Важность данной гарантии делает вопрос об устранении проблем, возникающих при её реализации, актуальным.

Ключевые слова: административная ответственность, несовершеннолетние дети, Федеральный закон, Кодекс Российской Федерации, денежное взыскание.

Introduction

Part 2 of Article 54 of the current Family Code of the Russian Federation contains the following instruction: “Every child has the right to live and be raised in a family, as far as possible, the right to know his parents, the right to their care, the right to live together with them, except in cases when it is contrary to his interests.”

Article 5.35. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation contains an indication of the elements of the offense, expressed in the commission of the following actions: “failure to fulfill or improper fulfillment by parents or other legal representatives of minors of duties for the maintenance, upbringing, training, protection of the rights and interests of minors.”

The norm also establishes two types of punishment that can be applied to guilty persons:

- warning;
- a fine in the amount of 100 to 500 rubles.

J.P. Dorofeeva in her work notes that the severity of the punishment provided for in the article we outlined above is insufficient to influence the offender. According to the author, the main problem is that the fine amount is too low, which is not able to have the proper impact on parents who do not fulfill their responsibilities.

E.V. Janusz also takes the position that the administrative punishment is too lenient. However, when pointing out this problem, the author refers only to a warning, saying that this type of punishment cannot affect the persons committing the illegal acts in question, since many of them simply do not understand the legal consequences of the designated sanction.

S.L. Banshchikova, in her scientific research, correctly indicated that the legislator deliberately provided for small amounts of fines, since, according to statistics, most of the offenses are under Part 1 of Article 5.35. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation is committed by persons who are in an unfavorable financial condition. Since parents provide money and other material goods for their children, putting too much pressure on their already low finances will primarily be contrary to the interests of the child himself.

G.V. Greshnova, agreeing with the identified problems, proposes to resolve the issue of eliminating legislative gaps by replacing these penalties with compulsory work. According to the author, such changes will have a beneficial effect on reducing the number of offenses under Article 5.35. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The scientist argues his position by the fact that compulsory labor is the only type of punishment that does not in any way affect the interests of a minor. The effectiveness of the impact of compulsory labor on the consciousness of the offender is also noted. We can only partly agree with each of the above positions of scientists.

In our opinion, the amount of the fine is indeed insignificant. If you follow the legislative process, you will notice that for the last time the provisions of Part 1 of Article 5.35. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation was amended by Federal Law dated June 22, 2007 No. 116-FZ. Thus, the last changes occurred 15 years ago, which is a significant omission of the legislator.

During the indicated period, serious economic changes have occurred in the Russian Federation, which make the current amount of an administrative fine irrelevant and ineffective. We believe that a fine of 100 to 500 rubles cannot properly fulfill the purpose of administrative punishment - preventing the commission of offenses.

We fully support E.V.'s proposal. Janusz, expressed in the need to exclude from the sanction Part 1 of Article 5.35. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation such punishment as a warning.

It seems to us that it is possible to leave a warning only if the amount of the fine is changed to a higher one. Thus, it will actually be able to effectively influence offenders, since it will entail legal consequences, expressed in the fact that if the unlawful act is repeated, responsibility will already be determined according to Part 3 of Article 5.35. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, which provides for punishment in the form of a fine ranging from 4,000 to 5,000 rubles or arrest for up to five days.

Proposal by G.V. We consider Greshnova's proposal to replace existing punishments with compulsory labor inappropriate. We do not agree with the argument that such punishment is not capable of violating the interests of a minor. Since the offense itself, as one of the signs of the objective side, involves actions expressed in failure to fulfill the responsibilities of raising a child, a proposal aimed at reducing the amount of free time a parent has that he could spend on fulfilling the obligations assigned to him seems quite irrational.

Thus, to summarize our study, we can conclude that the main problem of the administrative responsibility of parents who have violated their obligations to raise and support a child is the omission of the legal regulation of punishment applied to those who committed the designated actions. Based on an analysis of the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and thematic sources of literature, we have formulated the following proposals that may allow us to resolve the current situation:

1. Changing the amount of the administrative fine established in Part 1 of Article 5.35 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation to amounts from one and a half to three thousand rubles. We believe that this amount is least likely to affect the interests of the child himself, and will also act as an effective remedy for parents who have committed an offense.
2. In case of leaving the current amount of the fine, we consider it necessary to exclude from the same norm the warning provided as a punishment, since in such conditions its presence does not seem appropriate, due to the fact that an administrative fine of 100 to 500 rubles has a practical impact on offenders equal influence.

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on November 4, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1. – Art. 1.
2. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on August 4, 2022) (with amendments and additions, entered into force on September 1, 2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.
3. Federal Law of June 22, 2007 No. 116-FZ (as amended on July 1, 2021) "On amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in terms of changing the method of expressing a monetary penalty imposed for an administrative offense" // Collection of Legislation RF. – 2007. – No. 26. – Art. 3089.
4. Banshchikova, S.L. Current issues of administrative responsibility of parents for failure to fulfill duties in relation to minors / S.L. Banshchikova // Siberian Legal Review. – 2016. – No. 6. – P. 174-180.
5. Greshnova, G.V. Application of measures of state coercion and persuasion to the legal representatives of minors: conflicts of legal norms and interests / G.V. Greshnova // Legal technology. – 2017. – No. 7. – P. 26-30.
6. Dorofeeva, Zh.P. Features and types of parental responsibility for failure to fulfill obligations to raise and support their minor children / Zh.P. Dorofeeva // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 1. – P. 70-75.
7. Yanush, E.V. Administrative responsibility for failure of parents or other legal representatives of minors to fulfill their duties for the maintenance and upbringing of minors / E.V. Janusz // Siberian Legal Bulletin. – 2019. – No. 3. – P. 85-91.

Slezko S.K., Asaulyak D.E., Gusakova N.L.
Corruption in the field of taxation

*Belgorod State National Research University
(Russia, Belgorod)*

doi: 10.18411/trnio-11-2024-433

Abstract

In this article, the authors consider the need to improve the existing anti-corruption system in the field of taxation. The main directions of anti-corruption activities in tax authorities are identified and analyzed. The authors formulate their own proposals for the implementation of measures aimed at improving the existing anti-corruption system in tax authorities.

Keywords: corruption, anti-corruption, tax authorities, taxation, anti-corruption.

Аннотация

В данной статье авторы рассматривают необходимость совершенствования существующей антикоррупционной системы в сфере налогообложения. Определены и проанализированы основные направления антикоррупционной деятельности в налоговых органах. Авторы формулируют собственные предложения по реализации мер, направленных на совершенствование существующей антикоррупционной системы в налоговых органах.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, налоговые органы, налогообложение, противодействие коррупции.

Significant attention has been paid to anti-corruption issues in our state for a long period of time. For a long time, government agencies have been developing new ways to combat corruption, some of which subsequently show their practical effectiveness. In some situations, it is necessary to take specific measures that would be aimed at eliminating corruption in a particular area of public or public life. One of these areas is taxation, on which the financial well-being of the state largely depends, since a significant part of the budget is formed precisely in the process of collecting taxes from individuals and legal entities.

To date, anti-corruption standards in the tax authorities of the Russian Federation can be found in a significant number of regulatory and subordinate legal acts, which once again emphasizes the high role that the state allocates to this type of activity. In particular, a significant place in such regulatory regulation is occupied by Decree of the President of the Russian Federation No. 478 dated August 16, 2021 "On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024", which contains indications of the need to develop a system of measures to prevent and combat corruption in the tax authorities of the Russian Federation. .

It is based on this decree that other by-laws are being developed, including those of a local nature, which are valid only on the territory of a certain subject of our state. In this context, it is impossible not to agree with the position of Saifullin, who holds the opinion that in the conditions of the existence of certain features of domestic federalism, the possibility of developing and putting into effect local by-laws is of high importance, since it allows solving a number of specific tasks that take place only within a specific subject of the Russian Federation.

In our opinion, such an approach is really rational. The system built to date is designed in such a way that the standards for combating corruption in tax authorities are set at the federal level, however, the authorities of the subjects have the opportunity to specify some of the features of such activities in order to meet the needs existing in a certain region .

If we consider the general approach to combating corruption in the tax sphere, which extends throughout the territory of the Russian Federation, we can identify the following main areas of this activity:

- improving the existing system aimed at preventing and combating corruption, developing new methods, methods and techniques for its implementation, as

well as analyzing the effectiveness of existing ones that have passed practical tests and shown certain results;

- improvement of the regulatory framework for combating corruption in the field of taxation, both at the federal and at the level of the subjects of the Russian Federation;
- control over the activities of officials who serve in the tax authorities of the Russian Federation, including representatives of the management staff.

In order to increase the effectiveness of the fight against corruption in tax authorities, we propose to take the following measures:

- elimination of existing gaps in the legislation on taxes and fees, as well as the development of new regulatory and bylaws aimed at improving this institution;
- continuation of the policy on automation and digitalization of the Institute of taxes and fees in the Russian Federation, as this may lead to a significant decrease in personal contacts that currently take place between employees of tax authorities and taxpayers;
- consolidation of rules at the federal level, according to which the reception of visitors at the tax authorities should be conducted in conditions of video and audio recording;
- development of the latest information systems and software that will eliminate the possibility of manual data entry, and fully automate this process;

Thus, at the present stage, the fight against corruption in the field of taxation is carried out through the development of a system of measures at the federal and regional levels of the Russian Federation. We have identified the main directions of this type of activity, as well as formulated proposals aimed at improving it. Most of the proposals address the need to improve the system of anti-corruption work with personnel.

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 478 dated August 16, 2021 "On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 34. – Article 6170.
2. Ivleva, O.A. Corruption in tax authorities / O.A. Ivleva // Man and the modern world. – 2018. – No. 1. – pp. 30-35.
3. Panov, A.Yu. Priorities of activities for the prevention of corruption in tax authorities / A.Yu. Panov // Man and the modern world. – 2019. – No. 2. – pp. 49-54.
4. Saifullina, S.A. Place of bribery in tax legal relations / S.A. Saifullina // Skif. Questions of student science. - 2017. – No. 3. – pp. 34-40.

LJournal

Научно-издательский центр

Рецензируемый научный журнал

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№115, Ноябрь 2024**

Часть 9

Подписано в печать 25.11.2024. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.10,82
Отпечатано в типографии Научный центр «LJournal»